

ВИКТОР КОТОВИЧ

**ЖЕЛЕЗНЫЙ
ФЕНИКС**

Гений, миллионер, плейбой, филантроп? Ха!

В глаза меня называли алхимиком, который умеет превращать условный «свинец» в реальное бабло. А за глаза... Упырь, душегуб, подонок... Да плевать! Главное — как следует отплатить одной сволочи. Даже если в процессе самому придётся сдохнуть.

Но долгожданный покой мне так и не достался. Зато есть новое тело, дурная слава и куча родственников, только и мечтающих меня прикончить. Ну и магия, в которую я никогда не верил.

Ничего, двум смертям не бывать — прорвёмся.

Злобные монстры, отбитая родня и, конечно, красивые девушки — готовьтесь! Никто не устоит перед Максом Воскресенским!

Глава 1

Чтоб не сказали «помер»

— ...Ладно, уговорили! Беру обеих!

Жирная лоснящаяся морда сидящего напротив мужика будто идёт рябью. Где-то под пластами его затянутого в дорогой костюм сала зарождается хриплый смех, почти сразу же переходящий в сдавленный кашель.

Курить меньше надо, кретин. Моложе меня на целых двенадцать лет, а уже явно одной ногой в могиле.

Ладно, с некоторых пор двумя. И здоровье тут совершенно не причём.

Жирдяй наконец прокашливается и жадно присасывается к стакану, на два пальца наполненному янтарной жидкостью. Точно такой же стакан, из которого я отпил чисто из вежливости, стоит рядом со мной.

Все знают, что я сто лет в завязке, поэтому вопросов моё поведение не вызывает.

В нашем деле лишние вопросы вообще чреватые. В лучшем случае возьмут под белы ручки и популярно объяснят, почему не стоит лезть не в своё дело. В худшем же... Скажем так: бывает по всякому. И просто смерть иногда — самый милосердный вариант.

Только предателей это не касается. Потому что ответственность несут не только они, но и их семья, друзья, любимая собачка.

Как славно, что у меня ни того, ни другого, ни третьего. Особенно собачки.

Жирный доглыкивает своё пойло и по-хозяйски щедро наливает ещё. Хитро грозит мне толстым пальцем с массивной печаткой из белого золота:

— Седина в бороду, бес в ребро? А, Макс?

Загадочно улыбаюсь, предоставляя хозяину думать над ответом самостоятельно. А ответ тут может быть только один: не твоё, пёсий сын, собачье дело, кого я трахаю и в каких позах.

И вообще — когда уже к делу перейдём, Николаич? Час сидим, а к обсуждению нового заказа так и не перешли. Начинаю думать, что ты реально позвал меня ради выпивки и болтовни о бабах. Помнится, подручные твои трепались, что ты жуть какой занятой, прям на козе не подъедешь. Врали, поди.

Будто подтверждая мои подозрения, Николаич слишком неторопливо обрезает головку сигары. Долго поджигает. Раскуривает. Затем любовно укладывает её в пепельницу и подпирает двойной подбородок едва сцепливающимися ладонями.

Пока он всё это делает, я терпеливо жду. Всё-таки Николаич — мой главный бизнес-партнёр, куда деваться.

И главная мишень.

Совсем недолго осталось.

Слегка меняю положение тела на более удобное. Чувствую, как в кармане требовательно сдвигается зажигалка.

Погоди. Ещё не время.

— У меня для тебя тоже байка имеется, — проникновенно, будто сказку, начинает вдруг жирдяй. А меня как током бьёт: неужто спалили?! Если так, то придётся... — Это лет десять назад произошло... Или одиннадцать? Не помню.

Если это то, о чём я думаю, то двенадцать. Двенадцать лет, три месяца и семнадцать

дней.

Смотрит испытующе, пытаясь считать мою реакцию. В ответ добродушно киваю и расслабленно откидываюсь в кресле — продолжай, мол, очень интересно.

Николаич хмыкает и действительно продолжает:

— Так вот. Жил тут как-то один... уважаемый учёный. Исследовал всякую дребедень, то ли физику, то ли биологию. Гранты себе попиливал, кхах.

Химия. Это была химия. Если бы не она, я бы перед тобой сейчас не сидел. А гранты.. Было бы что пилить.

Приподнимаю уголки губ в вежливой улыбке. Я уже знаю, к чему всё идёт. Знаю, что шансов отсюда выйти у меня почти нет. Но если уж начал блефовать — доводи до конца. Всё равно терять мне нечего.

— А потом у него чего-то произошло, — ухмыляется Николаич. — То ли с женой, то ли с дочерью. Или с обеими?

Автокатастрофа. Жена, сын, беременная невестка. Вера, Юра, Лиза, Арсений. Как я выяснил после — они не были первыми. Да и последними — тоже.

Против воли моя улыбка застывает, превращаясь в маску. За которой я пытаюсь сдержать рвущиеся наружу эмоции. Ещё чуть-чуть — и вызверюсь оскалом.

Ну уж нет. Так бездарно просрать на финальном этапе тщательно продуманную операцию — да меня в аду даже черти засмеют! И плевать, что их не существует.

— Говорят, учёный после этого спился и через пару лет сдох где-то под забором в луже собственной блевотни, — с удовольствием заканчивает толстяк.

Или это ещё не конец?

Проверим.

Николаич замолкает, чтобы попыхтеть сигарой. А я невзначай достаю из кармана зажигалку. Обычная дешёвка с логотипом сетевого магазина, в котором и была приобретена. Щелчок — и ничего. Видно, газ кончился.

Поднимаю взгляд на Николаича — он настороженно пялится на предмет в моих руках, словно боится, что тот взорвётся. Даже про любимую сигару забыл.

Знает.

Он всё знает.

А значит, ближе мне к нему уже не подобраться. Придётся идти ва-банк.

Делаю вид, что убираю зажигалку в карман. Николаич едва заметно выдыхает. Что, страшно? То ли ещё будет.

Тянусь за стаканом — и неловким движением смахиваю его со стола. Чертыхаюсь, лезу доставать.

Быстро просовываю так и оставшуюся в руках зажигалку под манжет рубахи. Вроде держится, да и я руками размахивать не собираюсь. Риск неудачи, конечно, велик. А что делать? На случай провала есть план Б, но хочется всё же прищучить урода собственноручно.

— А ещё говорят, — чуть повышает голос Николаич, когда я с пустым стаканом наперевес возвращаюсь в исходное положение, — что это всё брехня. Не спился он, а на весь мир разобиделся. Особенно почему-то — на некоторых уважаемых людей. С чего-то взял, что они к этому причастны, и пошёл разбираться с ними направо и налево.

Вообще-то, дорогой мой Виталий Николаевич, есть такая вещь, как доказательства. Только они почему-то никого не интересуют, когда на кону толстая пачка бабок, правда?

— Действовал тайком, будто крыса. И звали нашего героя... Как же его звали, а Макс?

Может, ты в курсе?

— Воскресенский Максим Сергеевич, — ровным голосом произношу я. Пора кончать этот балаган.

И тут же, будто только того и ждали, в комнату врывается толпа охранников. Стаскивают меня на пол. Пинают по рёбрам и в рыло — чисто для проформы, чтоб не рыпался. Скручивают руки за спиной и защёлкивают наручники на запястьях. Молниеносно обыскивают, но у меня с собой даже телефона нет. Только ещё одна зажигалка, рабочая. Хрен знает, почему до сих пор таскаю. Наконец-то пригодилась. Её выкладывают на стол, потом двое охранников усаживают меня обратно в кресло.

Всё это время Николаич с видимым удовольствием наблюдает за происходящим. Подсчитывает будущие барыши, не иначе. Ещё бы! Взять в оборот самого Макса-алхимика! Почему алхимика? Потому что я, как никто другой, умею превращать свинец и прочую дребедень в натуральное золото. В бабло, в смысле.

И даже будь я тысячу раз предателем, убивать меня не так уж выгодно. Гораздо лучше как следует прижать хвост и пользоваться моими талантами дальше, уже на своих условиях.

Только в этом ты просчитался, Николаич. Я больше ничего на боюсь.

— А хорошо ты спрятался, — почти восторженно сообщает бывший деловой партнёр, как только я снова оказываюсь напротив него. — Мои ребята пятаки стёрли, пока на тебя компромат рыли.

— И на чём же я прокололся? — интересуюсь чисто для поддержания разговора. Какая, в сущности, разница. Меня больше волнует, как побыстрее извлечь зажигалку из-под манжета, не привлекая внимания охраны.

Николаич хрипло ржёт:

— Да так, всего помаленьку. Лучше всего Стас Петров сработал. Помнишь такого?

Конечно, помню. Способный парень, хороший сотрудник. Чересчур хороший, как видно.

— А ведь я тебе доверял, — фальшиво-грустно вздыхает Николаич. — Равнялся. Чуть ли не учителем считал.

— Ох, избавь меня от всего этого сопливого дерьма, Николаич, — порядок, зажигалка в руке. — Ты ж не просто так меня в живых оставил. Что надо? Выкладывай.

— А ты не меняешься, Макс. Или всё-таки Максим Сергеевич?

Смотрю на него исподлобья:

— И долго ты будешь со мной заигрывать? Уймись, я не по этой части. Давай к делу.

Не любит Николаич таких намёков, ой как не любит. Толстая рожа заметно кривится, а хриплый голос дрожит от ярости:

— К делу, так к делу, Макс. Работать теперь будешь на меня. Все права на прошлые, текущие и будущие разработки — мои. И больше никаких фокусов. Ясно?

Кошусь на посмеивающихся охранников:

— Да куда уж яснее.

Толстые щёки торжествующе колыхаются:

— А прямо сейчас, Макс, ты расскажешь мне, где вся документация по Белой орхидее.

Так вот оно что. Захотел наложить лапу на проект для другого заказчика. Ожидаемо. Неплохая приманка.

— Прямо при всех рассказывать? — с сомнением уточняю я, снова посматривая на охранников.

На физиономии Николаича отражаются страшные сомнения.

— Всё забрали? — гавкает он в сторону одного из подчинённых.

— Обижаете, Владислав Николаевич, — бурчит тот. — При нём и не было ничего, одна зажигалка.

Толстяк удовлетворённо кивает:

— Тогда выйдите все. Но чтоб при любом подозрительном звуке...

Охрана послушно подчиняется. Отлично, просто великолепно. Первый этап завершён.

Теперь подобраться поближе, чтоб наверняка.

— Ну? — требовательно вопрошает Николаич, стоит нам остаться наедине. — Где документы?

— Они у меня лежат... Слушай, а ты уверен, что у тебя тут прослушки нету? Сейчас такие хитрые приборы делают — хрен обнаружишь...

Делаю ставку на свойственную бывшему партнёру паранойю, и попадаю в яблочко. Значит, не зря его повадки столько лет изучал.

Николаич тяжело вздыхает:

— погоди, я поближе подойду.

Сползает с кресла. Идёт, переваливаясь с боку на бок, будто раскормленная рождественская утка. Хорошо, что стол между нами не такой уж большой, иначе сто лет пришлось бы ждать. А у меня нервы всё-таки не железные.

Наконец бескрайняя туша нависает надо мной.

— Ну? — говорит тише, но не менее требовательно.

— Баранки гну! — весело отвечаю я. Хоть и не так, как я планировал, но ведь получилось же! — Соси жопу, Николаич!

Преувеличенно-деловое выражение на его физиономии сменяется пониманием, затем ужасом. Он дёргается назад, но поздно: я уже нажимаю одному мне известное место на корпусе заветной зажигалки. В руках разрастается огненный цветок, выжигая всё в радиусе пары метров.

Белая Орхидея.

Оружие возмездия.

Вера, Юра, Лиза, Арсений, спите спокойно.

А мне пора на покой.

Наконец-то.

* * *

Не сразу понимаю, что меня бьют. Методично хреначат головой об стену. Как будто так и надо. Меня этот факт почему-то тоже не слишком беспокоит. В голове ни единой мысли, только непрекращающийся гул трансформатора. Видать, башка у меня после взрыва совсем запеклась...

Вообще-то взрыв был такой, что она должна была лопнуть, как перезрелая слива, не то что запечься. Я в эпицентре даже теоретически выжить не мог.

Но если я жив и что-то чувствую...

Значит, Николаич, тварь, тоже спасся!

В виски шибает адреналин, кровь будто закипает. Надсадно рычу и с усилием

выворачиваюсь из медвежьей хватки огромной лапищи, которая держит заломленной мою руку. Обидчик с готовностью отступает, я оборачиваюсь к нему, где-то на краю сознания удивляясь непривычной подвижности собственного тела.

А потом у меня отвисает челюсть.

Потому что настолько огромных людей, как тот, кого я вижу, никогда в своей жизни не встречал. Ростом он минимум на две головы выше. Мускулы под загорелой кожей — покруче чем у бодибилдера. На теле — ни единой волосинки, кроме бровей да проклёвывающейся щетины. Но больше всего поражают его длинные острые уши, увешанные побрякушками. Поначалу мне даже кажется, что уши не настоящие. Но мимо пролетает жук, и мужик раздражённо дёргает правым ухом.

Одет он в кожаные штаны, грубо сшитые из кусков кривыми стежками. Выше пояса и вовсе голый, за исключением двух повязок, зачем-то стягивающих его бицепсы. И перчаток — вероятно, чтобы сподручней меня отдубасить.

Для меня его вид настолько в диковинку, что я не сразу замечаю, с какой неприкрытой ненавистью он на меня пялится. Будто я во всех смертных грехах виноват.

Это, впрочем, недалеко от истины, так что я не в обиде.

А вообще, что могу сказать? Как-то по-другому я себе чертей представлял. Да и всерьёз в них никогда не верил. Научный атеизм, критическое мышление, все дела.

Между тем этот чёрт безрогий смотрит на меня сверху вниз, с уничижительной брезгливостью. А потом с деланно-вежливой поддёвкой спрашивает:

— Ну что, барин, охолонули мальчика? Продолжим?

Что ещё за «продолжим»? И что за «барин»? Это Николаич шутки шутит или у меня ум за разум заходит?

— Пошёл ты... — начинаю и сразу замолкаю, удивлённый звучанием своего голоса. Или не моего? Так вроде я говорил...

— Неправильный ответ, — скалится чёрт и бросается ко мне. Рефлекторно отскакиваю в сторону. Неожиданно для меня это неплохо получается — возможно, потому, что атакующий не слишком торопится. Так-то особой прыткостью я никогда не отличался — и взялся за тренировки поздно, и давняя травма давала о себе знать.

А сейчас колено как новенькое, даже странно.

А ещё странно ощущение растягивающейся пружины где-то внутри черепной коробки. Откуда и зачем оно взялось — непонятно, но приятным его не назовёшь.

Чёрт злобно сопит и разворачивается. Его взгляд не предвещает ничего хорошего. Надеюсь, мой ему тоже.

Большая проблема в том, что с настолько крупным противником иметь дело мне не приходилось. Я даже не представлял, что такие существуют в природе. Однако природа нашей страны, как оказалось, удивительна. К тому же столь ценный экземпляр каким-то образом оказался на службе у Николаича. А это значит, что соперник он серьёзный. И, скорее всего, ему разрешено меня калечить, а то и убивать. Необычно только, что бывший партнёр решил костюмированное представление устроить. Не припомню за ним подобных привычек. Постарел, видно, одурел.

Но с чёртом-то что делать? На ближней дистанции он меня заламает, так что придётся скакать вокруг, надеясь на внезапно поздоровевшее колено.

Уворачиваюсь от новой атаки, мысленно отмечая странность окружающей обстановки. Мы находимся в большом светлом помещении, больше всего напоминающем спортивный

зал. Стены затянуты белой тканью, скреплённой поверх перпендикулярно расположенными тонкими рейками. Ни дверей, ни окон не видно. Свет льётся откуда-то сверху.

Правда, пялиться в потолок мне сейчас недосуг, потому что чёрт лютует! После третьего промаха он натурально звереет. Кожа лица собирается в складки к переносице, а обнажившиеся клыки кажутся длинными и страшными, будто звериные.

Пружина внутри растягивается всё сильнее, вытягиваясь в струну и причиняя почти физические страдания.

Николаич, что за тварь ты ко мне подослал? Неужто честной пули не нашлось для неудачливого убийцы?!

Но Николаича не видно, зато чёрт тут как тут! Избегаю удара в четвёртый раз, но толстая, перевитая мощными мускулами, рука, выстреливает мне вслед и хватает за шкуру.

И поднимает!

Чувствую себя нашкодившим котёнком, которого вот-вот выкинут на мороз. А он может только болтаться, хрипеть и сучить лапками, пытаюсь хоть немного ослабить впившийся в горло ворот.

Сдаться и сдохнуть? А вот хрен!

Внутри моей головы будто что-то лопается — кажется, та самая пружина. Ну или мозги наконец сдетонировали, кто ж меня знает.

Вот только мгновенная, почти нестерпимая боль тут же сменяется небывалой лёгкостью, почти кайфом.

На дыхание становится плевать, мысли проносятся с невероятной скоростью, а движения чёрта я вижу, как в замедленной съёмке. Даже не сомневаясь, что я сильнее, легко перехватываю несущийся мне в лицо кулак. Хватаю — и просто держу. А из-под моих ладоней поднимается жирный вонючий дым.

Чёрт басовито орёт, падая на колени. С любопытством смотрю в его искорёженную физиономию. Почему-то уверен, что никогда его таким не видел.

И мне по-настоящему нравится, как он сейчас выглядит.

В пространство спортзала вклиниваются посторонние звуки. Кто-то кричит, но я полностью сосредоточен на страдающем чёрте. И своих руках, прямо сейчас окутанных языками пламени. Но это вообще меня не беспокоит, чувствую лишь бесконечную эйфорию и толику любопытства. Что-то вроде исследовательского интереса.

Любопытно, через какое время он сгорит полностью?..

И тут меня прерывают. Неуловимо быстрый точный удар по правой руке — и она повисает плетью. Точно такой же удар обездвиживает левую руку. Я резко поворачиваюсь, чтобы наказать мерзавца, посмеявшегося прервать увлекательный эксперимент. И тут же получаю небрежный тычок в заднюю часть шеи, из-за которого все мышцы резко отказывают. Я заваливаюсь мордой вниз.

На полу какие-то циновки, так что слишком сильно я не прикладываюсь. Сознание тоже при мне. Я просто не могу двинуть ни рукой, ни ногой, ни даже на хрен никого послать, потому что язык тоже не шевелится!

Рядом тоскливо вопит покалеченный чёрт, противно воняет жжёной кожей. Кто-то резким голосом отдаёт отрывистые приказы. Наконец орущего страдальца куда-то то ли уносят, то ли уводят, давая моим ушам немного отдохнуть.

Тем временем душевный подъём, на котором я разобрался с агрессивным чёртом, немного рассеивается. И в голове кроме хищной радости появляются неудобные вопросы.

Это что со мной сейчас такое было? Я же его чуть заживо не спалил! Нет, не то чтобы меня сильно беспокоил сам факт. В моей жизни бывало всякое. В том смысле, что проблемы приходилось решать самыми разными методами. Назвать меня добряком не повернётся язык даже у самого распоследнего льстеца. И я не чувствую по этому поводу ни моральных страданий, ни особенных сожалений. Если я принимаю решение, значит оно оптимально для той ситуации, в которой я оказался. Или позволит избежать глобальных проблем впоследствии.

Но получать от этого удовольствие... Для меня слишком странно.

Потому что я всегда воспринимал это как неизбежную, хоть и не самую приятную сторону своей работы.

Радость мне всегда приносили и приносят другие вещи.

Тогда что же получается?

Меня накачали какой-то дурью?..

На этой оптимистической мысли моё неподвижное тело наконец переворачивают лицом вверх. Ожидаю увидеть кого угодно — от Николаича в обнимку с начальником охраны до ожившей супруги со сковородкой наперевес.

Но надо мной склоняется ещё один чёрт.

Он ещё более огромный, чем предыдущий, хоть и выглядит значительно старше. Его лицо пересекает старый уродливый шрам, явно напоминая о бурной молодости. В отличие от своего злобного сородича, он одет в нормальный человеческий костюм, хоть и старомодно выглядящий. На меня чёрт смотрит спокойно и внимательно, будто ищет какие-то одному ему ведомые признаки. Удовлетворённо кивает и подцепляет мой подбородок наконечником трости, навершие которой сжимает огромной лапицей.

— Ну что, повеса, — произносит глубоким, чуть хриплым басом. — Натворил делов?

Пытаюсь ответить — язык по-прежнему не слушается. Единственное, что мне доступно — хмуриться, что я и делаю, искренне надеясь, что это выглядит хоть сколько-нибудь угрожающе. Чёрт наблюдает за моими потугами с лёгкой насмешкой, как сытый кот за мышинной вознёй. Потом слегка поворачивает голову и кому-то командует:

— В лазарет его.

А потом просто уходит.

Меня с двух сторон подхватывают под белы ручки и кое-как ставят на ноги, подпирая с боков. Краем глаза вижу, что это не черти, а обычные люди. Значит, и правда в аду оказался, раз нашим братом тут не пойми кто командует.

Надо же, никогда не думал, что вся эта религиозная мутотень окажется хоть немного правдивой. Век живи — век учись.

Впрочем, молиться и каяться всё равно поздно: я уже здесь.

Меня выводят, да что там — выносят! — из спортзала на улицу. Жаль, что толком не могу осмотреться: голова бессильно болтается в такт шагов моих сопровождающих, и я вижу только кусок дорожного покрытия и свои бессильно волочащиеся ноги в трогательно-белоснежных носочках. Дорога, кстати, красивая, выложена серо-коричневой плиткой.

В аду, мне кажется, побрутальнее должно быть. Или нет?

А тут вон какая красота! И ветерок приятный приносит откуда-то цветочные ароматы. И солнышко загривок припекает. Как будто я и не умирал вовсе.

Тем временем меня то ли заводят, то ли заносят в ещё одно помещение. Здесь прохладно и пахнет чем-то незнакомым, но явно лекарственным.

— Спасибо, — раздаётся приятный женский голос. — Укладывайте его сюда и можете быть свободны.

Сопровождающие облегчённо сгружают меня на койку и с даже мне заметной радостью уходят, будто чувствуют себя здесь не в своей тарелке.

Матрас рядом с моим бедром прогибается, и надо мной склоняется коротко стриженная блондинка в розовом халате. Хмурит чётко очерченные брови и закусывает пухлую нижнюю губу.

Мой взгляд сам собой ныряет в расстёгнутый на грани приличия ворот халата. Хороший тут лазарет, мне уже нравится.

Блондинка удовлетворённо улыбается и мурлычет:

— Даже не знаю, что мне с тобой сделать. То ли снимать магпаралич, то ли так оставить. Беззащитный ты ещё симпатичнее...

Будто в доказательство своих слов, девушка склоняется к моему лицу и целует — медленно и вдумчиво, будто смакуя.

Ну ничего себе! В какой, оказывается, хороший ад я попал. Так-то популярностью у дам я и раньше пользовался, но чтобы незнакомые юные барышни прямо так набрасывались — такого даже по молодости не припомню.

Не нравится только, что ответить ничем не могу, хоть тело и реагирует как надо. Мне куда приятнее держать инициативу — ну и девушку, конечно! — в своих руках.

В груди бешено колотится сердце, по венам и артериям расползается жар — будто мне снова семнадцать лет. Мои непослушные губы дёргаются, возвращая себе подвижность. Блондинка отрывается от меня, удивлённо хмыкает и приникает обратно. А я обнимаю её стройное тело, постепенно позволяя наглежащим рукам всё больше и больше...

— А ну-ка слезь с него, бесстыдница!

Глава 2

Мать года

Блондинку буквально сносит с меня, будто порывом ветра. Я приподнимаюсь на локте, неласково глядя на обломщицу.

Ею оказывается милovidная, но явно больная на голову женщина. И не только потому что испортила настроение двум взрослым людям, а злится почему-то на них. Эта дама будто сбежала со съёмки исторического фильма. Воротник-стойка с овальной брошью, корсет, пышная юбка до пола — полный комплект чокнутой фанатки старины. Даже не слишком длинные рыжеватого-каштановые волосы уложены красивыми волнами и подколоты блестящей, дорогой на вид заколкой.

— Стучаться не учили? — спрашиваю сердито, даже не пытаюсь казаться вежливым. И прямо сейчас мне глубоко плевать, что теперь я разговариваю не своим голосом.

Женщина ахает, театрально зажимая рот руками. И поражённо вопрошает:

— Ты как с матерью разговариваешь, невежа?

Это настолько неожиданный заход, что даже смешно.

— Что ты несёшь, девочка? — задыхаюсь от смеха. — Какая ещё мать?! Ты мне в дочери годишься!

Дама смотрит круглыми глазами, позабыв о всякой театральности. А затем безмолвно валится на пол. Но не долетает, потому что её подхватывает недоцелованная блондинка.

С неженской силой она укладывает бесчувственную мадам на кушетку, которая обнаруживается неподалёку. Теперь я вижу, что халат на ней длинный, а из-под него до пола спускается ещё более длинная юбка.

Тем временем блондинка деловито заглядывает в один из многочисленных шкафчиков, расставленных и развешанных по периметру комнаты.

— Я, конечно, понимаю, что отношения у вас не ахти, — выговаривает, будто малолетке. — Но с матерью можно и повежливее обращаться.

Со стоном откидываюсь на подушку:

— И ты туда же! Ну какая мать, о чём ты? Я эту девку впервые вижу и знать не хочу. Расскажи лучше, как тебя зовут. Я Макс.

Она высовывается из шкафчика и пристально пялится на меня, закусив нижнюю губу. Медленно произносит:

— Я-то тебя знаю, Макс. А вот ты что же, меня совсем не помнишь?

— А должен? — с внезапно проснувшейся подозрительностью спрашиваю я. Санта-Барбара какая-то, право слово. Сейчас ещё окажется, что блондиночка — моя похищенная в младенчестве сестра.

Но вместо ответа она хмыкает и возвращается к содержимому шкафа.

Извлекает оттуда какой-то пузырёк и, открутив крышку, суёт его под нос неудавшейся матери. Та глубоко вздыхает и страдальческим тоном произносит:

— Фати! Неужели у тебя не найдётся нюхательных солей с более приятным ароматом для хозяйки?

— Для хозяйки — найдётся, — ухмыляется Фати. — А тебе и такие сойдут.

Самоназванная мамаша игнорирует этот выпад и переносит своё внимание на мою персону. А я, пока девушки болтали, времени зря не терял — сел нормально, свесив ноги с

края постели. Ну не располагает настолько нервная обстановка к послеобеденному отдыху!

— Так вы друг с другом знакомы? — уточняю у Фати, игнорируя яростный взгляд мамыши.

— Ты опять за старое? — без предупреждения переходит та со взглядов на ультразвук. — Мало тебя учили смирять гордыню?!

— Не опять, а снова, — машинально отзываюсь я. Терпеть не могу, когда на меня орут. Особенно бабы. Вот Вера никогда себе такого не позволяла. — И что такое гордыня? Это съедобно?

Вообще-то я бы не прочь чего-нибудь пожевать. А то послеобеденный сон уже был, а самого обеда до сих пор не видать. Вот бы мяска что ли. Жареного!..

Не к месту вспоминаю опалённого мной чёрта, и к горлу тут же подкатывает горький ком. Ну нет! С голоду подохну, но такую дрянь точно жрать не стану!

Мать задыхается от злости и снова готовится падать в обморок. Из какого, интересно, она столетия? А ещё интереснее, как её с таким нравом до сих пор никто не прибил...

— погоди, Орлина, — вмешивается светловолосая. — Кажется, твои сомнительные усилия всё-таки принесли плоды.

Мамаша мгновенно подбирается и вскакивает с кушетки.

— Что ты имеешь в виду? — уточняет деловито, будто не она тут орала во весь голос минуту назад.

— Кажется, у мальчика всё-таки пробудилась магия, — на полном серьёзе говорит Фати. Ха! Ну и шутница! Такой бред несёт — и хоть бы бровью повела. Ещё и мальчиком называет. Соплячка!

— Слава Эолосу Разрушителю, — набожно подносит два пальца ко лбу Орлина. — Мои жертвы были не напрасны...

Да что за комедию они передо мной ломают?! Задолбали!

— Магии не существует, — объясняю как маленьким. — Это всем известно.

— Да что ты такое несёшь... — сразу набычивается мамаша.

Фати кладёт ей руку на плечо, прерывая готовый сорваться с губ новый поток ругани. Переводит взгляд на меня и, улыбаясь, щёлкает пальцами:

— А это тогда что?

Над сложенными щепотью пальцами с аккуратными розовыми коготками взрывается и осыпается зелёными искрами крошечный фейерверк. Я удивлённо вскидываю брови. Надо же, ещё и фокусница! Талантливая девушка талантлива во всём.

— Не убедила? — спрашивает Фати, будто прочитав мои мысли. Отрицательно качаю головой. — Тогда как тебе такое?

Её ладонь резко сжимается в кулак, который тут же охватывает зеленоватое пламя. Очень похожее на то, что чуть не спалило агрессивного чёрта в спортзале.

Так это была магия?

Моя?!

Состояние у меня такое же, как в десять лет, когда узнал, что Деда Мороза не существует. Только наоборот — будто я разом поверил и в Деда Мороза, и в Кошечку Бессмертного, и в Бабу Ягу, и в Сивку-Бурку в придачу! Да где я, мать вашу, оказался?!

Фати поворачивается к Орлине:

— Видишь? Он у тебя даже мать родную не помнит. А ведь я предупреждала!

Любящая «мать» в ответ только отмахивается:

— Зато теперь он станет наследником!

— Ты сама-то хоть в это веришь? — голос Фати сочится скепсисом. — Может, он теперь годен только на то, чтобы...

— Так, — прерываю поток непонятных речей. — А ну живо объясните мне, что тут у вас происходит!

Болтливая мамаша мгновенно тушует и опускает глазки к подолу, который нервно оглаживает холёными руками. Глядя на это представление, Фати закатывает глаза, но всё-таки произносит:

— Во-первых, Орлина и в самом деле твоя мать.

Слабо верится, но допустим. Киваю.

— Во-вторых, теперь у тебя есть магия.

— А что, раньше не было?

— Почти, — теперь кивает уже девушка. — Была, но только... эм... на физическом уровне.

— А теперь на каком?

— А теперь твоя душа соединилась с Источником Бездны, а тело стало проводником.

Фыркаю:

— Магия, душа, бездна — бред какой-то.

— Не бред, — качает головой Фати. — Способности обычно пробуждаются гораздо раньше, в детском возрасте, позволяя психике и организму адаптироваться. Но тебе уже восемнадцать, а это значит, что будет слож...

— Погоди-погоди! Сколько-сколько мне лет?!

Светловолосая смотрит непонимающе:

— Восемнадцать. А что тебя так удивляет?

Восемнадцать — вот что меня удивляет! Такого просто не может быть, я скорее в магию поверю. Но спорить бесполезно, проще убедиться самому.

— У тебя есть зеркало?

Фати кивает в сторону. И действительно, искомое обнаруживается там, рядом с уставленной цветными бутылками полкой.

Подхожу. Смотрю.

В первые мгновения мне кажется, что я вижу по телевизору фильм с каким-то смазливym актёром. Настолько идеальной выглядит внешность отражённого зеркалом человека. И ровная гладкая кожа, и янтарные, будто даже светящиеся глаза, и каштановые волосы, размётанные в художественном беспорядке.

Но этот идеальный человек тут же щурится, как только это делаю я. Вместе со мной хмурит брови, трогает себя за нос, закрывает сначала правый, потом левый глаз, улыбается.

Сомнений нет. Это тело действительно моё.

В голову лезут антинаучные бредни о переселении душ и околonaучные — о путешествиях в параллельных мирах. Ничего из этого никоим образом не вписывается в мои представления о реальности.

Значит, придётся их расширять.

Возвращаюсь к Фати, во взгляде которой мне чудится сочувствие.

— Кто я такой? — задаю самый главный вопрос. — Какое место в обществе занимаю? Что её сын, я уже понял.

Орлина сердито поджимает и так тонкие губки. А что поделать, мне ты тоже не

слишком нравишься.

— Ты старший претендент на родовой титул и главную часть семейного наследства, — пафосно произносит Фати. — Точнее, станешь им, если твои способности признают. Ты Максин из клана Воскресенских, сын великого Се...

Ну и дурацкое же тут у меня имя!

— Ладно, — прерываю бесцеремонно. — С папашей потом познакомимся. Что ты подразумевала под признанием способностей?

Фати начинает перебирать многочисленные склянки, стоящие на её рабочем столе. Кажется, что ей не хочется отвечать на мои вопросы.

— По законам Великой России, — неохотно начинает она, — наследовать титул Иерарха в кланах, имеющих отношение к Августейшей Пати, могут только те, кто крепко связан с Источником. По рождению ты первый в очереди, но из-за недостатка талантов и происков родни был лишён наследства.

Ну и законы тут у них, в этой Великой России! И названия странные: вроде знакомые, а по факту совсем другие. Зато теперь понятно, что это место вовсе не ад.

— Что за кланы Августейшего Пати?

— Ты что, и этого не помнишь?! — нервно вклинивается молчавшая до сих пор мамаша. — Заново учить что ли нужно?!

Смотрю на неё тяжёлым взглядом, каким приводил в трепет бестолковых работников. С такой физиономией, как у меня сейчас, вряд ли получается очень впечатляюще, но ей хватает. Орлина испуганно обхватывает щёки.

— Я тебя не спрашивал, — медленно, как для слабоумной, проговариваю я. — Если хочешь что-то сказать, подожди своей очереди.

В ответ женщина подскакивает с кушетки и выбегает из помещения. Наконец-то.

— Ты хотела рассказать про Пати? — напоминаю Фати. Кажется, ей хочется не рассказывать, а выйти следом за приятельницей. Но девушка берёт себя в руки.

— Древнейшие кланы, происходящие от спасителей человечества, опора и поддержка государства... — нерешительно произносит девушка. — Слушай, Максин...

— Макс.

— Ладно, как скажешь. Это... Точно ты?

Так. Надо сбавить напор. А то неизвестно, как тут к пришельцам из других миров относятся. Вдруг на кострах сжигают? Или того хуже — отправляют на опыты. Лучше привлекать поменьше внимания. Но и врать тоже бессмысленно.

— Я сам толком не знаю, — всё-таки признаю я. — Пришёл в себя, ничего не помню, а тут эта ещё... Орёт. А у меня нервы не железные.

Фати кивает как будто не только мне, но и своим мыслям:

— Да, некоторые изменения личности вполне возможны, как и проблемы с памятью. Вероятно, учиться всему тебе придётся заново. И... Прости, что раньше так набросилась. Подшутить хотела. Не знала, что тебе настолько плохо.

Усмехаюсь:

— Ну... Не так уж плохо мне и было. Может, продолжим?

— Нет, в другой раз, — качает головой, а затем улыбается. — Ну хоть что-то в тебе осталось неизменным.

— Моё природное обаяние?

— И это тоже, — произносит со значением. — Ладно, ложись давай. Надо тебя

обследовать.

Следующие несколько минут Фати занимается магическим сканированием моего нового организма. Выглядит это совсем не впечатляюще: она просто водит надо мной руками. Никаких тебе искорок и прочих спецэффектов, только шкуру чуть покалывает. Но я всё равно наблюдаю за ней во все глаза: мне сложно поверить, что эти манипуляции к чему-нибудь приведут.

Девушка видит мой интерес и понятливо улыбается.

— Сканирование завершено, — наконец говорит она. — Хочешь посмотреть, как я анализирую данные?

Ещё бы я этого не хотел!

Усаживаюсь поудобнее, а Фати начинает представление. Буквально по мановению её руки в воздухе материализуется человеческая фигура, исчерченная разноцветными линиями и непонятными знаками. Девушка всё это пристально разглядывает, хмуря брови и покусывая губки. Крутит фигуру во все стороны, тыкает пальчиком в разные места. Настолько сосредоточена, что, кажется, совсем обо мне забыла.

Уже собираюсь её окликнуть, когда она наконец поворачивается ко мне. И выражение её лица мне что-то не нравится.

— У меня для тебя две новости, — тщательно подбирает слова. — Первая состоит в том, что твой организм абсолютно здоров. Даже мозг в порядке, несмотря на обширную потерю памяти.

Наверное, потому что у меня её нет. Потери, в смысле. Я прекрасно помню предыдущую жизнь и даже, хоть и стараюсь об этом не думать, рожу Николаича в момент смерти.

— Вторая... — девушка тяжело вздыхает. — Некоторое время назад ты умер.

Ну надо же, какое открытие! Где бы записать.

— Ты не выглядишь удивлённым, — Фати пристально вглядывается в моё лицо.

— Что-то такое я и предполагал, — отвечаю расплывчато.

Блондинка ерошит на макушке волосы и начинает мерить шагами комнату, без каких-либо сомнений проходя сквозь проекцию моего организма.

— А я ведь предупреждала Орлину, предупреждала! — возмущается непонятно чему. — Надо ведь контролировать, следить всё время... А не поручать такую деликатную задачу первому попавшемуся дуболому!

Настораживаюсь:

— Что ты имеешь в виду?

Ответ напоминает удар под дых:

— Так ведь она это всё организовала! Всё пыталась пробудить у тебя способности. Тролля вот приставила, чтобы спровоцировать реакцию. А он, кажется, перестарался...

Это что же получается? Собственная мать. Наняла того чёрта. Который, видимо, убил предыдущего владельца тела. А в бесхозную оболочку затем вселился я.

Такой вот круговорот душ и тел в природе.

— Зачем? — спрашиваю хрипло.

— Ой! — Фати замирает на месте, прикрывая ладошкой рот. — Я не должна была всего этого говорить да? Может, сделаем вид, что ты не слышал? Орлина меня убьёт.

— Отвечай.

— Твой отец, — страдальчески вздыхает блондинка, — взял вторую жену, принял в семью ещё одного сына и сразу сделал его наследником. А Орлина... осталась не у дел.

Теперь ясно. Бабки, положение в обществе — ради этого можно и собственным сыном рискнуть. Ещё нарождает, видимо.

Как же хорошо, что моя родная мать была нормальной. В отличие от этой ведьмы. Я, конечно, не самых честных правил. Но дети — для любой женщины ведь это святое, не?

Прохладный воздух лазарета кажется вонючей духотой. Хочется выйти отсюда и вдохнуть полной грудью. А что мне, собственно, мешает?

Встаю с койки и, ни слова не говоря, направляюсь к выходу. Фати бежит следом:

— Макс, стой! Ну ты чего? Всё же хорошо получилось! У тебя ведь даже воспоминаний о смерти не осталось!

Внезапно понимаю, о чём она волнуется. Останавливаюсь у двери:

— Я не собираюсь трогать Орлину. Просто... мне нужно подумать.

Фати хихикает — наверное, от нервов:

— Да уж, подумай. Воспринимай всё как открывающие возможности.

У порога стоят кожаные туфли с острыми носами. Судя по размеру — мои. Видимо, кто-то принёс из спортзала. А если чужие, то и плевать. Мне нужнее.

Обуваюсь — размер подходит. Открываю дверь и оборачиваюсь к Фати:

— А вот это — хороший совет. Спасибо. Я пошёл.

Выхожу за дверь и наконец-то имею возможность оглядеться. Я нахожусь у одной из меньших сторон прямоугольной мощёной площадки, центр которой украшает аккуратный каменный фонтан. Сейчас он выключен.

За моей спиной — маленькое, будто игрушечное здание лазарета. Справа — вероятнее всего тот самый спортзал: низкое деревянное здание с плоской крышей. Слева — ещё одно строение неясного пока назначения. Вдоль фасадов каждого из этих зданий — цветущие клумбы и резные скамейки.

На противоположной стороне прямоугольника начинается дорожка, которая теряется между деревьев, кустов и прочей зелени.

Не думаю, что мне стоит пока туда идти.

С одной из дальних скамеек подпрыгивает горе-мамаша и бежит ко мне. Ещё бы она не волновалась — от меня ведь теперь её благосостояние зависит!

— Что сказала Фати? — обеспокоенно заглядывает мне в глаза, одновременно пытаюсь схватить за руки. — Твои способности правда пробудились?

Аккуратно беру её за плечи и отодвигаю от себя подальше.

— Тебе не кажется, что ты кое-что мне задолжала?

Она хмурится, явно не понимая, что я имею в виду. Старательно вспоминает. Затем качает головой:

— Ты получал от меня всё, что положено по Родительскому декрету, даже больше. Видит Эолос, я старательно выполняла свои материнские обязанности.

— Тогда как насчёт обычных извинений? Ты ведь меня чуть не убила.

Ожидаю чего угодно — от новой истерики до полного согласия и признания вины. Но взгляд Орлины из жалостного вмиг становится острым, словно бритва.

— Какая разница, кто бы тебя убил? — чеканит ледяным тоном, складывая руки на груди. — Лет через пять младший наследник войдёт в силу. Никто ему будет не указ. Зачем ему даже такой конкурент, каким ты был раньше? А благодаря мне у тебя появился шанс выжить.

Хм. Интересная мысль. Надо обдумать.

Но только после того, как узнаю, что нужно парочке, которая выворачивает с дальней дорожки и чешет напрямик к нам. Уж больно рожи у них «приветливые»!

Глава 3

Наставление младенцев

Выглядят эти двое тоже как актёры, сбежавшие из исторического фильма. Но для здешнего мира, видимо, это и есть норма. Тут скорее я выгляжу необычно: белая свободная рубаша и тёмные штаны, напоминающие спортивные. В голове почему-то упрямо крутится старинное слово «исподнее», но это ж вроде про бельё. То ли предыдущий владелец тела с костюмом не заморачивался, то ли реально был тем ещё физкультурником.

Может, и второе, кстати. Потому что на физическую форму, как я сейчас понимаю, ему грех жаловаться. В смысле, мне.

Парочка тем временем приближается. Первой, будто атомный ледокол в Ледовитом океане, вышагивает статная дама в пышном голубом платье. Она явно озабочена демонстрацией своего социального статуса. На юном, без единой морщинки лице застыло скучающе-брезгливое выражение, которое жутко портит миловидную в общем-то мордашку. А на всех стратегически важных местах её хрупкого тела разместились какая-нибудь сверкающая драгоценность. Они у неё и на шее, и на руках, и даже в светлых волосах, завитых спиральными локонами. Орлина с ней в плане холёности и рядом не стояла.

Следом за ювелирной витриной семенит парень лет пятнадцати в синем костюме с бабочкой и золотистом жилете, расшитом какой-то блестящей дрянью. Так сверкает, что аж глаза слепит, зараза! Шкет в точности повторяет не только внешние черты впереди идущей дамы, но и копирует выражение её лица. Выглядит всё до крайности забавно.

Подозреваю, что это та самая вторая жена выгуливает пресловутого младшего наследника.

И вполне вероятно, что они оказались тут не просто так. Вон как на нас с Орлиной зловеще зыркают. У меня от этих взглядов аж шкура чешется.

А ещё на той самой дорожке виднеется компания примерно из десяти человек. В основном женщины разных возрастов и комплекций в таких же псевдоисторических костюмах. Они старательно делают вид, что просто там прогуливаются, но явно пришли в качестве группы поддержки. Скорее всего — не нашей.

— Надо же! — медовым тоном произносит дама, как только оказывается в зоне слышимости. — Я ожидала увидеть мычащего идиота с текущими слюнями, а твой сын выглядит даже лучше обычного.

Малолетка за её спиной прыскает в кулачок. Было бы мне на самом деле восемнадцать, оскорбительно получилось бы. А так просто принимаю к сведению. Получается, он меня даже не опасается? Ведь явно моложе. Выглядит хлипким. Никто не учил, что старших надо уважать? Позор его родителям.

— Зато твой малыш что-то сбледнул, — в тон новопришедшей отвечает Орлина, выступая вперёд и ненавязчиво прикрывая меня от недоброжелательных взглядов. — Ничего, это возрастное, скоро пройдёт. Можно даже Фати не беспокоить.

— За своим дурачком смотри, — мигом теряет фальшивую доброжелательность дама. — То-то он у тебя весь род позорит! Мало того, что бесталаный, так ещё и ходок, каких поискать.

Это как это «бесталаный»?! Судя по поведению той же Фати и даже по твоему собственному определению «ходок», как минимум одним общепризнанным талантом парень

обладал! А вот благородной даме такие речи совсем не к лицу. «Клан Воскресенских», «Августейшая Пати» — а выражается как базарная баба.

Впрочем, может, у них тут так принято. Вдруг здешний уровень благородства измеряется витиеватостью посылки по матушке?

Но проверять это на практике и вмешиваться в дамский спор, пожалуй, не стоит. Как подсказывает жизненный опыт, виноватым окажешься со всех сторон. А вот угорающему как не в себя пацану лещей отсыпать не помешало бы. При случае займусь.

Но сперва нужно во всё разобраться и как следует расспросить Орлину.

— Может, ну их? — спрашиваю громким шёпотом, трогая женщину за плечо. Даму с сыночком, которые, конечно же это слышат, заметно перекашивает.

— Да, пожалуй, — чуть ли не поёт в ответ Орлина. — После того, как встретишься с отцом, ты всё равно их больше никогда не увидишь.

Звучит как старая добрая угроза. Но вместо того, чтобы испугаться, разозлиться или расстроиться, вторая жена победно улыбается.

— Так ты всё-таки преуспела, — почему-то радуется она. — Поздравляю. Максин всё-таки обрёл связь с Источником?

— Я Макс, — автоматически исправляю неприятное имя.

Дама пялится удивлённо, будто не ожидала, что я с ней заговорю.

— Ладно, Макс, — тем не менее, соглашается. — Как же прекрасно, что у тебя теперь имеются способности! Только ты можешь мне помочь.

— Чего тебе надо, Весения? — настораживается от такого заявления мать. — Зачем явилась?

— Я пришла как младшая жена к старшей — за советом и помощью, — громко объявляет эта самая Весения. Заслышав эту кодовую фразу, кучкующиеся неподалёку неприкаемые граждане, подтягиваются к нам.

Белобрысый малолетка в это время гаденько улыбается и беззастенчиво пялится на меня с нескрываемой враждебностью и презрением. Ну и наглый же пацан! Бесстрашный. Далеко пойдёт, если раньше кто-нибудь не прихлопнет.

Особого негатива по отношению к нему у меня нет, но старших нужно уважать. Особенно если старший — это я.

— Увы мне! — продолжает вещать Весения звонким, хорошо поставленным голосом. — Некому наставить моего Игоря на путь истинный! Сама я слаба, а супруг наш всегда занят важными делами.

Группка поддержки в ответ на каждое новое слово старательно кивает и поддакивает, будто неумелые, но усердные актёры. Мне прямо интересно, к чему ведёт всё это представление.

— А пусть старший брат займётся! — выкрикивает кто-то, и эти слова присутствующие подхватывают на разные лады. — Теперь-то можно!

— Позволишь ли ты, сестрица? — надрывно вопрошает Весения. — Дашь ли соизволение на исполнение благословлённого богами братского долга?

Орлина отрицательно качает головой. Народ недовольно ропщет, старательно возмущаясь отказу. Видно, братский долг — дело серьёзное.

— Чего ей надо? — спрашиваю у матери.

— Хочет, чтобы вы сразились, — сквозь зубы произносит она, бросая на меня косой взгляд. — Не вздумай даже! Тебе не победить Игоря.

Этого сопляка?! Ну ты, маменька, скажешь, конечно! Отодвигаю женщину в сторону:

— Ну и кого там надо наставить на путь истинный? Это кто там у нас сбился с дороги?

Дядя Макс сейчас живо разберётся.

Весения фальшиво улыбается, мальчишка злобно шипит. Что, не нравится моя вежливость? Сам напросился, я-то тут причём.

Нам с сопляком живо организовывают импровизированную арену. Какой-то умелец быстренько накрывает угол площадки мерцающим магическим куполом, словно высоким колпаком.

— Он не исчезнет, пока кто-то из вас не победит, — сладко улыбается Весения. — Мы же не хотим, чтобы кто-то пострадал от мощи наших наследников.

— Лучше откажись, — увещевает меня Орлина. Она выглядит спокойной, только пальцы мелко дрожат. Я чисто случайно заметил. — Игор развивает магическое искусство с детства. А ты...

— Да какая к лешему магия! — усмехаюсь я. — Поучу немного, только и всего. Не волнуйся, не прибью.

Женщина качает головой, явно не убеждённая. Но больше не спорит. Видимо, поняла, что бесполезно. Я ведь бестолковый — не принимаю во внимание очевидную угрозу!

Всё я принимаю. И даже в какой-то степени опасаясь.

Но ей не объяснишь, что сейчас я просто не могу отказаться.

Даже если результатом будет вторая смерть за день.

Потому что я вижу, как эти люди на меня смотрят. Насмешливо. Презрительно. Брезгливо поджимая губы и подбирая юбки. Не то что не уважают — не боятся даже!

Уж не знаю, что тут творил предыдущий владелец тела, но продолжать в том же духе я больше не намерен. И чем раньше окружающие это уяснят, тем лучше.

Белобрысый Игор ступает в очерченный куполом круг. Теперь он не улыбается — на юношеской физиономии застыло высокомерно-скучающее выражение. Он явно не принимает противника всерьёз, и это его главная ошибка.

Подхожу к куполу. Вижу, что у дверей лазарета стоит Фати и, сложив на груди руки, внимательно смотрит в нашу сторону. Шагаю внутрь. Последнее, что я слышу — нервный шёпот Орлины:

— Да направит тебя Эолос, сын!

А потом купол отсекает все лишние звуки. Интересно, нас за его пределами тоже не слышно?

— Какой же ты придурок, — насмешливо произносит подрагивающий мальчишеский голос. — Как будто не знаешь, что будет дальше. Или считаешь, что доступ к Источнику Бездны — это всё, что для счастья нужно? Спешу тебя разочаровать. Это даже не половина. Это всего лишь...

На этой оптимистической ноте я его и ловлю. Удар под дых — совсем слабый, чисто для того, чтобы обозначить намерения. Я же не собираюсь его калечить.

Пока.

Мальчишка захлёбывается слюнями и сгибается пополам. Смотрит снизу вверх огромными испуганными глазами и выдавливает:

— Ты что творишь...

Показываю, что: незатейливо прописываю в морду. Боюсь не рассчитать силу, поэтому удар получается совсем слабым. Но обидно ему должно быть — жуть.

Именно этого мне и надо.

Игор с трудом поднимается на ноги, тяжело дыша. Смотрит с ненавистью:

— Ах ты, подлый...

Не дожидаясь, пока он там договорит и распрямится, толкаю его в затылок. Почти нежно, как нашкодившего котёнка. Парень теряет и так шаткое равновесие и снова встречается с твёрдой поверхностью площадки. Только подниматься теперь не спешит, сообразив, что так оно безопаснее. Пусть на пузе поползает, ему полезно.

Ну вот, теперь порядок. А говорят, с юным поколением трудно поладить! Да никто просто не пробовал.

— Язык, — наставительно произношу я, нависая над молодчиком, — создан для того, чтобы держать его за зубами. Особенно когда разговариваешь со старшими.

Пацан вдруг резко выдыхает, взмахивая ручонкой в мою сторону. Автоматически реагирую на движение, гася замах носком ботинка. Заготовленный для меня ледяной шип уходит вверх и в сторону, эффектно разбиваясь о магический барьер.

Ух ты, и правда магия!

Придавливаю подошвой ладонь неугомонного балбеса, а он шипит и пытается вывернуться. Бесплезно, приятель, только покалечишься.

— Перед тем как нападать, — продолжаю делиться с братишкой мудростью прожитых лет, — просчитывай риски. Не стоит недооценивать противника, даже если он выглядит безобидно.

— Да иди ты... — стонет упрямец. Отпускаю его и на пару шагов отступаю — ну а вдруг одумается.

Но малолетских мозгов хватает пока только на драку. Отдохнувший пацан довольно бодро поднимается и принимает какую-то хитрую стойку. Точнее, пытается принять.

Но вместо того, чтобы дожидаться, какой удивительный фокус он мне продемонстрирует, я подступаю к нему вплотную и шлёпаю по носу. Мальчишка тонко взвизгивает и, подвывая, падает сперва на корточки, потом на колени. Кровь вперемешку со слезами щедро заливает его щегольский костюмчик, неудержимо капает на землю.

— Не стесняйся признать поражение, как только понял, что не справишься, — задумчиво сообщаю хлюпающему побитым носом сопляку. — Так ты сохранишь достоинство. А самое главное — останешься живым и здоровым.

Даю пару минут на осознание и спрашиваю:

— Ну что, хватит? Или ещё наставить по-братски? Так-то я много чем могу с тобой поделиться.

— Хватит, — гундит он. — Ты выиграл.

И тут же магический купол вокруг нас рассеивается, и в уши ввинчивается тревожный гомон. Мимо меня проносится золотисто-голубой вихрь. Весения подлетает к своему драгоценному сыночку и, причитывая, пытается его то ли поднять, то ли обнять. Ей даже плевать, что он в кровище. Мальчишка в ответ что-то возмущённо вякает и отталкивает хватающие его руки.

К раскорячившемуся на земле сопляку подходит Фати и, отодвинув кудахтающую мамашу в сторону, приступает к диагностике. По крайней мере, её действия напоминают те, что она показывала мне в лазарете.

А пылающая праведным гневом Весения наконец обращает внимание на сыновнего обидчика.

— Я это так не оставлю! — обличительно тыкает она пальцем то в меня, то в Орлину. — Я покараю вас за нападение на наследника! Иерарх должен будет вас наказать! А если надо — я до кайзера дойду! Готовьтесь отвечать!

Вообще-то отвечать я ей даже не собирался. Во-первых, никакого нападения в помине не было. Во-вторых, никаких серьёзных повреждений сынуля не получил — так, пару оплеух да удар по самолюбию. Зато в следующий раз будет думать перед тем, как с кем-то связываться. Сплошная польза.

Но бушующей мамаше этого не объяснишь. У неё сыночка обидели, тьфу. Вот Вера никогда...

Между мной и Весенией внезапно оказывается торжествующая Орлина. Да, покерфейс она сохраняет, но я прямо ощущаю идущие от неё волны радости.

— Неужели ты, дорогая сестрица, имеешь что-то против предоставленного моим сыном твоему малышу братского урока? — с фальшивой обеспокоенностью спрашивает она.

— Это урок?! — Весения с готовностью набрасывается на новую жертву. — Да он изувечил моего мальчика!

— Разве полученные Игором повреждения опасны для жизни? — театрально всплещивает рукам Орлина. — Не может быть! Что скажешь, Фати?

— Жить будет, — равнодушно отзывается та. — Максину в прошлых поединках доставалось сильнее.

Так вот почему сопляк был таким самодовольным! Ничего, теперь всё будет по-новому. Пусть привыкает.

— Вот видишь, сестрица, — удовлетворённо кивает Орлина. — Ты получила для своего ребёнка ровно то, за чем пришла. И даже братское наставление — каждый из присутствующих своими ушами слышал, что мой сын говорил Игору. Будешь ли оспаривать мудрость его слов?

Весения проглатывает рвущиеся с языка слова — по факту возразить ей нечего, а верещать дальше несолидно. Её взгляд обещает матери обидчика всевозможные кары, но она всё же берёт себя в руки и вдруг кланяется, приложив сложенные указательный и средний пальцы ко лбу.

— Твой братский долг исполнен, — с плохо скрываемой ненавистью произносит она. — Этого пока довольно.

И направляется к подуспокоившемуся сыночку.

— Конечно, обращай в любое время, — любезно отвечает Орлина. — Особенно теперь, когда старший наследник займёт своё законное место.

Весения дёргается, будто её огрели плетью, но ничего не отвечает. Помогает Игору встать и в окружении своей свиты направляется к лазарету. Фати подмигивает мне и спешит следом.

Мы с матерью остаёмся наедине.

Она поворачивается ко мне и складывает на груди руки.

— Тебе ужасно повезло, — произносит сурово. — Он мог запросто тебя убить.

— Это вряд ли, — усмехаюсь я, зеркально копируя её позу. Вот уж не думал, что на старости лет доведётся снова внимать мамкиным поучениям. Хотя тут мне всего восемнадцать, придётся терпеть. По крайней мере, до тех пор, пока не разберусь, как этот мир устроен.

И вообще. Если подумать, не такая уж плохая стартовая точка мне досталась. Так что

пусть поучает, а я послушаю, не сломаюсь.

— Да он просто не ожидал от тебя такого! — горячится Орлина. — И в следующий раз подготовится лучше!

Вот тут согласен. Вряд ли такой мальчишка поймёт с одного раза. Слишком упёртый.

— Ну так и я тоже подготовлюсь, — отвечаю миролюбиво. Вообще-то голыми руками меня и сейчас не возьмёшь. Но если уж тут принято пользоваться магией, значит, мне тоже стоит её как минимум изучить.

Хоть всерьёз об этом думать до сих пор смешно.

Орлина задумчиво кивает, будто просчитывает какие-то варианты.

— Я найду для тебя лучшего учителя, — наконец произносит она, словно размышляя вслух. — Будем готовиться в течение всего оставшегося времени. Сделаем, что успеем. А потом...

— Простите, Светлейшая, — бесцеремонно, прямо на полуслове прерывает её кланяющийся мужик в тёмном костюме. — Ваш сиятельный супруг удовлетворил запрос об аудиенции. Она начнётся ровно через пять минут в малом кабинете. Не опаздывайте.

И, не дожидаясь ответа, мужик удаляется.

Орлина церемонно кланяется ему в спину, затем раздражённо выдаёт:

— Вот же, старый павлин! Не мог побольше времени выделить?! Идём скорее, — а это уже мне. — Этот изверг ненавидит, когда что-то идёт не по его планам.

И направляется вслед за мужиком. Делать нечего, топаю за ней.

Что-то мне подсказывает, договориться с отцом почившего Максина будет совсем не просто.

Глава 4

А поговорить?

— Я тоже слишком поспешила, — неохотно признаётся Орлина. — Узнала, что у тебя наконец получилось подключиться к Источнику, и сразу отправила запрос на аудиенцию. А отец вдруг возьми и прими! Обычно такого счастья приходится ждать по несколько дней.

Произнося это, моя так называемая мать вышагивает впереди. Старательно делает вид, что никуда не торопится, но всё равно я за ней поспеваю с некоторым трудом. И это ведь даже на внезапный приступ слабости не спишешь: несмотря на недавнюю смерть, чувствую себя вполне сносно.

А вот насчёт реальности происходящего у меня до сих пор крепкие сомнения. Другой мир, магия, переселение душ — для меня это слишком нелогично и неправдоподобно. Ну не бывает так! Сказки для младенцев. Рассказал бы кто такую байку на полном серьёзе — я первым бы его высмеял.

Но когда сам попал как кур в ощип, смеяться что-то не хочется. Наоборот: ощущаю нечто вроде безысходности.

Непонятно даже, что мне вообще теперь делать: ситуацию я даже близко не контролирую. Просто тупо плыву по течению, и это жутко раздражает. А что ещё делать? Информации для анализа всё равно слишком мало. Может, я и не попадал никуда, а это моё угасающее сознание многократно ускорилось и показывает мне последнюю фантазию.

Если так, то имеет смысл насладиться ею по полной.

Но вообще-то окружающее пространство и здешние люди выглядят довольно правдоподобно. Хоть последние и ведут себя странно. Так что для удобства примем их реальность за аксиому.

Пока иду и размышляю о непривычном, успеваю ещё по сторонам посматривать. Хорошо тут, однако! Мы с Орлиной пробегаем по цветущему саду. Извилистые дорожки, раскидистые деревья, живописные кустарники с ароматными цветами, высокие травы — всё выглядит естественно и гармонично. На первый взгляд кажется, что оно само так выросло, но на деле за такой небрежностью стоит большой труд. Откуда знаю? Покойная жена увлекалась и приобщала к подсобным работам при каждом удобном случае.

Не любил я это дело тогда. Считал себя выше подобных малоинтеллектуальных занятий...

Идиот.

Сад неожиданно заканчивается, и мы выходим к задней стороне огромного здания. Я такие только в кино и на экскурсиях видел. Толком про них ничего не помню. Никогда архитектурой не увлекался, а вот супруга...

Так. Что-то слишком часто я про неё сегодня вспоминаю. Если бы верил в приметы, поплевал бы через плечо. Или что там ещё эти верующие делают.

Вслед за Орлиной подхожу к одной из малоприметных дверей. Она оборачивается ко мне. Смотрит обеспокоенно, вздыхает.

— Даже не знаю, как тебя, беспамятного, к Сердию вести. Ещё сморозишь что-нибудь, а он скор на расправу. Посему слушай и молчи, что бы он ни сказал и ни сделал. Я сама обсужу с ним дальнейшие перспективы.

— А какие у нас дальнейшие перспективы? — эхом отзываюсь я. Орлина хмурится. Ну а

что ты хотела? Если ожидаешь от меня безропотного подчинения, то ты просчиталась, дамочка. В смысле, мамочка. Мало ли подо что ты меня там подписать решила! — Что отвечать, если он захочет у меня что-то уточнить?

Орлина явно не желает терять время, но мои слова, видимо, кажутся ей справедливыми.

— Ну, вряд ли он станет тебя спрашивать, — тем не менее сомневается она. — Раньше ты для него всё равно что пустое место был. За один день этого не изменишь... Впрочем, наши планы тебе и в самом деле надо припомнить. Первым делом нам стоит получить у Иерарха разрешение пригласить тебе учителя.

Ну и дела! На старости лет — опять учиться! Я ж вроде и так всё знаю. Дожил же как-то до седых волос. Широко известным специалистом был. Хоть и в узких кругах.

Это была моя первая мысль, глупая. Вторая приходит уже поумней.

«Всё знал», работал и прожил жизнь я в своём мире. В этом же — ничего не знаю от слова ни хрена. И про магию-шмагию я даже книжки с фильмами не любил — мне в принципе больше реализм импонирует.

А ещё, как ни грустно признавать, моё социальное положение здорово пошатнулось. Это дома я был взрослый и творил, что хотел. А здесь я — голожопый малолетка, которому приходится слушаться мамочку и отбивать поклоны папаше, чтобы дал денежек на репетитора. Ну или морду этому самому папаше отбивать — смотря как себя вести будет.

Так что пока буду брать, что дают, и по возможности делать, что говорят. И, конечно, смотреть в оба. А то народ тут уж больно подозрительный. И всем-то от меня что-то надо. Вот так расслабишься, пойдёшь у кого-нибудь на поводу — а мир и впрямь окажется реальным. И хомут, который наденут мне на шею — тоже. Осторожнее надо.

Киваю, пока Орлина втолковывает что-то о местных правилах поведения. В основном пропускаю мимо ушей: всё равно буду стоять и молчать, не пригодится. Благо, инструкция юного аристократа оказывается не слишком длинной. По всему видно, что мать торопится.

— Поднимемся по чёрной лестнице, — наконец предлагает она. Ничего не имею против, тем более, что о здешних путях-дорогах я вообще не осведомлён.

Чёрная лестница оказывается вовсе даже не чёрной, а вполне обычной, деревянной. Мы шустро взбираемся на второй этаж и выходим в светлый широкий коридор. Рассматривать его мне некогда, потому что мы почти сразу оказываемся у нужной двери.

Орлина бросает на меня взгляд-предупреждение и без стука толкает дверь.

— Ты опоздала, — рокочет чей-то невероятно низкий голос. Аж до костей пробирает. У меня такого баса даже в прошлой жизни не было, не то что в этой. — Почему не воспользовалась пространственным туннелем?

Вхожу вслед за матерью в огромный кабинет. Мне тут сразу нравится. Люблю, когда обстановка выглядит сдержанной и при этом шикарной: дерево, кожа, тёмная обивка. Ничего лишнего, абсолютный порядок.

А, нет, вот и лишнее. Во главе рабочего стола восседает напыщенный мужик, который выглядит даже чуть моложе меня прошлого. И, пожалуй, опаснее. Его старомодный костюм хорошо подчёркивает атлетичную фигуру.

Да, такого уже так просто, как прошлого малолетку, не придавишь...

Мужик тоже знает себе цену и по мелочам не разменивается. Нас он удостаивает лишь равнодушным взглядом полупрозрачных глаз, которые странно смотрятся на фоне довольно тёмной кожи.

— Приветствую, Иерарх, — непривычно мило щебечет Орлина. — Надеюсь, вы

пребываете в добром здравии.

— Избавь меня от своей хитрости, ласкина дочь, — произносит с плохо скрытым раздражением. — Отвечай на вопрос.

Орлина движением руки указывает на меня:

— Вы же видите, Иерарх, что Максин сегодня со мной. Я не могла так рисковать.

Иерарх изволит хмуриться:

— Разве ты не сообщила, что он прикоснулся к Источнику? Разве это не значит, что теперь он может свободно пользоваться туннелем? Или опять солгала?

Орлина вдруг низко кланяется, буквально складываясь пополам и приложив обе ладони к верхней части груди.

— Простите, если неосознанно ввела вас в заблуждение, любезный супруг, — буквально поёт она. — Источник принял Максина только сегодня. Поэтому я взяла на себя смелость перестраховаться. Ведь его теу-каналы всё ещё могут быть нестабильны. Это всего лишь проявление заботы об эффективном распределении вашего рабочего времени, Иерарх.

— На всё-то у тебя ответ имеется, — недовольно бормочет мужик. Но по факту возразить ему нечего.

— Ради вас стараюсь, любезный супруг, — снова кланяется Орлина, уже не так низко. Кажется, она действительно знает подход к этому хмурому товарищу. Одно слово — женщина. Значит, я пока просто постою и послушаю, слившись с предметами обстановки. И дело даже не в том, что об этом меня просила Орлина. В разговоры между мужем и женой постороннему лучше не лезть — это я ещё по первой жизни помню. На личном опыте испытал, было дело.

Ну и вообще — сейчас мне действительно выгоднее всего смотреть в оба и помалкивать. Хотя бы когда меня.

— Ладно, — отрывисто бросает Сердий, так и не нашедший повода для претензий. — Говори, чего хотела.

Орлина глубоко вдыхает, будто готовится к погружению в холодную воду.

— Всего лишь исполнения договоренностей, Иерарх, — теперь в её голосе слышится сталь. — Тех самых, что были отложены тобой на неопределённый срок.

Мужик кривится, будто ему на ногу наступили, и демонстративно массирует виски. «Как же ты меня задолбала», — читается в его взгляде. Видать, не первый раз у них такая беседа.

— Ты сама сделала исполнение договора невозможным, — неприязненно произносит он. — Если бы сразу избавилась от пустышки...

— В тексте договора не прописан уровень взаимодействия с Источником, — непреклонно отвечает Орлина, метнув на меня непонятный взгляд. — А потенциал проводимости у Максина близок к тысяче. Даже Эолос Разрушитель в древние времена начинал с меньшего.

— Будешь мне ещё бабкины байки пересказывать! — пренебрежительно фыркает Сердий. — Толку от того потенциала — как от совы молока. Если б не внешнее сходство, я бы вообще не поверил, что это имел отношение к порождению этого недоразумения. Только и способен, что с бабами путаться.

С удивлением понимаю, что «пустышка» и «недоразумение» — это про меня. Точнее, про бывшего владельца тела. И мне не то чтобы по этому поводу грустно. Но подобное презрение от местного главара, в смысле Иерарха, вряд ли сослужит мне добрую службу.

Орлина, которую сейчас чуть ли не в глаза обвинили в неверности, только поджигает и без того тонкие губы.

— Вы всегда можете обратиться к кайзеру, — сухо информирует она. — Он поможет вам удостовериться в отцовстве.

— Сам разберусь, — будто бы уязвлено бурчит Сердий. Вряд ли он реально в этом сомневается, скорее, не желает признавать, что сынок получился так себе.

— Максин сегодня нанёс серьёзный урон Кагафу, — к месту вспоминает Орлина. А у меня в ушах звучит полный боли крик, а в носу стоит вонь горячей плоти. Пожалуй, сказать что-то вроде «сжѐг руку Кагафа до костей» будет точнее. — А затем победил Игора в честном поединке. Скрытый до поры талант наконец проявился! Поэтому я и пришла к тебе.

Пока Орлина говорит, Сердий раздражённо постукивает по столу костяшками пальцев. Похоже, он уже знает, чего хочет жена, и заранее всё для себя решил.

— Ну и что с того? — равнодушно вопрошает он, когда женщина замолкает. — Талант открылся? Не смеши! А если и так, то какая с этого польза? Считаешь, что теперь можешь на что-то рассчитывать?

— Я не прошу много, — но по тону Орлины ясно, что как раз много она и попросит. — Просто позволь Максину обучаться, как подобает наследнику.

Последнее слово гигантским тараканом падает между нами. Только в роли благородной девицы выступает не хрупкая Орлина, а здоровенный немолодой мужик. Он страдальчески хмурит брови, задумчиво потирает подбородок и старательно подбирает слова для ответа. Затем плюёт на благие намерения и внезапно впадает в ярость:

— Да ты с ума сбрендил, дура! — громыхает он и хлопает по столу так, что даже я вздрагиваю от неожиданности. — Междоусобицы захотела?! Наследник назначен по закону и другого не будет!

— Прааавда? — в медовом голосе Орлины таится яд. — Это по какому такому закону разрешено вести себя бесчестно? Забыл, как наплевал на изначальный договор с моим родом? Как приблизил к себе безродную выскочку, которая только тем и прославилась, что вовремя раздвинула ноги? Великий Иерарх великого рода, ничего не ска...

Женщину сметает с места так быстро, что я не успеваю ничего увидеть. Лишь чувствую, как меня обдаёт запоздалой воздушной волной. Быстро оборачиваюсь — почти невредимая, хоть и слегка помятая, Орлина поднимается у стены среди обломков какой-то мебели. Зло усмехается:

— Что, даже ответить нечего? Иерарх Сердий потерял дар речи, вот бы кто посмотрел!

— Следи за словами, — по голосу слышно, что ярость Сердия вот-вот выйдут из берегов. А может, и того хуже — пар из ушей пойдёт! Перед атакой он встал с кресла, и сейчас медленно обходит стол и идёт в нашу сторону. Точнее, прямо к Орлине, потому что смотрит он только на неё. — Я и за меньшие прегрешения с людей шкуру спускал.

— Ну давай, попробуй! — не менее яростно скалится Орлина. — Но смотри, как бы с тебя самого шкуру не спустили!..

Что я там говорил про мягкий женский подход? Забудьте. И вообще. Чем дальше я присутствую на этой семейной разборке, тем отчётливее понимаю, что такое у них тут в порядке вещей. Сказали друг другу пару ласковых, побили морды. Весело. Чтоб мириться было интереснее, не иначе.

Конечно, такое и в моём мире практикуют. Только я никогда любителем подобных развлечений не был: наши с Верой ссоры по пальцам можно пересчитать. А после уже и не с

кем было ругаться — до этой стадии отношения просто не доходили.

А сейчас смотрю на этот беспредел и чувствую себя третьим лишним.

— Тебе давно стоило преподать урок, — наступает между тем на женщину Сердий. — Если считаешь, что прошлые заслуги дают тебе право вести себя подобным образом... То ты ошибаешься.

Рядом со мной он проходит безразлично. Действительно — будто мимо пустого места. Спокойно поворачивается спиной. Так уверен, что я ничего ему не сделаю? А он куда наивнее, чем показался изначально.

— То же самое касается и тебя, любимый, — тело Орлины подбирается, будто она готовится к прыжку. Между её наложенных друг на друга ладоней начинает клубиться тьма. — Уже забыл, кому обязан своим титулом? Короткая же у тебя память, И-е-рарх.

Эти слова почему-то здорово злят неуравновешенного папашу. И он атакует молниеносно. В этот раз я успеваю заметить переполненный жаром хлыст, который неведомым образом материализуется у него в руках, чтобы через мгновение исчезнуть. Орлина вскрикивает, встряхивая обожжённые ударом ладони, с внутренней стороны которых жидкими струйками стекает чёрный туман пополам с кровью. Выглядит так, словно женщина порезалась своей же магией.

А вот на такие приколы я точно не подписывался!

— Титул мой по праву, — жёстко произносит Иерарх. — А тебя сейчас ждёт заслуженное наказание. Готовься!

Он картинно поднимает руку с зажатым в ней хлыстом. Теперь я могу хорошо его рассмотреть. Это длинный язык пламени, обвивающий запястье Сердия и свисающий до самого пола. У Иерарха нет причин торопиться: жертва обезврежена, и чем лучше она понимает, что с ней сейчас произойдёт, тем более действенным будет наказание. Потому что боль тут — не главное. Главное — страх.

Правда, Орлина испуганной не выглядит. Кажется даже, что именно этого ей и было надо. Вот только надолго ли такая смелость?

Узнать это никому не суждено, потому что едва озверевший Иерарх завершает замах, я подшагиваю к нему вплотную. И удерживаю за предплечье поднятой руки.

— Хватит, — произношу как можно более спокойным тоном. — Избавьте меня от созерцания вашего садо-мазо.

Сердий, будто не веря собственным чувствам, поворачивает голову ко мне. Его глаза сияют расплавленным золотом, а на лице отражается неутолимая жажда крови.

— Максин! — предупреждающе ахает Орлина. — Я же просила...

Поздно. Надо было или меня сюда не приводить, или с мужем нормально разговаривать, а не вот это вот всё. Неужто эта горе-мамания правда ожидала, что я буду спокойно стоять и наблюдать за экзекуцией?

Да ладно! Серьёзно что ли ожидала?..

Что ж за мир тут такой?!

— Хочешь со мной потягаться, сосунок? — неверяще уточняет Сердий. — Всего раз зачерпнул из Источника и считаешь, что уже сможешь мне противостоять?

— Нет, — отвечаю, глядя ему прямо в глаза. — Просто не собираюсь смотреть, как вы друг друга убиваете. Лучше сядем и поговорим.

В ответ Сердий вспыхивает всем организмом. Буквально сразу — будто сера на спичке. Я вздрагиваю, но всё же подавляю желание отнять руку. Ведь этот огонь совсем не жжётся!

Напугать хотел, маг хренов? Выкуси.

— Поговорим! — громыкает папаша, перехватывая теперь уже мою руку. — Мы сейчас с тобой так поговорим, что мало не покажется!

Орлина что-то громко произносит, но все звуки тут же поглощает вой вьюги. А мы с польхающим Сердием оказываемся на заснеженной, открытой всем ветрам площадке!

Глава 5

Лед и пламя

— Падай в снег и моли о прощении! — гремит рядом голос Сердия, перекрывая вой ветра.

— С чего бы это мне извиняться? — выкручиваюсь я из захвата. Говорю тихо, но разъярённый Иерарх всё слышит. Он по-прежнему пылает, словно зажжённая спичка. Наверное, это из-за его огня мне до сих пор не холодно. Хоть я и чувствую обжигающие порывы ветра открытыми участками кожи. Закрытыми, впрочем, тоже: меня ведь не в куртке, а в летнем костюме сюда притащили.

— Ты не только бесталанный, но и слабоумный тоже, — рычит виновник всего этого безобразия, обвиняя при этом почему-то меня. — Смеешь противостоять самому Иерарху!

— Слабоумие и бесталанность, видать, от тебя по наследству достались... — бормочу, отступая от психа подальше. Стоило бы, наверное, промолчать, но полностью сдержать негодование почему-то не получается. Заразился от Максинова папаши сумасбродством, не иначе.

За живое задетый Иерарх, чуткости слуха которого можно только позавидовать, рычит раненым потапычем и взмахивает рукой в мою сторону. Угрозу я скорее чувствую, чем реально вижу. Но успеваю отпрыгнуть в сторону. Острые льдинки всего лишь чиркают по плечу и — совсем чуть — по физиономии. Кровища из ран всё равно плескает — чувствую стекающую вниз тёплую, мгновенно остывающую на морозе жидкость. Боли, как ни странно, почти нет, да и кровотечение, по ощущениям, почти сразу прекращается.

Жаль, что визуально оценить нанесённый урон у меня не получается. Потому что Сердий с упорством бешеного носорога атакует снова.

В этот раз он расцехляет уже знакомый мне огненный хлыст. Тоже мне, ковбой недоделанный! Но это я с досады, потому что обращаться с этим неудобным и невозможным оружием он действительно умеет. Наловчился, видать, на семейных разборках.

Хлыст звучно щёлкает, прожигая в снегу глубокую борозду, точно в том месте, где я только что стоял. Хорошо, что тело у Максина тренированное, шустрое. А то эта борозда поперёк моего туловища оказалась бы!

— Давай-давай, нахал, попляши! — глумится Сердий, безостановочно щёлкая хлыстом. Рад, что хоть у кого-то из нас хорошее настроение! А вот я чувствую, что начинаю выдыхаться. Пора прекращать этот цирк.

Очередной щелчок встречаю на подлёте — бросаюсь под удар и ловлю пламенеющую плеть голыми руками. Ну а что поделать! Просить прощения у неадекватного хрена я всё равно не собираюсь...

Сердий издаёт удивлённый возглас, а я ожидаю для себя неминуемых последствий. Но ничего не происходит — ладони даже не жжёт. И я, стараясь не думать о том, что трогаю натуральный огонь, шустро обвиваю плеть вокруг предплечья, блокируя папаше возможность ударить. Рукав тут же начинает тлеть, но сохранность одежды меня волнует сейчас меньше всего.

— Может, хватит? — во мне по-прежнему плавно нарастает раздражение, но я пока держусь. — Все уже поняли, что ты тут самый важный главнюк. Давай к делу что ли.

— И с каких пор ты этим фокусам научился? — весело спрашивает подугасший Иерарх.

Но его тон всё равно бесит, да и смотрит он на меня как на внезапно поумневшую комнатную собачку.

— А я всегда умел, — отвечаю дерзко, дёргая плеть на себя и вынуждая Иерарха подшагнуть поближе, — просто кому попало не показывал.

«Кто попало» удивлённо хмыкает:

— Да ты сегодня на себя не похож... Правда что ли моя кровь наконец пробудилась?.. Вот только одного ты не учёл, юнец. Левая рука у меня свободна!

Сердий бросает в меня пригоршню снега, которая на глазах превращается в охапку крошечных ледяных лезвий. Успеваю только закрыть глаза и заслониться свободной рукой. Вовремя, потому что львиная доля урона снова летит в физиономию.

— Старших надо уважать, мальчик, — Иерарх сообщает избитую истину так, будто делится мудростью поколений. Улыбается насмешливо, довольный как слон после купания. Ишь ты, размялся. Тряхнул стариной.

Так для тебя это просто развлечение было?!

Кровь расплавленной лавой ударяет в голову, отшибая мозги начисто. Жадная пустота, дремлющая где-то в районе солнечного сплетения, настойчиво требует наполнения. И получает! Хлипкую заслонку разума сметает первобытным потоком силы. Энергия переполняет каждую клетку моего тела, беспрепятственно вылетая из каждой поры кожного покрова в окружающее пространство.

Я пылаю, точно так же, как до этого Иерарх. Только в десять, нет, в сто раз сильнее!

— Стой! — вот теперь в голосе незадачливого папаши прорезаются ласкающие мне слух нотки страха. — Ты навредишь себе! Максин!

— Я МАКС! — рычу в ответ, запуская в жалкого человечешку огненную волну. Досада! Он играючи перехватывает её и направляет в сторону. Ничего! У меня этого добра навалом. Всё для любимого папочки.

Вторая волна. Третья. Четвёртая. На пятой мои руки и ноги будто наливаются свинцом. Сердце тревожно замирает и тут же бешено пускается вскачь, напоминая о позабытой было тахикардии. Мои движения, напротив, замедляются, становясь вялыми и ленивыми. Ярость, придававшая мне сил, отступает, но рвущийся изнутри огонь и не думает прекращаться.

Неужто теперь его никак не остановишь?!

И тут на мою потяжелевшую от усталости голову обрушивается жидкий азот. Ладно, это всего лишь цистерна ледяной воды, но температура у неё по моим ощущениям сильно ниже нуля!

Отвлекаюсь от уничтожения Сердия на новый раздражитель — и тут же получаю от доброго папы под дых. Да не так, как совсем недавно огребал от меня Игор, а душевно, от всего сердца.

Падаю на растрескавшиеся и оплавленные от жара камни, закономерно преисполнившись острой жалости к себе.

Одно хорошо: поток силы заметно ослабел, а огонь погас, оставляя после себя мокрую, голую, измазанную копотью кожу. За которую с удвоенной силой принялся позабытый в пылу сражения ледяной ветрище. Пара секунд — и у меня уже зуб на зуб не попадает.

Даже не замечаю, как рядом присаживается на корточки Сердий. Задирает мне подбородок, заглядывает в глаза. Удивлённо бормочет:

— Ну надо же, не сгорел...

Потом легко, будто пиджак со стула, поднимает меня с начинающих покрываться

наледью камней. Я и сам чувствую себя какой-то ветошью: ни одна мышца не хочет двигаться, тело мечтает только об одном: чтобы всё это поскорее закончилось.

Поэтому когда Сердий со мной подмышкой перемещает нас обратно в полуразгромленный кабинет, я ему почти благодарен.

— Макс! — бросается ко мне помятая и бледная Орлина. Кажется, я даже вижу слёзы у неё на щеках. Или это у меня в глазах расплывается...

— Не трожь, — вполне мирно рокочет Иерарх. — Ему очищение нужно. Как минимум.

— Зачем ты так? — выплёскивает нервное напряжение на мужа Орлина. — Неужели обязательно было так мучить ребёнка?!

— Обязательно, — усмехается Иерарх, явно не планируя что-то объяснять переживающей матери. — Теперь я сам прослежу за его обучением. И учителя дам. Лучшего.

Орлина зажимает рот руками, будто не в силах поверить в реальность происходящего. А Иерарх телепортирует меня в знакомый лазарет и безжалостно сбрасывает на столь же знакомую койку.

— Эй, карга! — гудит куда-то в сторону. — Принимай пациента.

— От старпёра слышу, — неласково отвечает Фати и тут же ахает. — Ты что, с ним делал, изувер?! Убить собирался?

— Этого убьёшь, — в голосе Иерарха слышится тщательно отмеренное одобрение. — Подлатай его как следует, чтобы завтра был как огурчик. Он ещё пожалеет, что попался мне на глаза.

Посмеиваясь над собственной недошуткой, Сердий растворяется в воздухе. А надо мной, разглядывая изучающе, склоняется Фати.

— Как ни странно, повреждения минимальны, — удивляется она. — Даже Источник почти не травмирован. У тебя потрясающий резист к Бездне, малыш.

Страшно хочется съязвить что-нибудь про этого «малыша», но лень. Вместо этого спрашиваю, едва ворочая языком:

— Сколько тебе лет, Фати?

Она облизывает пухлые губки и отвечает как ни в чём не бывало:

— Двести семьдесят три в прошлом месяце исполнилось. Твой отец младше меня на год.

Всё, приплыли. Тушите свет. Занавес.

— Ведьма, — мычу я в шоке и наконец проваливаюсь в спасительное беспомыслие.

Прихожу в себя глубокой ночью. Вокруг темно, только маленький светильник слегка рассеивает темноту. Фати рядом нет, я заботливо отмыт от слоя сажи и укрыт чистой простынёй. Мышцы люто ноют, но теперь хотя бы не напоминают разжиженный холодец. Хочется в туалет, но пока не настолько, чтобы вставать и искать его в потёмках.

Вместо этого я долго разглядываю потолок, анализируя первый прожитый здесь день.

И мне не нравится то, что я вспоминаю.

Я всегда гордился своим хладнокровием — моменты, когда реально не мог себя контролировать, можно по пальцам пересчитать. А здесь завёлся не то что с полоборота, буквально из ничего! Какая мне разница, что там думает обо мне какой-то местный феодал!

Ладно, разница, положим, есть. Только бросаться в бой очертя голову — совсем не в моих правилах. А в этом мире, да ещё с этой клятой магией надо быть тройне осторожным. Мне, пожалуй, Сердию ещё спасибо сказать надо, что не дал сдохнуть прямо на том леднике.

Потому что — понимаю с удивлением — жить хочется так, что аж зубы сводит!

В молодости я никогда об этом не задумывался. Просто жил себе и жил, как получалось. Занимался научной работой, женился, сына воспитывал. Всё шло как-то ровно, гладко, без особых потрясений и потерь. Поэтому трагедия, произошедшая с родными, буквально раскатала меня в лепёшку. Не знаю, как я тогда выжил и остался в здравом уме.

Хотя нет, не остался. Потому что стал одержим жаждой мести. От меня тогда не осталось вообще ничего, только желание уничтожить тех, кто сделал это с моей семьёй.

О, я и не подозревал, насколько умным, изворотливым и убедительным могу быть! У меня была цель, всё остальное — неважно.

Разве после её достижения на меня не должно было снизойти умиротворение? Попал в другой мир — ну и что с того? Гулял бы себе спокойненько по местным красотам, и горя не знал. Так ведь нет! Бегу куда-то, суечусь, дерусь... С детства таким не увлекался, больше учился, занимался спортом, конструировал всякое.

Местный воздух что ли на меня так влияет...

Размеренный ход мыслей и воспоминаний убаюкивает, но теперь уже точно приходится вставать по нужде. Кроме входной двери в лазарете их ещё две. Толкаю первую попавшуюся — закрыто. Только не говорите мне, что туалеты тут на ночь запирают! Или, не приведи Ньютон, ходят на улицу...

Однако вторая дверь тут же успокаивает мои тревоги. Оказывается, санузлы в этом мире сильно напоминают наши, разве что изукрашены в стиле дорого-богато, как тут принято. А ещё конкретно в этом есть окно с узорчатым стеклом, через которое ни шиша не видно.

Стоит мне переступить порог, как в помещении вспыхивает неяркий свет. Ишь ты, до чего тут техника дошла!

Здесь же обнаруживается душ, которым я не брезгую воспользоваться. А ещё тут есть белый, напоминающий гостиничный, халат, в который я с удовольствием заворачиваюсь. Не привыкшие мы голышом расхаживать, так-то.

Возвращаюсь в постель посвежевшим, да и настроение заметно улучшается. Какая разница, что там было и чего не было в моей прошлой жизни? Здесь-то наверняка всё будет по-другому.

Там я все дела закончил. Близких у меня больше никогда не было, а у особо ценных сотрудников имеются подробные инструкции и капитал на случай моего внезапного исчезновения. Они справятся.

Не стоит ли мне сосредоточиться на том, что происходит здесь и сейчас? Ответ, естественно, утвердительный.

С этой мыслью засыпаю сном праведника.

А просыпаюсь на рассвете под тихий шум голосов.

— Нет, Орлина, нет, — непреклонно выговаривает Фати. — Даже посмотреть на него не дам, не проси. Пусть мальчик выспится.

— Ты же понимаешь, я могу доверять только собственным глазам, — соревнуется в непреклонности Орлина. — Вчера Иерарх не дал мне на него даже взглянуть толком. Вдруг с Максином что-то не так?

Приподнимаюсь, опираясь на локти и говорю так громко, что спорщицы синхронно вздрагивают:

— Для женщины, по чьей указке меня вчера убили, ты слишком беспокоишься о моём здоровье, Орлина.

— Во-первых, вчера и сегодня — разные вещи, — мать мгновенно оказывается рядом и

усаживается на заботливо оставленный с вечера стул. — А во-вторых, не говори ерунды. Кагаф не мог причинить тебе серьёзного вреда.

— Вообще-то Макс прав, — встречается Фати. — Он действительно умер. Чистое везение что ему удалось вернуться.

Орлина выглядит обескураженной.

— Не может такого быть, — выдыхает она. — Я ведь полностью его контролирую...

Фати картинно заламывает руки:

— Ужас! Мне, лучшей подруге, ты не веришь, а какому-то безродному троллю — нате пожалуйста. Как теперь с этим жить!

Но Орлина серьёзна:

— Его семья верно служит моей уже несколько поколений. А ты понимаешь, что это значит.

— И что это значит? — невинно интересуюсь я. Для познания нового мира надо пользоваться любой возможностью.

— Клятва на крови, — Орлина смотрит на меня так, что мне становится неловко. — Клану Темновых служи или умри. Так все говорят.

Киваю, делая вид, что для меня все эти шарлатанские ритуалы — в порядке вещей. Но всё-таки уточняю:

— И что, обойти эту клятву никак нельзя?

Женщина страдальчески морщится:

— Если очень постараться, то можно, конечно. Особенно если найти толкового алхимика... Но есть же в конце концов святое даже для троллей!

— Верность что ли? — саркастически хмыкаю я. Ну надо же, такая взрослая и такая наивная. Не ожидал.

Орлина, однако, зиркает на меня как на идиота:

— Какая такая верность, Макс? Ты о чём? Выгода! Вот что удерживает их лучше всякой клятвы. Неужели кто-то посмел предложить им больше?..

— У тебя много врагов, — равнодушно зевает в ладошку Фати. — Странно, что они только сейчас занялись этим всерьёз.

С этими словами она отправляется к своему рабочему столу и принимается перебирать там какие-то бумажки. Лучшая подруга, ага. Орлина же наклоняется ко мне пониже.

— Ладно, — почти шепчет она. — С троллями я как-нибудь сама разберусь. Важнее то, что Иерарх наконец тобой заинтересовался. Хотя я и не одобряю твоего поведения...

— Какого поведения? — спрашиваю озадаченно. — Я ж его даже не ударил. В смысле, он первый начал!

Орлина распрямляется и обличающе тычет пальцем мне в грудь:

— Ты! Влез в поединок! Забыл правила поведения в приличном обществе?

— Вообще-то я тебе помочь хотел! — начинаю заводиться и я. Но вдруг до меня доходит. — Или ты что, собиралась ему проиграть?

Женщина поджимает губы и неожиданно заинтересовывается складками платья на коленях.

— Сердй вспльчивый, — неохотно признаётся она. — Зато после ссоры — как шёлковый. У меня всё было под контролем.

— Страшная ты женщина, — откидываюсь я на подушку. Глаза почему-то жутко слипаются, хоть проснулся совсем недавно. Видимо, перетрудившийся организм продолжает

восстанавливаться. — Но в следующий раз меня на такие мероприятия не приглашай.

— Почему?

— Потому что ни один нормальный мужик на такое спокойно смотреть не станет, — в конце смазываю пафос фразы широким зевком. Спать хочется уже нестерпимо.

— Тоже мне, мужик нашёлся! — хихикает Орлина, явно не принимая меня всерьёз.

Хмуро смотрю из-под опущенных век:

— Мужу своему ты тоже такое говоришь? Завязывай. Мне так точно больше не надо.

— Как скажешь, — покладисто соглашается женщина. Подозреваю, что только ради того, чтобы не разводить спор. — Отдохни ещё немного, силы тебе точно понадобятся.

Быстро наклоняется и неожиданно целует. В лобик. А потом поправляет одеяло и стремительно убегает, оставляя меня чувствовать себя сущим младенцем.

— Фати, — мне страшно хочется спать, но вопрос не терпит отлагательств. — А Орлине сколько лет?

Двухсотсемидесятитрёхлетняя девушка издаёт язвительный смешок:

— Да она малышка совсем. До двухсот пятидесяти даже не дотягивает. Столько ей лишь через пару лет стукнет.

Ладно, по сравнению с этими старожилками я и впрямь молокосос. Даже если принять во внимание мой настоящий возраст. А значит, можно и... поспать.

Наконец-то!

Мне снится что-то мягкое и упругое, когда меня грубо прерывают. Я падаю с кровати, причём явно не сам по себе. Торопливо продираю глаза, пытаюсь сообразить, на каком я свете.

— Ты что ли посмел быкануть на Иерарха? — басом интересуется возвышающийся надо мной коренастый силуэт. — Это ты зря, парень.

Глава 6

Учитель Капец

Ну быканул и быканул, чего бубнить-то? Стыдливо заворачиваюсь в простынку — спал-то я как положено, в чём мать родила. И усаживаюсь на кровать. Фати в обозримом пространстве не обнаруживается: не иначе, сбежала, увидев этого здоровяка.

А идея сбежать, кстати, даже мне кажется не такой уж дурной. Потому что пришедший по мою душу мужик действительно огромный. На человека он похож только общими очертаниями, а так — гораздо более массивный, чем самый прокачанный культурист. Он полностью седой, а кожа — тёмная. И без того уродливую физиономию с пересекает застарелый шрам. Именно он напоминает мне, что этого мужика я уже где-то видел. Точно помню даже, где именно: это он сразу после моего перемещения в этот мир отправил меня в лазарет.

— А я тебя помню, — невпопад бормочу я. — Трость сегодня дома оставил?

— Нет, у порога, — щерится нежданный гость, складывая мощные ручищи на не менее мощной груди. — Боялся, что прибью ненароком оболтуса.

— Ну ладно, — решаю я, что не при делах, и укладываюсь обратно. — Только не шумите тут с этим оболтусом сильно, я спать хочу.

В ответ мужик бормочет что-то нецензурное. И я снова оказываюсь на полу. На этот раз просыпаюсь окончательно и подскакиваю к пожилому нахалу, чтобы рассказать ему о правилах поведения. Зря я это сделал, ой, зря. Потому что мы с ним как слон и моська — мне приходится задирать голову, чтобы просто на него посмотреть. А в его взгляде даже злости нет, только бесконечное презрение.

Отступаю, делая вид, что так и было задумано.

Вновь подбираю свалившуюся простынку и раздражённо бросаю её на расхристанную кровать. Всё равно с ней мороки больше, чем практической пользы.

Оглядываюсь в поисках одежды — и реально её нахожу. Валяется себе рядом с одним из стульев. Видно, здоровяк сбросил, пока меня будил. Сволочь.

Спокойно всё забираю и принимаюсь одеваться прямо при нём. Не знаю, как у них тут принято, мне в общем-то плевать. Зато радуется, что здешние костюмы довольно сильно напоминают наши. Хоть и выглядят как музейные экспонаты.

Всё это время мужик терпеливо ждёт, пялясь в окно, словно там происходит что-то интересное. Врёт, конечно: ничего там не происходит. Цветы цветут, деревья растут — вот и все дела.

Да и не смотрит он на самом деле, потому что стоит мне застегнуть последнюю пуговицу на жилете, как нежданный гость сразу же переносит своё внимание на меня.

— Так бы сразу, — удовлетворённо усмехается он. — У нас ещё немало дел, так что перейдём сразу к ним.

Я недоверчиво фыркаю:

— «У нас»? Ошибаешься, нет у нас с тобой никаких дел. Я тебя даже по имени не знаю.

— Точно, твоя докторица о чём-то таком предупреждала, — сам себе бормочет он. Затем церемонно кланяется. — Представлюсь. Меня зовут Капец, и с этого дня до особого распоряжения Иерарха ты становишься моим учеником.

— Капец?! — меня неожиданно разбирает неприличный ржач. — Учитель Капец? Да

ладно!

— Меня зовут Капец, — раздражённо хмурится великан. — Означает «великий воин, посланный богами, чтобы творить высшую справедливость». Что тебя так развеселило в моём имени?

Но объяснение только добавляет мне веселья.

— И за что? — икая от смеха уточняю я. Сто лет так не ржал, аж живот разболелся. Хотя повод в общем-то идиотский, признаю.

— Что «за что»?

— За что боги тебя послали? Признавайся, ты их окончательно достал! А?

Последний звук ещё звучит, когда учитель бросается ко мне с удивительной для его комплекции скоростью. Быстро тыкает в затылок — я даже отклониться не успеваю. И тут же мешком падаю на пол. Ни рукой, ни ногой двинуть не могу!

А он встаёт надо мной, уперев руки в боки.

— Слушай меня внимательно, мелюзга, — рокошет Капец. — Я здесь по личному распоряжению своего командира. И сделаю всё, чтобы исполнить свой долг. Хочешь проявлять ко мне неуважение — проявляй. Но будь готов, что я отвечу симметрично. Это понятно?

Да куда уж! Ещё понятнее станет только если он в назидательных целях свернёт мне шею. Но надеюсь, что до этого не дойдёт.

Мычу что-то согласное, рассчитывая, то он тут же вернёт мне подвижность. Не тут-то было!

— Иерарх поручил мне подготовить тебя, как полагается претенденту на место наследника, — продолжает самозванный репетитор. — Если у тебя получится всё усвоить, твоя бесполезная жизнь навсегда изменится. Если не получится — можешь сразу пойти и сдохнуть самостоятельно, чтобы не тревожить по пустякам уважаемых людей. Ну или пару лет подождать, пока эти люди сами до тебя доберутся. Ясно?

В этот раз ничего не говорю, только смотрю на горе-учителя с меня самого удивляющей ненавистью. Положим, парень, в тело которого я угодил, и впрямь был бесталанным. Но это ведь не повод настолько его третировать! «Пойди и сдохни» — вот это предложение! И что за «уважаемые люди» мечтают до меня добраться? Чем им всем умудрился так помешать восемнадцатилетний пацан?

Вот только они пока не в курсе, что со вчерашнего дня я за него, поэтому злыдни, пришедшие по мою душу, горько об этом пожалеют. По крайней мере, я изо всех сил постараюсь устроить им весёлую жизнь.

— С этого момента ты будешь делать только то, что я тебе разрешу, — между тем продолжает вещать великий воин Капец. — Жрать, спать и гадить только по моей команде.

— Ещё что я должен делать по команде? — с трудом шевелю непослушным языком. Если учитель этому удивляется, то никак не показывает.

— И про баб даже думать забудь, — наносит удар ниже пояса Капец. — Магический аристократ должен блюсти чистоту своих помыслов.

— Ага, — криво усмехаюсь я. — Блюл, блюду и блюдь буду.

Учитель раздражённо зыркает, но по факту ему возразить нечего — я же с ним соглашаюсь.

— Тогда жду тебя через час на тренировочной площадке. На случай, если забыл — она тут рядом. Место, где ты поджёг беднягу Кагафа.

Бедняга, как же! Он меня вообще убил, и что-то никто не торопится мне по этому поводу сочувствовать.

Капец степенно удаляется, и вместо него в помещении тут же материализуется Фати. В туалете пряталась, не иначе. Девушка деловито подходит ко мне и принимается водить надо мной окутанными зеленоватым сиянием ладонями.

— Всё с этим Кагафом нормально, — ворчливо сообщает она, будто мне до этого гада должно быть какое-то дело. — Шкуру попортил, только и всего.

— Думал, у него рука отвалилась, — неожиданно для себя признаюсь я.

— У обычного человека отвалилась бы, — кивает она. — Но у троллей шкура и не такое выдерживает. Впрочем, прожечь её тоже не каждому под силу, так что можешь собой гордиться.

Было бы чем. Я и сам не понял, что со мной тогда произошло. И уж точно я не сам себя контролировал.

Фати заканчивает свои манипуляции и шутливо щёлкает меня по носу:

— Готово! Магпаралич полностью обезврежен. В следующий раз даже не вздумай спорить с этим стервецом! Не добавляй мне работы, а? Накладывать-то он умеет, а снимать всегда мне приходится.

— Ладно, — легко соглашаюсь я, лишь бы от меня отстали. И наконец поднимаюсь с твёрдого пола. — Капец, получается, тоже тролль?

Фати морщится:

— Что-то вроде того. Он теу-модифицированный. Лет пятьсот назад, когда заново открыли генетику, скрещивали всё со всем. Тогдашний Иерарх тоже таким развлекался, пока не надоело.

— «Теу»?

— Теургия, — пожимает она плечами. — Так в досистемные времена называлось то, что сейчас по-простому именуется магией. Основной термин изменился, а рудименты остались. Почитай любой учебник истории, там подробно про это написано. Или жди, пока память вернётся.

Ну, на это мне точно рассчитывать не стоит. Так что только учебник — как в старые добрые.

— Ладно, пойду я, — к учителю ещё рано, но мне хочется получше вокруг осмотреться. Второй день в новом мире, а до сих пор толком видел один лишь лазарет.

Фати понимающе хмыкает.

— Ну да, ну да, тебя уже под дверью дожидаются, — говорит она нечто непонятное. Вряд ли Капец до сих пор торчит у порога, а больше некому. Если только Орлина пришла... — Только знаешь, что? Будь всё-таки поосторожнее с местными девицами.

Останавливаюсь на полдороги к выходу и резко разворачиваюсь:

— А что с ними не так? Болеют что ли?

— Чем бы они не болели, тебя это мало касается. Мага нельзя заразить обычной болезнью, только магической, — терпеливо объясняет Фати. — Поэтому обычные люди в медицинском плане для нас гораздо безопаснее собратьев по Источнику.

— В чём тогда проблема? Забеременеют и жениться заставят что ли?

Глаза Фати изумлённо расширяются:

— Жениться?! Скажешь тоже! Ни один Иерарх в своём клане мезальянса не позволит! Да и рано тебе пока, лет через пятьдесят только. Если доживёшь...

— Ну так объясни мне по-нормальному, а не в час по чайной ложке! — рычу я. — Помнишь ведь, что с памятью у меня беда.

Фати смотрит на меня с недоумением, затем легонько хлопает себя по лбу:

— Ох, прости! Я уже запомнила.

— Старость не радость... — ворчу я.

— Что?! — мгновенно вскидывается Фати.

— Что? — прикидываюсь шлангом. — Ты мне давай, рассказывай. Не переводи тему.

Двухсотсемидесятитрёхлетняя девушка обиженно поджимает розовые губки, но всё-таки отвечает, будто заправская училка:

— О беременности можешь не беспокоиться. У магов процесс деторождения строго контролируется и на продолжение рода требуется особое дозволение кайзера. Тут другая проблема. Благодаря связи с Источником, мы сильно отличаемся от обычных людей. Дольше живём, почти не боеем, выглядим более... привлекательно. Социальное положение и богатство тоже имеют значение, конечно... Для обычных людей мы подобны богам. И когда простой человек получает расположение бога, он начинает грезить о несбыточном. О том, что когда-нибудь может стать ему равней. Но это невозможно, так что в результате оба получают только страдания...

Произнося это, Фати задумчиво смотрит в окно, неосознанно обнимая себя за плечи. Создаётся ощущение, что она хорошо знает то, о чём меня пытается предупредить. Вот только к чему мне эти воспитательные речи? Сам как-нибудь разберусь. Хмыкаю:

— Успокойся, мамочка. Дожил же я как-то до этих лет.

Фати качает головой:

— Ты теперь какой-то другой, Макс. Видно, Источник на тебя так подействовал. Ты как будто стал относиться ко всему куда серьёзнее. И это крючок, на который тебя могут поймать.

Ага, как же. Что-то я не пойму. Раздолбай — плохо. Серьёзный — тоже нехорошо. Так каким по мнению окружающих мне нужно быть? А, плевать. Если на каждого оглядываться, никаким не станешь. Это я как взрослый человек говорю. Они-то считают меня младенцем, вот и умничают.

— Спасибо за мнение, я тебя услышал, — произношу я холодно. — А теперь мне пора.

Выхожу за дверь и остаиваюсь недалеко от лазарета. Вдыхаю тёплый ароматный воздух полной грудью. Как же всё-таки замечательно быть живым! Надеюсь, Николаич мне сейчас люто завидует, где бы он там ни находился. Есть всё-таки справедливость в этом мире...

Моё тело обвивают нежные руки, а к спине прижимаются мягкие полушария.

— Зову-зову, а ты не слышишь, — ласково упрекает незнакомка. Голос у неё приятный, грудной, с чуть слышной хрипотцой. Так вот о ком говорила Фати! Резко разворачиваюсь, отстраняя девушку, и вглядываюсь в её лицо.

Она небольшого роста, еле-еле достаёт мне до плеча. Юная — хотя кто их в этом мире разберёт. Одета куда проще, чем женщины, которых я тут уже встречал, — в светлое платье из тонкой ткани, подчёркивающее стройность фигуры. Волосы светло-рыжие и довольно длинные. Собраны под косынку, видимо, чтобы не мешали. На носу — трогательная россыпь веснушек. Но взгляд серо-синих глаз настолько наглый и хитрый, что кажется ушатом ледяной воды, вывернутым за шиворот.

От такой девицы действительно лучше держаться подальше. Если местный Макс этого

не понимал, то мне его искренне жаль.

— Мы знакомы? — слегка раздражённо интересуюсь я.

Девушка обиженно кривит губки:

— А то как же, господин! Крайний месяц, поди, чуть не каждый день знакомимся...

— И? — хмурюсь я. Это что, получается, Максинова бывшая? Хотя что-то мне подсказывает, что всего лишь одна из...

Получив такой неласковый приём, девушка заметно теряется.

— Ну... Ты со вчера пропал, вот я и пришла сама тебя проведать...

Только этого мне ещё не хватало! Нет, внимание молодой симпатичной особы, конечно, весьма приятно. Вот только что-то в её отношении настораживает. Особенно после предупреждения Фати.

Слишком фамильярно.

И дело не в том, что я внезапно возомнил себя аристократом. Я, может, в душе вообще социалист. Проблема в том, что нарушать установленную иерархию может быть чревато. Чтобы переть против системы, нужно обладать не только силами, но и значительным ресурсом. Ну и в принципе понимать, зачем тебе это надо.

Нижестоящие не терпят от вышестоящих только одного — слабости. Максин этого то ли не понимал, то ли намеренно игнорировал.

В результате ни один человек из тех, кого я до сих пор встретил, не относится ко мне по-человечески. Кто-то жалеет и сочувствует, кто-то завидует и ненавидит, кто-то, как эта девица, просто использует.

И никто, абсолютно никто не уважает.

Но если подобное отношение для Максина было нормальным, то для деда Макса оно неприемлемо.

— Ты можешь больше не приходить, — озвучиваю единственный возможный вариант развития наших отношений. — В ближайшее время я буду слишком занят.

Глаза и рот девушки изумлённо округляются, светлые брови поднимаются домиком.

— Да как же так, господин?! — она того и гляди разрыдается. — Я сделала что-то не так? Вы недовольны? Я всё исправлю! Прямо сейчас!

Хватает меня под руку и с недюжинной силой тянет в сторону кустов. Ничего себе, каков напор! Делаю по инерции пару шагов и упрямо останавливаюсь — не сдвинешь.

Девушка бросает это гиблое дело после пары попыток. Теперь она ужасно зла — щёчки покраснелись, косынка съехала набок. И взгляд такой, будто примеривается, как сподручнее треснуть меня сковородкой.

— Хватит, — жёстко произношу я. — Не нужно ничего исправлять. С этого дня всё будет по-другому.

Она замирает. По её щекам стекают злые слёзы.

— Вы обещали! — обличительно тыкает она пальцем мне в грудь.

— Жениться? — хмыкаю скептически. Неужто Максин был настолько идиотом?

— Вот ещё! — возмущённо фыркает девица, будто это я предположил несусветную глупость. — Подъёмные вы обещали! Сто рублей, между прочим! У меня даже расписка имеется!

Она принимается шарить по карманам, а я хватаюсь за голову. Ай да Максин, ай да Сердиев сын!

— погоди, — останавливаю девушку. — Я только тебе что-то обещал? Или есть и

другие?

Она глубоко задумывается, шевеля губами.

— Марысе вроде колечко обещал... обещали, господин, — произносит наконец. — А, нет, с ней вы уже рассчитались. Больше ни про кого не знаю. У вас в крайние дни настроение дурное было — жуть. Почти всех от себя отослали.

Ещё бы не дурное — с таким-то бестолковством! Как этот Максин вообще до своих лет дожил? Он же полный кретин...

Может, поэтому, кстати, и дожил, — приходит запоздалая мысль. Потому что никто его всерьёз не воспринимал. А теперь это наверняка изменится. Я просто не смогу жить как он. Я — другой.

Так вот о чём на самом деле предупреждала Фати. Стоило бы сказать ей спасибо.

— Значит так, — говорю я девушке. — Раз обещал, будут тебе подъёмные. Только больше мне не докучай. И другим скажи, чтоб не лезли. Если надо будет — позову.

Девушка радостно кивает. Куда только делись злость и слёзы! Сейчас она меня расцеловать готова. Вот что бабло животворящее делает. Кстати, надо бы узнать, сколько его, родимого, у меня имеется. А то придётся ещё у Орлины на Максиновых девок занимать, стыда не оберёшься.

— В ближайшие несколько часов буду занят. Найди меня вечером, решим твой вопрос. Главное, расписку не забудь с собой захватить.

Девушка счастливо кивает — а потом вдруг пылко бросается мне на шею. Жарко шепчет в ухо:

— А вы мне и без денег нравитесь, господин! Давайте я вас отблагодарю по-быстрому.

Ага, нравлюсь. Так я и поверил. Просто хочешь урвать ещё хоть что-нибудь, хищница простодушная.

Но сказать ей ничего этого и даже выбраться из объятий я не успеваю. Потому что совсем рядом раздаётся угрожающий учительский бас:

— Смотрю, ты всё никак не уймёшься, олух! Забыл, о чём я тебя предупреждал? Так я напомним!

Глава 7

Воспитательная подстава

Девушка вздрагивает и в испуге отстраняется. Точнее, пытается это сделать. Не тут-то было! Я вцепляюсь в скромницу-притвору мёртвой хваткой. А нечего было на меня бросаться без спросу! Теперь отдуваться вместе со мной будешь.

— А что не так, сенсей? — спрашиваю учтиво, без труда удерживая всё ещё пытающуюся вырваться девушку. — Ты про каких-то баб говорил, я помню. Но у нас тут вообще-то любовь, чистая и возвышенная, как слеза ангела.

На уродливой троллей физиономии отражается что-то похожее на удивление.

— Ты, пустомеля, ври-ври, да не заговаривайся, — наконец сердито произносит он. — Любовь у него, как же. Ты хоть знаешь, что это такое?

— Конечно, — тут же беспечно отзываюсь я, прижимая девчонку покрепче. — А ты знаешь? опытом поделишься?

Капец неожиданно улыбается во все клыки:

— Мал ты ещё для таких откровений. Рассудком тронешься ещё, мне папаша твой спасибо не скажет.

— Ха! — только и могу ответить я. Ну и самомнение у местных! Будет мне ещё страшный тролль про тычинки и пестики объяснять! Хотя... Может, у них физиология от нашей сильно отличается? Интересно, кстати, как выглядят тролли женщины? Такие же жуткие, или... Исключительно в исследовательских целях спрашиваю!

Девица наконец выворачивается из моих объятий и, торопливо поклонившись, сбегает прочь. Надеюсь, хоть немного пожалела, что сюда заявила.

Капец, нахмурившись, следит за её перемещениями до тех пор, пока она скрывается среди деревьев. Потом взгляд его суровых глазок направляется ко мне.

— Ну и что ты скажешь в своё оправдание?

Неосознанно копирую его позу, а то и выражение лица:

— А надо? Ты ведь уже всё про меня решил.

— И что, — он прищуривается, — даже не попытаешься исправить моё мнение?

Задумчиво чешу затылок. Мда, что-то у меня в этом теле волос на голове многовато. Постричься что ли попривычнее...

— Да мне в общем-то индифферентно, что ты там обо мне думаешь, — честно отвечаю я. — Давай лучше ты мне расскажешь, что я тебе такого сделал. Не люблю, когда не знаю, почему меня ненавидят.

— Ненависть... — Капец будто смакует это слово. — Для тебя слишком сильное чувство, мелюзга. Но было бы лучше, если бы ты просто исчез.

Киваю:

— Ну, хотя бы честно. Так значит, плохого тебе я не делал, а твоё негативное отношение лежит чисто в философской плоскости? Так и запишем...

— Запишем? — тролль удивлённо поднимает брови.

Машу на него рукой:

— Это просто поговорка такая, забудь. Ну и чего плохого ты мне сегодня приготовил?

Капец подбоченивается, будто снова оказавшись в родной стихии:

— Теперь, когда ты соединился с Источником, для тебя невозможно вести прежний

разгульный образ жизни. Ты потерял много лет, твои теу-каналы и модули атрофировались. Да, устойчивость к Бездне велика, но рано или поздно она тебя захватит, и ты... — Тролль резко замолкает и оглядывается по сторонам. Затем продолжает, уже куда тише. — Ты не понимаешь, в какой опасности находишься сам, и сколько проблем уже принёс клану. А принесёшь ещё больше. Поэтому тебя необходимо изолировать, хотя бы на время нашего обучения. Ты против, понимаю. На этот случай Иерарх дал мне особое разрешение...

Снова киваю, даже не дослушав:

— Когда выдвигаемся?

Учитель замирает с открытым ртом. Клычищи у него реально что надо. Аж себе такие захотелось. Шучу, конечно.

— Шутишь? — настороженно уточняет он. — Учти, сбежать от меня не получится.

— Я что, сейчас на шутника похож? — слегка раздражаюсь из-за его непонятливости. — Сказал «надо» — значит надо. Кто из нас учитель — ты или я?

Капец недоверчиво кивает:

— Тогда чем быстрее, тем лучше. В лагере уже всё готово.

— Что-то не нравится мне это название, — вполголоса бормочу я. — Ладно, лагерь так лагерь. Что мне нужно с собой брать?

— Ничего, — пожимает тролль плечами. — Там всё есть.

— И еда?

Такой естественный и насущный вопрос его почему-то возмущает:

— Ты что, жрать туда идёшь, или тренироваться?

— Одно другому не мешает, — сообщаю троллю всем известную истину. — Я вообще со вчерашнего дня голодаю. Так что там по удобствам?

Он машинально ерошит седые волосы:

— Вода, еда, душ, крыша над головой. Всё есть. Доволен?

— Более чем. Теперь мне нужно повидаться с Орлиной — и можем отправляться.

Тролль разочарованно хмурится:

— Всё-таки пытаешься от меня смыться?

— Можешь пойти со мной и проследить, — щедро разрешаю я. В основном из-за того, что я понятия не имею, где мне её искать. Я даже путь к дому Сердия толком не запомнил. Найти — найду, но до тех пор поплутаю знатно.

На такое условие Капец охотно соглашается. Он даже не пытается сделать вид, что хоть сколько-нибудь мне доверяет. Ну и пусть. Если научит управляться с этим клятым Источником, мне будет достаточно. А то инструмент есть, а пользоваться им толком не умею. Непорядок.

Орлина в неизменно траурном платье обнаруживается неподалёку, в глубине сада. Она задумчиво взирает на то, как двое работников выкорчёвывают из земли пень. Очищенный от веток и распиленный ствол дерева валяется тут же.

— Садоводством увлекаешься? — спрашиваю вкрадчиво, неосознанно подкравшись сзади.

Ожидаю испуга, но Орлина спокойно отвечает:

— Просто предотвращаю магические возмущения. Сам знаешь, какая у нас земля, — поворачивает наконец голову и хитро ухмыляется. — Учись дышать тише. Я услышала тебя за сто меров.

— Есть минутка? — возвращаю улыбку. — Мне нужно у тебя кое-что спросить.

Искомая минутка находится, и мы отходим от пытящих у пня мужиков на несколько шагов. К моему удивлению, учитель с нами не уходит, а по-простому берётся помогать суевающимся работягам. Так уверен, что никуда я от него не денусь, значит.

Первым делом узнаю, как у меня обстоят дела с деньгами. Тут порядок: несколько тысяч рублей на карманные расходы у меня имеются, и я могу ими распоряжаться по своему усмотрению. Мысленно делаю заметку на будущее — узнать, как в этом мире деньги зарабатывают. Кажется, предыдущий владелец тела такими вопросами в принципе не задавался.

Мои сбережения заперты в сейфе, который находится в моих личных покоях. Оказывается, у меня для сна и отдыха не только лазарет имеется. То-то радость. А открывается сейф заветный просто — наложением рук. В смысле, отпечатки пальцев считывает.

Оказывается, такие технологии здесь тоже имеются. Сначала генетика, теперь это. А ещё магия и старомодные одёжки. Что-то я в местной эпохе совсем потерялся.

Гораздо большее удивление вызывает у Орлины моя следующая просьба:

— Мне нужен нож, да покрепче. И это. Чем тут у вас огонь зажигают?

— А тебе оно зачем? — круглыми глазами смотрит на меня женщина.

И действительно — с её точки зрения маг, умеющий гореть каждой клеткой своего организма, в подобных девайсах нуждаться не должен. Пожалуй, ей нелегко осознать тот факт, что управляться с только вчера полученной силой мне банально непривычно. Да и не доверяю я всем этим фокусам. Может, потом я их как орешки щёлкать буду, но сейчас простой ножик с огнём как-то сподручнее.

— Без понятия, — пожимаю плечами. И киваю на ничего не подозревающего учителя. — Капец приказал найти, а я исполняю.

Такое объяснение Орлину устраивает. Она кивает:

— Ладно. Подожди только, пока я тут закончу.

Не знаю, что она тут особенного заканчивает. По мне — так просто наблюдает за стараниями местных работяг. Но кто их знает, эти магические возмущения. Вдруг и впрямь Орлина трудится в поте лица, а я тут насмешничаю...

Ждать оказывается недолго. Помощь учителя приходится кстати: работники наконец извлекают из почвы пень с торчащими во все стороны корнями.

— Всё в порядке, — с заметным облегчением произносит Орлина, будто и впрямь волновалась о том, как всё пройдёт. — В последние недели это редкость.

Молчаливо киваю, чтобы казаться хоть немного умнее, и отправляюсь вслед за женщиной. Учитель, как ни странно, остаётся в компании рабочих. Видно, совсем на мой счёт успокоился.

Мы по-простому чешем через сад. Орлина даже следов на траве не оставляет, ведьма. А за мою одежду всё время что-то цепляется, будто пытается затормозить. Но я не суеверный, поэтому спокойно топаю дальше.

Мы выходим к зданию из красного кирпича. Несмотря на немалые размеры, выглядит оно компактным, будто игрушечным.

— Резиденция матриарха, — с явно уловимым отвращением произносит Орлина. — Твои покои тоже здесь. Помнишь, где именно они находятся?

Отрицательно качаю головой. Не знаю, что её не устраивает в этом домище. Смотрится он вполне достойно.

Мать ведёт меня к одному из входов. Внутри прохладно и тихо, лишь откуда-то слышатся негромкие голоса и смех. Проходим по полутёмному коридору и оказываемся в кладовой. Стоит нам туда войти, под потолком вспыхивает яркий свет, заливая полки и стеллажи, заваленные всяческим разнокалиберным добром. Надеюсь, Орлина знает, где тут что лежит. Иначе Капец меня до вечера не дожждётся.

Но моим надеждам выбесить дорогого учителя не суждено сбыться: мать шагает к дальнему углу и деловито роется в одном из стоящих там ларей.

Первым делом извлекает нечто, по форме напоминающее ключ, к которому верёвочкой привязана металлическая пластина. Это что, настоящее огниво?

— Разберёшься, как этим пользоваться? — с сомнением произносит женщина. — У нас его теперь редко применяют.

— Разберусь, — киваю, задумчиво глядя на малознакомый девайс. И всё равно он для меня куда привычнее местной ворожбы.

Орлина тем временем стремительно направляется к одной из полок. Хватает там что-то и передаёт мне. Это нож с круглой деревянной рукоятью, отполированной частым использованием. Извлекаю клинок из потёртых кожаных ножен. Новым он не выглядит, но состояние отличное. То, что надо!

Женщина, однако, на этом не останавливается. Откуда-то добывает скатанное в толстый рулон покрывало и небольшой уродливый мешок с тонкими лямками. Затем принимается забрасывать в этот рюкзак курильщика какие-то свёртки и банки, чрезвычайно напоминающие консервные.

— Капец говорил, что еда и кров там есть, — нерешительно протестую я. Но Орлина непреклонна.

— Знаю я эти ваши «всё есть»! — возмущается она. — Этому троллю и на голой земле комфортно будет. И раз в день воробьём пообедать. А ты мальчик нежный, домашний. Ещё заболеешь с непривычки.

— Понял-понял, мамочка, ерунду сморозил, — против воли улыбаюсь я. Будто в далёком детстве оказался, честное слово. — Ты только сильно не перегружай, а то моя нежная спинка надорвётся.

Женщина ахает и вынимает из переполненного мешка две банки. Подумав мгновение, возвращает одну из них обратно. Затем торжественно затягивает завязки и вручает сумку мне.

— Своя ноша не тянет, — наставительно произносит она. — Потом мне спасибо скажешь.

Ну, это вряд ли, так что благодарю прямо здесь. Больше тут не задерживаемся, тем более, что учитель встречает нас за порогом. Орлина сдержанно улыбается, кладёт руку мне на плечо и торжественно произносит, глядя мне прямо в глаза:

— Да не посрамишь ты в бою память предков.

Так. Ни о каких боях речи не было! Мы ведь учиться собираемся, разве нет? Или это ритуальное прощание такое?

— Ты тоже, того... Не посрами, в общем, — неловко произношу я.

В ответ Орлина церемонно кланяется, прижимая ладонь к верхней части груди.

— Ты можешь повернуться ко мне спиной, — торжественно объявляет она, как будто это не само собой разумеется. Кланяюсь в ответ, слегка переживая, что делаю что-то неправильно. Надо будет потом хоть немного в здешних приличиях разобраться.

— И долго вы тут церемонии разводить собрались?! — вмешивается в нашу семейную идиллию громкий голос тролля. — Двигай, салага, нас ждут великие дела. Ну или как получится.

Последняя фраза настораживает, но делать нечего, иду. Оказывается, тут недалеко: прямо за углом здания, на стене, обнаруживается странное устройство. Оно представляет собой круглую кнопку, тускло мерцающую голубым. Если не ошибаюсь, на стене лазарета такая тоже имелась, но спрашивать о её назначении мне всё время было недосуг. Ну и жизнь у бедолаги Максина была — сплошные разборки. А теперь она моя. И разборки мои тоже Эх. Не так я представлял себе счастливую старость, не так.

Не подозревающий о моих переживаниях тролль толстым пальцем нажимает кнопку. Перед его глазами тут же появляется голубой экран с какими-то точками. Учитель тыкает в одну из них, и тут же прямо на замощёной поверхности появляется светящийся круг.

— Недоростки вперёд, — командует этот чудо-педагог, кивая на своё магическое поделие и требовательно глядя на меня. Я что, должен туда встать? Ага, как только, так сразу. — Мне тебя за шкуру туда закинуть? А ну живо в портал, неслух!

Перед глазами тут же появилась картина запихивания меня в этот самый портал. Мда, жалкое будет зрелище. Такого удовольствия этому поганцу я не доставлю.

Гордо подняв голову, вступаю в магический круг. Будь что будет.

И тут же, внезапно и без всякого предупреждения, оказываюсь посреди леса.

Стою на круглой поляне, со всех сторон окружённой деревьями. Некоторые из них вздымаются на огромную высоту и там переплетаются ветвями, закрывая небо. Они мне абсолютно незнакомы — что формой, что цветом коры и кроны. Впрочем, в ботанике я никогда силён не был, так что в моём мире, вполне возможно, такие деревья тоже бывают.

— Отожми стопор, затупок, — ворчит учитель за моей спиной. — Весь путь перегородил.

— Не трамвай, объедешь, — бурчу в ответ я. Может, для него я и выгляжу сейчас, как провинциал в метро, но пусть привыкает. Ведь для меня это не просто новое место, а удивительный новый мир. Сразу к такому не приспособишься, а притворяться бывалым, чтобы его не раздражать, я не собираюсь.

Тем не менее, отступаю в сторону. Учитель удовлетворённо хмыкает и с ленцой проходит вперёд. На полушаге останавливается и вручает мне ромбовидный оранжевый кристалл, будто подсвеченный изнутри.

— Держи крепче, — угрожающе произносит он. — Выбросишь или потеряешь — пеняй на себя.

Подумать только, какая ценность! Рассматриваю презент. Ни один знакомый минерал этот кристалл не напоминает. Скорее он выглядит как нечто искусственное, вроде твёрдого куска пластмассы, отлитого в соответствующую форму.

— Знаешь, почему мы здесь? — учитель выходит на середину поляны и поворачивается ко мне. Внезапно он напоминает престарелого лицедея, в последний раз вышедшего на сцену.

— Понятия не имею, — отвечаю как можно более равнодушно. Слова Орлины о предстоящем бое почему-то встревоженным роем кружатся в голове. Хотя с чего бы. Ну не может же учитель притащить неподготовленного новичка в опасное место! Или может?..

— На это есть две причины, — Капец сцепляет ладони за спиной и медленно прохаживается туда-сюда, как лектор в аудитории. А что — трава тут короткая,

притоптанная, ходи не хочу. — Во-первых, здесь находится белая зона третьего уровня. Помнишь, что это такое?

Отрицательно мотаю головой.

— Место, где связь с Источником Бездны нарушена, поэтому маг не может использовать свои силы в полной мере, — охотно объясняет тролль. — А третий уровень означает, что здесь ты сможешь воспользоваться не более чем четвертью того, на что теоретически способен. Это пока нужно, чтобы ты случайно не навредил себе.

Киваю, принимая объяснение. Действительно, судя по тому, как я обращаюсь с силами этого Источника, искусственное ограничение мне не повредит.

— Можно использовать и другие способы подавления, — продолжает Капец, — но поскольку канал связи открылся недавно, лучше не рисковать.

Киваю снова. Ну да, навредить точно не хотелось бы.

— Вторая причина состоит в том, — ухмыляется тролль, — что есть не так уж много способов заставить такого лодыря как ты выложиться на полную. Сейчас я использую один из них. Слышишь?

— Нет, — напряжённо прислушиваюсь я. И тут же улавливаю далёкий треск и топот. Кажется, будто кто-то или что-то торопливо ломится через чашу. Не убегает, нет. Наоборот — становится ближе и ближе. Поворачиваюсь на звук, машинально отступая при этом к учителю — резко и язвительному, но хотя бы предсказуемому.

Кажется, про драку Орлина не соврала.

— Ну и методы у тебя, Макаренко, — усмехаюсь я, чтобы случайно не показать страха.

Ответа нет.

Резко оборачиваюсь — на том месте, где только что стоял Капец, пусто. Никогда такого не было, и вот опять. А у меня только оранжевый кристалл непонятого назначения, ножик в рюкзаке и остатки недомагии, которой я умею пользоваться от слова ни хрена. Прелестно.

Видать, самое время рвать когти...

Но из леса уже вышагивает первый противник!

Стоп! Чего?

Такое вообще возможно?!

Глава 8

Пьяный мастер

Из чащи выходит человек, в котором я с неприятным удивлением узнаю себя нынешнего. Не по лицу даже — к новой внешности я до сих пор так толком и не привык. А по одежде, в которую собственноручно одевался каких-то пару часов назад.

Пришелец видит меня и останавливается. Его — моя! — смазливая физиономия каменеет, а в глазах разгорается зеленоватое свечение.

Ну вот и галлюцинации подъехали, откуда не ждали. Видно, недавняя смерть всё же не осталась без последствий...

Галлюцинация не спеша поднимает вверх правую руку, а затем картинно указывает на меня. Притихший было лес мгновенно оживает, и на поляну начинают выпрыгивать пушистые мячики, в которых я с трудом признаю... кроликов?! Не совсем. Неведомые зверушки на них действительно похожи и по виду, и по размеру, вот только во лбу у каждого из них торчит самый настоящий рог. На кончике которого ритмично пульсирует огонёк.

Животные собираются вокруг лесного пришельца в плотное кольцо. Почему-то кажется, что он вот-вот запоёт, как принцесса в одном из мультфильмов, которые в детстве обожал сын. Но вместо этого моя копия всё так же картинно щёлкает пальцами.

И пушистое стадо, пылая рогами, бросается на меня.

Казалось бы, что могут сделать безобидные зверушки, ещё и в несколько раз меньше меня? Судя по их количеству и агрессивному настрою — как минимум, затоптать.

Мысль использовать для самозащиты рюкзак отметаю сразу. Он у меня, конечно, тяжёлый, но и неповоротливый — тоже. Да и слишком маленький — радиус поражения так себе, придётся подпускать всю эту оголтелую братию вплотную. Про нож я молчу тем более: с моими навыками им только с колбаской сражаться.

Быстро озираюсь по сторонам — вон она, подходящая жердь, под деревьями! Прямая, довольно длинная и толстая ветка, больше похожая на сломанный ствол молодого деревца. Надеюсь, не гнилая. Бросаюсь туда. Далековато! Зловещие кролики топчут следом, буквально дышат в спину. На бегу снимаю неудобный рюкзак и, оказавшись рядом с потенциальным оружием, швыряю поклажу на землю. И мне мешать не будет, и звери не затопчут. По крайней мере, хочется в это верить. Кристалл бросаю рядом с рюкзаком — если помру, всё равно не пригодится.

Хватаю ветку и со всех сил дёргаю, планируя тут же развернуться и разметать кроличью банду круговым ударом. Не тут-то было! Застряло! Дёргаю снова — вроде поддаётся. Но извлекать её уже некогда: на меня набегают, лязгая клыками, первые зверюги. Вблизи такими уж похожими на кроликов они не кажутся — сверкающие рога эти, зубы — жуть!

Не выпуская палку из рук, встречаю нападающих пинками. Бах! Будто по наполненной грелке попал! Отфутболенный зверь пронзительно взвизгивает — и разлетается прозрачными брызгами, словно мыльный пузырь. На мгновение меня окутывает облаком быстро исчезающей взвеси, а в нос ударяет печально знакомый запах.

Это что, спирт?!

Отпинаваю ещё парочку кроликов с тем же эффектом. Градус неадекватности и спирта вокруг меня растёт. Стараюсь не дышать и шурюсь, благо испаряется жидкость почти сразу.

Наконец выдираю упрямую палку и душевно прохожусь ею по вовремя подоспевшей

толпе животных. Тех, кто оказывается под ударом, натурально разрывает. Спиртище аэрозольным облаком окутывает окружающее пространство, верещащих «заек» и меня за компанию.

Да так крепко, что глаза приходится зажмурить, а неистово щиплющий нос прижать к плечу, чтобы хоть как-то защитить от распылённой в воздухе отравы! Кружусь с верной палкой по вытоптанной траве почти вслепую, да ещё изогнувшись так, будто шею продуло.

И конечно, хитрым кроликам только того и надо! Удар прилетает в спину, вокруг распухает очередное спиртовое облако. Которое становится для меня последней каплей. Если так можно выразиться, конечно.

Бесят! Как же бесят!

Рычу поддатым медведем и бросаюсь на клятых зверушек с утроенной силой. Даже на кружащую в воздухе спиртовую взвесь плевать! Палка мелькает в воздухе с бешеной скоростью, а под ней превращаются в алкогольный пар агрессивные кролики.

Их много, очень много.

А потом — сразу и вдруг — они заканчиваются. На меня мгновенно наваливается пьяная усталость. Вот уж не думал, что когда-нибудь снова её почувствую. Со злостью смотрю на по-прежнему торчащего у кромки леса двойника. Он усмехается в ответ — и материализует в руке длинный блестящий меч!

Да что за мистическая хрень тут происходит?!

Не помню, чтобы я на такое подписывался!

Двойник, сверкая зелёными глазищами, чешет с мечом наперевес прямо ко мне. В рыцари посвятить хочет, не иначе.

— Я не рыцарь, — объясняю ему. — Я маг.

И поднимаю свою верную палку на манер биты. Палка против меча — великолепно. Маг без магии — ещё лучше. Надеюсь, Капец, тебе там икается.

Первым нападать не собираюсь: слишком я стар для подобного. Пусть те, кто мечтает меня пришить, сами приходят. Хоть лесной двойник, хоть Николаич, хоть сам Сердий в придачу. Главное, по одному подходите — всех отоварю.

Приближающийся двойник немилосердно двоится в глазах. Медленно и как-то лениво взмахивает мечом. Успеваю пригнуться, избегая удара. И тут же отталкиваюсь от земли и бросаюсь вперёд, метя нападающему острым концом палки в живот. И даже попадаю — она свободно прошивает его насквозь, совсем не встречая сопротивления. Будто передо мной не живое существо, а призрак. Лечу вслед за своим могучим оружием и впечатываюсь в недоделанное «привидение», которое почему-то в этот раз оказывается вполне материальным.

Меч отлетает в сторону, а в моих объятиях вместо агрессивной копии — обнажённая красотка. Не понял... А где двойник? Свалил в ужасе? Или это он в девку превратился? Вот на такое я точно не подписывался!

Девушка хихикает, сверкая зелёными глазищами. Встаёт на цыпочки и звонко чмокает меня прямо в губы. А потом рассыпается жгучими каплями крепкого алкоголя.

Скрыться от них даже не пытаюсь — и надышался уже, и мокрый по уши. Оглядываюсь по сторонам. Кажется, это невероятное сражение завершилось в мою пользу.

Замечаю неподалёку брошенный рюкзак. Покачиваясь, подхожу к нему, наклоняюсь, чтобы поднять. И — практически валяюсь рядом. Ничего, мне просто надо немного отдохнуть.

Кое-как принимаю полусидячее положение, опираясь спиной на ствол одного из деревьев. Притягиваю рюкзак поближе: не дело это, бросать еду без присмотра. Кто его знает, когда Капец надумает вернуться.

Наконец смыкаю тяжелеющие веки. И почти сразу слышу грузные и при этом нарочито осторожные шаги.

— Кто идёт? — рявкаю не в меру бодрым голосом. — Стоять-бояться!

— Ишь ты, — тянет Капец. — Думал, ты сдох уже.

— Не дождётесь! — чеканю по слогам, с трудом фокусируя взгляд на фигуре учителя. —

Двум смертям не бывать.

В ответ на это заявление тролль усмехается:

— Планируешь жить вечно, сопляк?

— От сопляка слышу! — с пьяным негодованием выверяюсь я. — Ещё постарше всяких троллей буду.

Капец приближается, пылливо меня разглядывая, и вдруг принюхивается.

— Это что ещё такое? — так растерялся, будто впервые в жизни унюхал! — Похоже на...

— Спирт, ага, — ухмыляюсь, уже позабыв о недавней злости. — Хорошие у вас тут зверушки, крепкие. И развлечения интересные.

— Я думал, из них кислота брызгала, — оторопело тянет Капец. От его слов мне почему-то становится дико смешно. Кислота, конечно, другое дело, куда полезнее какого-то спирта.

Выражение лица учителя достойно увековечивания на фото. Интересно, у них тут фотография в принципе практикуется? Ух, кажется, вслух спросил...

— Так ты просто пьяный? — доходит наконец до этого умника. — Да как такое может быть...

— Как-как, — веселюсь над его непонятливостью. — Каком кверху!

— Нет-нет, — мотает башкой Капец. — Быть не может. Местная аномалия должна была материализовать твои давние страхи, а не показывать новые.

— Не боюсь я этой дряни, — бурчу сердито. — У меня всё под контролем...

— Погоди, — Капец рывком поднимает меня на ноги и прислоняет к дереву. Подхватывает рюкзак, потом меня — и куда-то ведёт.

— Нет, это ты погоди! — вырываюсь из крепкой хватки и возвращаюсь на место своей кратковременной стоянки. — Сказал, его беречь надо, а сам чего?

Быстро нахожу валяющийся на земле кристалл и вручаю учителю. Тот секунду его рассматривает — и зашвыривает вглубь леса.

У меня от такой наглости даже слов нет, остаётся только вопросительное мычание. Я это барахло охранял, практически жизнью жертвовал, а можно было просто выбросить?

— Твёрдый эфир привлекает магические аномалии, — непонятно объясняет он. — Особенно если находится в руках сильного проводника.

Да нет, всё как раз понятно! Ведь тот самый «проводник» — это я! А эта сволочь просто меня обманул — заставил приманить аномалию и смотрел, как я с ней бодаюсь.

— Зачем? — только и спрашиваю я, чувствуя, как злость медленно, но верно рассеивает алкогольный туман в моей голове. Метаболизм в этом мире определённо работает куда лучше, чем в прежнем.

— Нужно было из тебя вытащить и проработать твои слабости, — слегка

обескураженно произносит Капец. — Сначала ты должен был столкнуться с ними сам, облажаться, а затем подключился бы я. Но ты справился с ними самостоятельно.

— Надеюсь, мне это зачтётся, — произношу недовольно. Спиртовые пары практически выветрились, так что я достаточно вежлив. — Не люблю, когда что-то делают втёмную, даже для моего блага. Давай, ты больше так не будешь делать? Скажи лучше, куда ты собирался меня отвести. Если там есть вода, то я не то что пойду — побегу.

Тролль покладисто кивает и с умным видом топаёт к краю поляны. Я иду следом, рассматривая непривычную для иномирца флору. Впрочем, ничего чудесного в ней нет: деревья как деревья, трава как трава. Просто незнакомые — никаких тебе одуванчиков или берёзок.

Окружающие поляну заросли кажутся монолитными только на первый взгляд. Но вот Капец со знанием дела отодвигает корявые ветки, и за ними тут же открывается тропа.

По кивку учителя выхожу на неё первым. Дорога оказывается недлинной и приводит нас к охотничьему домику. Почему я решил, что он охотничий? Ну а для чего ещё нужно небольшое жилище посреди леса?!

Стоит нам подойти к двери, как она бесшумно открывается. Будто бы нас сюда приглашают. Но против ожидания в доме никого нет. Тихо и чисто, как в музее.

Конечно, если сравнивать с кабинетом Сердия, обстановка внутри совсем простая, вроде как деревенская. Но удобства — не хуже, чем были в лазарете. Это я оценил, пока умывался и приводил себя в порядок. За это время гадкий хмель выветрился из организма окончательно, оставив после себя только полное непонимание, что за ерунда со мной приключилась. Взрывающиеся кролики, сражение с самим собой, девчонка ещё...

Нет, вся эта магия-шмагия точно не для меня. Слишком уж я стар для подобных развлечений.

И вообще. Я точно попал, куда надо? Всегда считал, что в какой-то момент жизнь просто заканчивается. Раз — и всё. Крышка. Чернота, пустота. Ничто. В принципе, ничего плохого в этом не видел. «После смерти отдохну», — такое решение я принял после того, как придумал способ добраться до Николаича и ему подобных.

А теперь что же получается — вместо заслуженного отдыха я должен проживать заново чужую жизнь? Ну какой из меня, прости Ломоносов, богатенький наследник? Ещё и маг до кучи.

Да я вообще в эту дребедень не верю.

Но ведь припадут меня как миленького, — отчётливо понимаю я, пока вытираю мокрую физиономию пушистым полотенцем. Вон, как Орлина обрадовалась, что у сыночка наконец-то магия проклюнулась. И Сердий, кажется, тоже доволен. Заботливый папаша, чтоб его...

Некстати вспоминаю мелкого шкета с расквашенным носом и его верещащую мамашу.

Чую, вляпают эти странные люди меня в свои семейные разборки по самое не балуй. Оно мне надо? Вряд ли.

Решительно выхожу из умывальни в общую комнату. Капец сидит за столом, задумчиво попивая из высокого стакана какую-то подозрительную синюю жидкость. Ещё один такой же стакан стоит на свободном месте, которое, видимо, предназначено мне.

— Садись, — кивает мне тролль.

Подхожу к столу, беру стакан в руки и принохиваюсь. Пахнет напиток незнакомо, но довольно приятно. Ого, там даже лёд есть?!

— Откуда здесь это? — спрашиваю подозрительно. — У вас что, даже морозилки имеются?

Капец равнодушно пожимает плечами:

— Никогда про них не слышал. Просто связь с резиденцией через пространственный туннель. Обычное дело.

— Это для тебя обычное, — всё-таки присаживаюсь на предложенное место и недоверчиво отхлёбываю из стакана. Слишком сладко, пожалуй, но пойдёт.

Теперь пришло время кое-что выяснить, так что закидываю «удочку» на пробу:

— Мне кажется, что я вообще не из этого мира.

Капец реагирует совсем не так, как я ожидаю. Он не смеётся, не возмущается, не пытается переубедить. Просто утвердительно качает головой:

— Такое вполне возможно, учитывая твои обстоятельства.

— И это всё, что можешь сказать?! — поражаюсь я. — Ничего, что я, может, вообще другой человек? Не Максин, в смысле. Я ведь ничего из его жизни не помню!

Учитель задумчиво почёсывает изуродованную шрамом щёку:

— Древние считали, что великие души отражаются во многих мирах. И когда эти отражения сливаются воедино, это меняет судьбы мира. Святоши говорят, сам Эолос Разрушитель тоже часто вспоминал свою прежнюю жизнь.

Меняет судьбу мира, значит? Это вряд ли. Я ведь самый обычный человек, хоть кое-кто раньше и считал меня злодеем. А в этом мире я подавно ничего не смыслю. Ясно только одно: байками из прошлой скорбной жизни я тут никого не удивлю.

Пока не знаю, хорошо это или плохо.

— Впрочем, — продолжает не ведающий о моих размышлениях Капец, — на моей памяти чаще всего эти отражения пропадали впустую. Так что не думай, что ты какой-то особенный или избранный.

— Даже не думал, — уверяю тролля с нескрываемым облегчением. К счастью, никто не станет ждать от меня выдающихся свершений. Мне бы в собственной жизни разобраться, пусть этот мир позаботится о себе сам.

Капец угукает, принимая к сведению. Допивает содержимое стакана и то ли спрашивает, то ли утверждает:

— Так значит, ты сумел подключиться к Источнику Бездны. И должен был ощутить изменения.

Прислушиваюсь к себе — никаких изменений не ощущаю. Никакого дополнительного органа чувств у меня тоже не выросло. Разве что пообедать уже хочется. Не пора ли?

— А если не ощутил? — хмурюсь я.

— Тогда одно из двух, — загибает толстые пальцы Капец. — Либо произошедшее было чистой случайностью, и мы тут сейчас теряем время. Либо твои теу-каналы что-то блокирует. В этом случае придётся разобраться и устранять причины. В твоих интересах, чтобы правдой было второе.

— Почему? — наивно спрашиваю я. — Сердий рассердится?

Капец кровожадно ухмыляется:

— Знаешь, почему наследником Иерарха стал Игор, а не ты?

— Потому что у меня не было способностей?

— Отчасти, — соглашается учитель. — Но эта причина — так, семечки. В конце концов, твой отец не собирается складывать полномочия ещё минимум лет сто. Мало ли что

за это время может измениться. Спешить необходимости не было.

Понять, что это его «лет сто» вовсе не является фигурой речи, стоит мне некоторого усилия. Хотя, если вспомнить, сколько в этом мире живут... Вот это я понимаю, долгосрочное планирование!

— Дело в том, что твоя семья никогда не обладала ни большим могуществом, ни влиянием внутри клана, — продолжает Капец. — Но прежний Иерарх рассудил, что Сердий — подходящая кандидатура, чтобы унаследовать его обязанности. Другие семьи со скрипом согласились на это, надеясь быстро сместить выскочку. Но у них ничего не получилось.

Усмехаюсь при мысли, что кто-то всерьёз рассчитывал пободаться с папашей Максина:

— Кажется, это мало кому понравилось.

— Да, ведь законный наследник у Иерарха уже был. Твоему отцу пришлось жениться, чтобы заручиться поддержкой не менее могущественного клана, — Капец встаёт и убирает пустой стакан в шкаф, довольно сильно напоминающий холодильник. Разве что сделан из дерева. — Совет Иерархов и лично кайзер его поддержали. По своим соображениям, конечно. А теперь из-за твоего изъяна другие семьи сумели протолкнуть нужного наследника. Восстановили справедливость.

— Так Игорь мне вообще родственник или как?

Тролль возвращается за стол. Шевелит губами, что-то подсчитывая.

— Дальний, — наконец подводит итог вычислений. — Сердий взял его мать второй женой, когда Игору исполнилось десять и стало понятно, что пацан гений.

Ха! Ну и сопливые тут у них гении... Интересно, что по этому поводу сказал папаша малолетки.

— Важно другое, — прищуривается Капец, — О твоём прикосновении к Источнику теперь известно многим. Ты становишься опасным конкурентом. Думаешь, кто-то из тех, кто успел почувствовать в своих руках власть, теперь захочет оставить тебя в живых?

Задумчиво чешу непривычно лохматую макушку. Ну да, вряд ли кому-то из этой кодлы я нужен живым и здоровым. Максина не трогали, потому что не представлял опасности. Теперь же всё по-другому.

— В этой борьбе Иерарх почему-то решил поставить на тебя, — безжалостно припечатывает Капец. — Странный выбор, конечно. Но я сделаю всё, чтобы ты поскорее вошёл в силу.

Стоит ему закончить, как домик, в котором мы находимся, ощутимо встряхивает. Раз, второй, третий.

А потом мы, не вставая со стульев, вместе с несчастным строением ухаем вниз — словно проваливаемся в подземелье.

Глава 9

Самое днище

Тотошкой в летающем домике чувствую себя недолго: мы почти сразу приземляемся. На удивление мягко: ни крыша, ни стены совсем не пострадали, только окна побило, пол кое-где вспучило, да мебель по углам раскидало. Только плохо закреплённый высокий стеллаж развалился на составные части.

Мы с троллем в полном порядке — даже на стульях сидим по-прежнему, только в разных точках комнаты. Разве так может быть после падения? Словно что-то спружинило, когда домик рухнул.

Поднимаюсь с места. Ноги вроде бы держат.

— Что за...

Капец не даёт сформулировать вопрос как следует. Сходу выдаёт непонятное, непривычно бурно жестикулируя:

— Червоточина! Мы угодили на нижний уровень донжона!

— Не хватает ещё крика «Мы все умрём!» — насмешливо подсказываю перевозбуждённому троллю. — Объясни толком, что сейчас случилось.

Капец мгновенно успокаивается и тяжело вздыхает:

— Совсем забыл, что ты беспамятный. Думал, впечатлишься... Ладно. Червоточина — место, где Бездна проникает в нашу реальность. А донжон — что-то вроде башни или бастиона, возникающего в точке вторжения. Отсюда выходят твари Бездны и изливается чистая изначальная мана, которая загрязняет окружающую среду и неизбежно приводит к экологической катастрофе. Так понятнее?

— Экологическая катастрофа? — хмурюсь. — Вы и такие слова тут знаете... И чем это нам с тобой угрожает? Так-то ясно, что ничего хорошего ждать не приходится. Конкретику давай.

Капец задумчиво чешет коротко стриженный затылок:

— Ну так твари Бездны же. Не догадываешься что ль?

— И кто этого загадочника учителем назначил, — сердито бормочу, подходя к разбитому окошку. — Каждое слово клещами вытягивать приходится...

За окном подозрительно темно, но стоит мне выглянуть наружу, как подземелье заливают яркий свет.

А иначе чем подземельем это место не назовёшь: каменные стены, пронизанные жилами неизвестных горных пород и украшенные россыпью сверкающих кристаллов, свисающие сверху сталактиты и вздымающиеся до самых сводов каменные колонны. И как минимум два выхода, ведущие куда-то в темноту.

— Ну и как нам отсюда выбраться? — не вполне уверенно спрашиваю я. К такому приключению жизнь меня не готовила. Я в прошлой жизни и в пещере-то ни разу не был.

— Известно, как, — умничает по обыкновению Капец. Мне, мол, известно, один ты, дурень, не в курсе. — Находим нужный коридор, побеждаем привратника и выходим. Вряд ли мы ниже минус первого этажа провалились.

Я вкрадчиво интересуюсь:

— Чем же мы его будем побеждать? Оружие у тебя есть?

Капец смотрит на меня, как на ненормального:

— Шутить? Магия тебе на что?!

— Мы с тобой вроде как учиться сюда пришли, — напоминаю со смутной тревогой. — Ты ведь знаешь, что вся эта магия для меня как китайская грамота?

Вру, конечно. Китайский язык я в своё время выучил — договариваться с поставщиками напрямую всяко лучше, чем через переводчика. Так что в грамоте Поднебесной я худо-бедно разбираюсь. Чего совсем не скажешь о всяком волшебстве.

— Китайская... что? — удивлённо таращится Капец. Будто забыл, что сам пять минут назад толковал об отражении душ и других мирах. И моё иномирное происхождение стало для него большим сюрпризом.

— Что хоть мне надо делать, чтобы подключиться к источнику? — слегка раздражаюсь я. — Махать руками, кричать «ахалай-махалай»?

Капец задумчиво трёт щетину на подбородке:

— По большей части достаточно твоего желания стать сильнее и физической возможности быть проводником для этой силы. А дальше всё зависит от твоей фантазии.

— Это какая-то лютая ненаучная дичь, — возмущаюсь уже по-настоящему. — Где методика, где чёткие алгоритмы? Ты учитель или кто?

Теперь сердится и тролль:

— Если учитель, то всё за тебя делать должен? Губа не дура, неуч! Только ты пока рожей не вышел. Найди хотя бы в себе точку связи с Источником, а после поговорим!

— А если не найду — прикажешь в этой халупе до старости заседать?! — практически ору я. — Может, сперва выберемся, а упражняться потом будем?

Капец резко вдыхает, чтоб сказать мне пару ласковых, но внезапно успокаивается.

— Всю жизнь тут сидеть точно не придётся, — обнадеживающе улыбается он. На располосованной шрамом роже в комплекте с острыми клыками смотрится жутко. — Через месяц-другой наше исчезновение заметят, в течение недели после этого Иерарх отправит кого-нибудь на поиски. Возможно, эти кто-то смогут проникнуть в донжон...

Ну нет! Месяц-другой, да ещё в такой компании, я тут сидеть не намерен! И воробьями питаться, как грозилась Орлина, — тоже не хочу!

Нахожу свой рюкзак, забрасываю за спину. Всё-таки не зря собирал. Как знал, что пригодится! Выламываю из остатков стеллажа длинную металлическую стойку. Легковата, конечно, но за неимением лучшего пойдёт.

Поворачиваюсь к учителю, который по-прежнему сидит на месте и ехидно таращится на меня. Будто и правда зазимовать решил.

— Я иду искать выход, — сообщаю безмолвному троллю. — Ты со мной или как?

Капец страдальчески морщится, но, кряхтя, всё же поднимается на ноги.

— Вот же молодёжь пошла... — бубнит он как столетний дед. — Никакого покоя... Всё им спокойно не сидится, охламонам...

— Вот вернёмся, тогда и посидишь, — щедро обещаю. — Я даже сам тебя посадить помогу, будь спокоен. Ты, главное, до тех пор доживи.

Троль фыркает, будто понимает мой подкол. Но слова говорят об обратном:

— Нечего меня сажать, я и сам прекрасно справлюсь... Ладно уж, выход так выход. Без меня сгинешь ведь, недотёпа. Идём.

Дверь избушки, видимо, заклинило при ударе о землю. Настолько, что приходится выбивать. Получается с трудом, но в конце концов мы успешно протискиваемся через узкий лаз на свободу. Стоит нам это сделать, как казавшаяся нерушимой крыша с грохотом

проваливается вниз, словно то, на чём она до сих пор держалась, внезапно исчезло.

— Остаться тут, да? — зловеще спрашиваю присмирившего ждуна. — Через два месяца Иерарх как раз наши кости откопал бы.

Опираюсь на своё ненадёжное оружие и осматриваюсь вокруг. Ничего особенного: я всё это уже через окно видел. Единственное отличие — четыре зияющих выхода, а не два, как я углядел изначально. Ну и куда, скажите на милость, идти?

Может, проще выбраться через верх?

Задираю голову, а там — просто пещерный свод. Дыры, через которую мы провалились, нет в помине. Странно.

— Попробуй почувствовать нужный путь с помощью энергии Источника, — наставительно бубнит позади Капец. — Слушай своё тело, оно не обманет.

— Ага, а сердце не предаст, — задумчиво поддакиваю я. — А бог не выдаст, свинья не съест... Сейчас разберёмся.

Шустро сбрасываю рюкзак и роюсь там совсем недолго. Вот оно, драгоценное огниво! Быстро настрugiваю ножом кучку щепок, благо, сухой древесины на развалинах в избытке. Энергично высекаю искры. Приходится приноровиться — ведь я никогда этого не делал. Но всё получается, и уже через несколько минут в пещере вьётся тонкая струйка дыма. Мне кажется, или она склоняется в сторону одного из выходов?

Что, так просто? Видать, талант у меня к выживанию, ха!

Капец всё это время помалкивает и с любопытством наблюдает за моими манипуляциями. А я поджигаю длинную тонкую щепу, чтобы проверить своё предположение, и подхожу к подозрительному лазу. Слегка беспокоюсь, что пламя собьётся и деревяшка затлеет. Напрасно: щепка горит ровно, будто самая настоящая спичка. Из какой же горючей дряни тут дома строят! Жуть!

Но мне пожароопасные свойства местных предметов только на руку. Поднимаю щепку повыше — тяга такая, что мама не горюй! Лишь бы к какой-нибудь непролазной дыре не вывело. Но других вариантов всё равно нет.

— Свет в этом донжоне везде зажигают? — деловито уточняю у по-прежнему молчаливого тролля. — Нам факелы всякие не нужны?

Тот согласно угукает. Ну, хоть с чем-то повезло. Делаю шаг внутрь коридора, и там сразу же становится светло. Отступаю назад — темнеет. Ого, до чего тут техника дошла!

Возвращаюсь за брошенным рюкзаком и металлической палкой.

— Идём? Или тут останешься? — спрашиваю учителя. Не всерьёз, а чисто из любопытства: если решит тут окопаться, пинками погоню. Не привык я людей на произвол судьбы бросать. Даже если они не люди вовсе, а самые настоящие тролли.

Капец, впрочем, задерживаться тут передумал. Он даже делает пару шагов в сторону выхода.

И тут пещера ощутимо вздрагивает. Потом ещё раз. И ещё.

Ничего хорошего это не предвещает!

Учитель, однако, остаётся абсолютно спокойным. Даже когда из дальнего тоннеля выкатывается... небольшой каменный «снеговичок». Куча камней, неким волшебным образом слепленная в подобие человеческой фигуры и парящая примерно на высоте человеческого роста. В том месте, где предположительно должна быть голова, парой газовых горелок пылают нечеловеческие глаза.

Скажем так, на завязатого добряка эта тварь ничуть не похожа.

— Каменный бес, — меланхолически чешет маковку Капец. — Эх, не везёт же нам...

Что-то для невезения слишком уж он спокоен! Может, и мне волноваться не следует?

Бирюзовые уголья бесовых глаз останавливаются на нас с учителем. Камни, составляющие тело существа, перещёлкиваются, меняясь местами.

А в следующий миг тварь бросается к нам!

Вряд ли, чтобы обнять и пожелать хорошего дня!

Мы с троллем, не сговариваясь, разбегаемся в стороны и прячемся за ближайшими колоннами. Моё так и не опробованное в бою оружие остаётся лежать у погасшего костра.

Потерявший добычу каменный бес крутится во все стороны там, где мы только что стояли.

Что, не заметил, куда мы делись? Да ты, парень, изрядно туповат, как я погляжу!

Выглядываю из-за своей колонны, Капец невдалеке делает то же самое. Хорошо, что бес пока нас не замечает. Надолго ли? А ведь я даже не представляю, как с ним справиться!

Может, ну его? Тут каменных наростов немеряно — прокрадёмся к выходу, только нас и видели.

Жестами показываю троллю свой план действий. В ответ он крутит башкой и разводит ручищами: не понимаю, мол. Показываю снова — опять не понимает. Начинаю показывать в третий раз...

— Да скажи ты уже нормально, мимик хренов! — громко ревёт Капец, руиня все мои усилия. Приунывший было каменный бес бодро вскидывается... и чешет от нас в другую сторону.

— Он что, глухой? — удивляюсь странному поведению.

Капец ухмыляется во все клычищи:

— Скорее, альтернативно слышащий. Проблемы с восприятием направления.

— Сразу сказать трудно было? — ворчу я. Честное слово, с такими учителями врагов не надо. И это лучший специалист, назначенный лично Иерархом! Понятно, почему все тут такие странные. — Давай сбежим! На кой нам эта каменюка? Выход совсем рядом!

— А давай по-другому? — хитро прищуривается Капец. — Ведь это уникальный шанс — заполучить одинокого каменного беса. Обычно они передвигаются группами по десять-двадцать особей, и сладить с ними не так-то просто. А тут сам Эолос велел потренироваться. Что скажешь?

Не разделяю энтузиазма:

— Скажу, что Эолос ваш мне вообще не указ!

Троль отечески мне улыбается — прямо чувствую себя дитя неразумным. А потом в его ладони появляется светящийся сгусток энергии.

Слышу, как где-то в стороне замирает каменный бес.

— Не вздумай! — предостерегаю, сообразив, что замыслил этот Капец. Разумеется, слушаться меня он не намерен! Радостно ржёт — и швыряет энергетический «снежок». Только не в беса, как я ожидаю, а в меня!

Инстинктивно укрываюсь за непошибаемой колонной. Шлёп! Как-то совсем несерьёзно!

Выглядываю из-за укрытия. На колонне распласталась слабо светящаяся серебристая клякса, в которой смутно угадывается учительский сгусток.

— Их привлекает магия, — со смехом поясняет Капец. — Теперь обнаружить твоё укрытие для него не проблема.

Ах ты подлец!

Характерный перестук камней раздаётся чуть ли не над ухом. На голову сыплется каменная крошка.

— Да ладно, — неверяще произношу, поднимая голову. И сталкиваюсь с неживым взглядом газово-горелочных глаз. Каменная фигура возвышается надо мной словно ещё одна колонна.

Немая сцена длится не дольше мига. А потом в меня выстреливает каменная картечь!

Почти успеваю подставить вместо лица руки. По крайней мере, глаза не вышибло — уже хорошо! Падаю на землю и кое-как откатываюсь с линии огня в сторону.

Не тут-то было!

Бесаячая каменюга, кажется, всерьёз мной заинтересована. Потому что летит следом, попутно обстреливая мою несчастную шкуру составными частями своего магического организма.

— Отлично! — подбадривает Капец. — Пусть всё в тебя расстреляет. Тут ему и конец!

Ага, как же! Таким макаром конец скорее ко мне придёт!

— Это единственный способ? — цежу сквозь зубы, чуть ли не на четвереньках перебегая в другое место. Всё тело превратилось в один большой синяк, но то ли на адреналине, то ли из-за каких-то Максиновых способностей пока чувствую себя терпимо.

— Можно ещё развеять ману, которая его наполняет, но вряд ли это у тебя получится.

В спину ударяет особенно здоровенный камень, по ощущениям чуть ли не пробивая её насквозь. Ну, хватит! Злобно рычу и разворачиваюсь к обидчику. Лучше лицом к лицу сдохну, чем снова стану убегать!

Бес счастливо гремит камнями и удваивает усилия по моему упокоению. Но это меня только раздражает. Я даже боли почти не чувствую — настолько зол.

Подскакиваю поближе и со всей дури бью по каменному тулову раскрытой ладонью.

— Сгинь, нечистая! — ору почему-то любимую присказку своей бабушки, которую не слышал с самого детства.

Экзорцизм срывает. Бес замирает на месте, его глаза-горелки вспыхивают сильнее, пламя разом охватывает «голову» целиком. Каменное тело вздрагивает и резко осыпается кучкой щебня вниз.

Тупо пялюсь на неё некоторое время, не в силах поверить, что всё закончилось. По коже до сих пор колотит фантомная картечь, а по виску стекает самая настоящая струйка крови.

— Что это было? — подаёт голос позабытый в пыли сражения тролль. — Как ты развеял ману?

— Как-как... — хрипло произношу я. — Каком кверху... Лучше ты мне скажи, что это было.

— Что именно? — бодренько уточняет Капец, подгребая ко мне поближе.

Зря он так. Бессмертный что ли?

Цепко хватаю недоучителя за ворот и как следует встряхиваю. Ещё раз. И ещё.

Он выше и крупнее меня, но сейчас мне плевать.

— Ты зачем, пёсий сын, меня подставил? Смерти моей хочешь?

На эту вспышку уходят оставшиеся силы, поэтому отцепить меня от ворота троллю не составляет труда.

— Почему сразу смерти? — обескураженно бубнит он. — Ничего бы с тобой не случилось. Обычная тренировка...

— Обычная? — снова ярюсь я. — А где инструктаж? Где отработка навыков? Бросил в воду — выплывай как знаешь? Да из тебя учитель, как из дерьма конфета!

Но Капец уже приходит в себя.

— Ишь, разорался, — ехидничает он. — Магии он учиться собрался. Ага, щас! Нос не дорос! Штанишки сперва поменяй, мамкин молокосос!

Наверное, на ком-то подобные подначки срабатывают. Но точно не в моём случае.

Хватит. С такими бесполезно разговаривать, а морду бить сил уже не осталось. Сплёвываю под ноги, подхватываю палку и направляюсь к выходу, уже не приглашая тролля в свою компанию. Надоел.

Но тут пещеру сотрясает новый удар, куда мощнее предыдущих. С трудом удерживаюсь на ногах, но, когда наконец выравниваюсь, не могу сдержать удивлённого возгласа. Со стороны дальних пещер, полыхая бирюзовыми глазищами, к нам движется целая толпа каменных бесов.

Какие там десять-двадцать! Их тут несколько сотен! Откуда только взялись... И ведь так просто не спрячешься! А ещё нет никаких гарантий, что они не попрут вслед за нами, если мы сейчас дружно побежим к выходу. Плюс неизвестно, кто поджидает нас дальше по коридору.

Что делать-то?

Быстро переглядываемся с учителем, временно позабыв о разногласиях.

— Ладно, возьму их на себя, — пафосно произносит Капец, зарождая в моей душе смутные подозрения. — Уходи один, Максин.

— Я Макс. И никуда я без тебя не уйду!

Капец морщится, словно я говорю совсем не то, на что он рассчитывал. Плевать! Не знаю, может, у них тут так принято, но мне такое скотство не по нраву! Или спасаемся вместе, или...

— Будь по-твоему, — фыркает тролль.

И грохает в землю сразу двумя кулаками! Из-под них в сторону бесьего воинства рвётся чёрный непроглядный дым, быстро заполняющий пещеру.

— Бежим! — ору я и срочно показываю пример. Потому что дым, оказывается, не на шутку едкий и слезоточивый!

Уже на пороге заветного коридора слышу сзади сдавленное ругательство. Это Капец упал и почему-то не может подняться! Не задумываясь, зашвыриваю палку и рюкзак подальше в коридор и, сдерживая дыхание, ныряю в дымное марево за троллем. Кое-как поднимаю, не обращая внимания на заковыристые ругательства, которыми меня награждает эта сволочь.

И как у него дышать-то получается...

Втаскиваю придурка в коридор. Он ещё и упирается! Бросаю его на землю. Сажусь рядом.

Всё.

Если ещё хоть немного пошевелюсь — точно сдохну.

— Я же сказал, что не смогу идти дальше... — умирающим лебедем шепчет Капец. Зато как до этого орал, и ничего! — Приведи подмогу...

И мешком валится на бок.

Глава 10

Мир сбывшейся мечты

— Хватит придуриваться! — возмущаюсь я. — У тебя ни одной раны нету, всё мне досталось!

Капец лежит молча, будто и правда вырубился. Делать нечего. Со стоном поднимаюсь на ноги и подползаю к неистощимому на подлости троллю. С трудом переворачиваю его на спину.

Надо же. И впрямь с ним что-то не то. Дыхание слабое, поверхностное. Рожа вся посерела, а шрам и вовсе побледнел. Плохо дело.

Капец приоткрывает один глаз и шепчет с трагическим надрывом:

— У меня теу-модули заблокированы... Ничего не могу поделать... Оставь меня здесь...

Усмехаюсь:

— Раз брехать можешь, значит, заживёт. Ну и ран нет, транспортировать можно. Тут я никого не оставлю. Даже тебя.

— Да как ты не понимаешь! — чуть оживает Капец. — Дальше опасно! Вместе не пройти!

— Так и скажи, что перетрусил, — с бодростью, которую совсем не чувствую, насмешничаю я. — А ещё учитель. А ещё Капец.

Тролль замолкает, сердито раздувая ноздри. А я мрачно прикидываю, как потащу этого бедолагу через заполненное монстрами подземелье. Но делать нечего: вместе сюда попали, вместе и выбираться будем.

— Давай отдохнём немного и дальше пойдём, — я оглядываюсь на до сих пор закрытый чёрным дымом вход в пещеру. — Кажется, тут мы пока в безопасности.

Капец отвечает на грани слышимости:

— Дым провисит там ещё несколько часов. Сюда не пойдёт, обещаю...

Последнее слово я почти угадываю — настолько тихо он его произносит. Ну нет, так дело не пойдёт!

С головой зарываюсь в рюкзак, перебирая содержимое. Так, запаянные банки с какой-то едой — в неприкосновенный запас. Мало ли как долго мы тут ещё блуждать будем. Зато свёртки, заботливо уложенные Орлиной, выглядят многообещающе.

Чуйка не обманывает: в одном я нахожу длинные тонкие колбаски — судя по виду из запаха — вяленые. В другом — тонкие пластины то ли сушёного хлеба, то ли хлебцев. А ещё обнаруживаю до краёв заполненную флягу — и когда только мать успела её туда положить?! Но, стоит признать, подход к сборам у неё толковый...

Жаль только, что во фляжке не просто вода, а что-то вроде вина. С другой стороны, от пары глотков нам вряд ли что-то будет.

Помогаю учителю принять сидячее положение и всовываю в руки фляжку.

— Только немного, — предупреждаю его. — Нам ещё неизвестно сколько топать.

Капец отпивает и закашливается.

— Что за дрянь крепкая?! — бодро возмущается он. — Чуть глотку не сжёт!

Торжественно вручаю ему колбаски с хлебцами. Неблагодарный Капец тут же молча принимается ими хрустеть. А я отпиваю из фляжки. Подумаешь, вино как вино. Ничего особенного.

— Зато вон как освежает, — усмехаюсь, в свою очередь принимаясь за нехитрый перекус. — Глоток выпил — и вперёд, к выходу.

— Много ты понимаешь, — страдальчески морщится Капец. — Для меня теу-модули как для тебя кровеносные сосуды. Чем сильнее развиваешь связь с Источником, тем более важными они становятся.

— Из-за чего же тебя так пришибло? — не упускаю возможности узнать нечто новое. Мало ли, вдруг потом такое великое колдунство пригодится. Шутка ли — мага с полпинка вырубить!

Капец хмурится и сопит, будто бы сильно не хочет ни в чём признаваться. Наконец произносит:

— Магическая перегрузка. Слишком слабый резист для мага моего уровня. Поэтому и вынужден тебя учить, вместо того, чтобы покрывать своё имя славой на поле боя.

В его словах звучит неожиданная горечь, будто случайно он проговорился о чём-то действительно для себя важном.

Какое-то время слышен только хруст хлебцев на зубах.

— Может, оно и к лучшему, — наконец осторожно произношу я. — На поле боя можно ведь себя не только славой покрыть, но и медным тазом.

— Много ты понимаешь, сопляк, — беззлобно фыркает учитель. — Поживёшь с моё — ещё не так запоёшь.

— А что, у вас тут прямо сейчас воюют? — перевожу тему.

Капец охотно подхватывает:

— На Спорных землях, почитай, не перестают. Живут там все в куче, вот и бесятся. Города, говорят, по несколько раз на дню из рук в руки переходят. Сейчас вроде как перемирие, но Бездна знает, когда оно снова закончится.

— Ну и какой тебе интерес туда переться? — мой голос прямо-таки сочится скепсисом. — Прославиться по-всякому можно. Обязательно на войну что ли?

— Ну и кто из нас молод: ты или я? — усмехается тролль. — Разве не ты должен стремиться к приключениям?

Неопределённо пожимаю плечами. Стремиться к приключениям, конечно, неплохо. Только вот последние десять лет я люто мечтал о мирной жизни. Месть — дело хлопотное, нервное и опасное. Так что я совсем не против поскучать пару-тройку лет в тепле, уюте и в хорошей компании. Желательно, женской.

Как там говорится? Чтобы захотеть выйти из зоны комфорта, нужно сперва в ней оказаться. А я не помню даже, когда в последний раз там бывал.

Озвучиваю свои мысли учителю. Тот задумывается.

Сидим так какое-то время. Хорошо. Поспать бы ещё...

Резко распахиваю неподъёмные веки и сталкиваюсь неживым пылающим взглядом чёрной полупрозрачной фигуры, которая как раз тянет ко мне свои призрачные грабли!

— А ну пшла прочь, зараза такая!

Отмахиваюсь руками — фигура разлетается клочьями чёрного дыма. Даже глаза истаивают, будто их не было.

Расталкиваю своего чудо-педагога:

— Слышь, Капец! Ты чего не предупредил, что здесь спать нельзя?!

Тролль в ответ зубасто зевает:

— Да ничего страшного. Мановые буры не могут причинить нам вред. Так, только

магической энергии немного высосут. Для теу-каналов полезно даже.

— Нечего из меня сосать без разрешения! — вскакиваю на ноги и принимаюсь ходить туда-сюда по коридору. — Ты, Капец, вообще не меняешься! О всякой ерунде болтать — это пожалуйста, а о важном предупредить — ни в жисть! С этого момента считаю, что тебя со мной нет. Буду рассчитывать только на себя.

Троль смиренно кивает:

— Да, конечно, как скажешь. Главное, когда выйдешь из донжона, не забудь направить ко мне спасателей.

И укладывается на бочок, трогательно подложив под башку кулачище. Ну уж нет, приятель! Хватаю этого бездельника за руку и дёргаю изо всех сил вверх. Капец мычит что-то нецензурное и упирается, но злость как обычно придаёт мне сил. В конце концов я устанавливаю учителя вертикально и прислоняю к стеночке. Затем вручаю так и не использованную в бою палку:

— Вот. Береги её как зеницу ока, — ловлю непонимающий взгляд. — В смысле, потеряешь — в глаз получишь. Будешь не только хромой и бессильный, но ещё и косой.

Капец сердито выхватывает палку у меня из рук и наконец-то делает с её помощью первые шаги. Довольно уверенные, к слову. Ну вот, а то заладил: оставь да оставь.

Быстро собираю расхристанный рюкзак и, подумав, достаю из него ножик. Хоть и мал клинок, но хоть что-то. Забрасываю поклажу за спину и догоняю тролля. А неплохо так этот доходяга от меня утопал! И не подумаешь, что больной.

Однако, стоит мне его догнать, тролль начинает идти медленнее.

— Повезло, что мы не очень глубоко упали, — начинает он светскую беседу. — Выход должен быть где-то рядом. Главное — не сбиться с пути.

— Это в любом деле главное, — отвечаю равнодушно. — Пока у нас тут дорога без развилок.

Длинный скучный коридор заканчивается только когда у меня перед глазами начинают вставать пугающие картины с двумя унылыми скелетами, скорбно подпирающими бесконечные стены.

Выход из коридора в другую локацию зияет чернотой, но я помню, что освещение тут включается автоматически.

Мы с некоторыми опасениями ступаем в тёмную неизвестность и... ничего не происходит. Здесь так же темно, как было до этого.

Нет, не так!

Начиная с дальнего края, в пещере постепенно зажигаются огоньки. Будто сотни и тысячи маленьких свечей. Их пламя колышется, почти не давая света.

— Что это за место? — вопрос больше риторический, ведь я уже решил, что обсуждать происходящее с горе-педагогом больше не буду.

— Удивительно, — бубнит тот, озираясь с видимым изумлением, если не сказать, шоком. — Вот уж не думал, что такое получится... Как быть-то?..

— Что ты там бормочешь? — теряю терпение я. — Или расскажи по порядку, или закрой рот, не мешай думать.

— Мы с тобой невероятным образом оказались в дивных землях, — объявляет Капец так, будто это что-то объясняет.

— И?

— Нам придётся через них пройти.

— И?!

Капец мученически закатывает глаза:

— Это опасно! Особенно для такого новичка, как ты. Они ведь почти не появляются в донжонах такого низкого уровня! Может, поищем другую дорогу?

— У тебя все дома? — для наглядности стучу костяшками пальцев по своей голове. Хотя надо бы по троллей. — Где мы будем искать другую дорогу? Пойдём назад к этим твоим каменным бесам? Или забыл, что в коридоре не было развилок?

Капец задумчиво потирает подбородок, разглядывая мерцающие вдалеке огни.

Впереди, в полутьме, постукивают друг о друга камни. Сначала вдалеке, потом всё ближе и ближе. Этот звук не громкий и не угрожающий, но меня от него мороз дерёт по коже. Жутко хочется отступить в безопасный коридор, но, глядя на учителя, который всё так же непоколебимо стоит со мной рядом, мне приходится унять это постыдное желание.

Если тролль не боится, то с чего должен я? Чтобы он потом надо мной всю оставшуюся жизнь потешался? Ага, щас, бегу и падаю!

Наконец из темноты выкатывается источник шума, и мне сразу же становится смешно. Таинственный злыдень представляет собой каменную пирамидку с одним-единственным круглым глазом в самом её центре.

Размером это существо доходит мне до колена. Да уж, воистину монстр, которого стоит бояться!

Существо останавливается перед нами и пристально пялится на нас.

— Они умеют разговаривать? — шёпотом спрашиваю учителя.

— А я откуда знаю? — грубит в ответ он. — Я про донжоны только в книгах и газетах читал. Там про эту мелочёвку и не пишут обычно.

Одноглазая пирамидка что-то для себя решает — и подпрыгивает, громко стуча основанием по полу пещеры. Раз, два, три! И снова на нас смотрит.

— Кажется, он хочет нам что-то сказать, — всё так же шёпотом предполагаю я. — Не зря же он к нам вышел.

— Может, он сожрать нас хочет, — меланхолично отвечает Капец. — И друзей зовёт, чтобы веселее было.

Задумываюсь только на секунду:

— Если бы хотели сожрать, сразу напали бы. Да и чем он жрать будет? Рта у него нет.

Против такого факта учителю возразить нечего. Я присаживаюсь на корточки напротив неизвестного существа.

— Ты меня понимаешь? Стукни два раза, если да, — для наглядности показываю количество ещё и на пальцах.

На дне круглого глаза вспыхивает искра. В этот раз пирамидка подпрыгивает совсем невысоко. Да и стучит совсем тихо. Но ровно дважды.

— Видишь? — радостно поворачиваюсь к учителю. — Он не просто разумный, а ещё наш язык знает.

— Это невероятно, — язвит Капец. — Вообще-то мана позволяет понимать смысл того, о чём тебе говорят. Два магических существа всегда договорятся — слышал такую поговорку?

Качаю головой:

— В том мире, который я помню, никакой магии не было. Зато все о ней мечтали.

— Получается, появление в нашем мире исполнило твою заветную мечту? — ехидно

улыбается учитель.

— Нет. Я никогда этого не желал. И в магию вашу никогда не верил.

Вру. Желал и был готов поверить — лишь однажды. Хоть в магию, хоть в бога, хоть в чёрта. Но моей семье это всё равно не помогло.

Живой камень нетерпеливо стучит, привлекая наше внимание к себе.

— Ты от нас чего-то хочешь? — два удара. — Нужна помощь? — снова два. — Хочешь, чтобы мы пошли с тобой? — пирамидка радостно подпрыгивает, будто я действительно угадал с её пожеланием. Потом успокаивается и аккуратно стучит об пол дважды.

— Да у тебя талант с ними договариваться, — хмыкает Капец. — Только заведёт он нас. Бездна знает куда...

Отмахиваюсь:

— Не ной. Всё равно идти нам больше некуда. Только вперёд!

Вслед за повеселевшей пирамидкой мы заходим в дивные земли всё дальше и дальше. Вокруг нас, насколько вообще видно в этой темноте, — волнистая каменная равнина с невысокими пологими холмами.

Бесчисленные огоньки на поверку оказываются причудливыми цветами. Остановливаюсь, чтобы получше рассмотреть. Тяну руку, чтобы потрогать... И тут же получаю палкой по пальцам!

— Капец! — рычу я. — Совсем охренел?!

— Придурок! — в тон мне отвечает тролль. — Нашёл, за что хвататься! Хорошо, если только рука отвалится!

Это предупреждение так напоминает детскую пугалку, что мне становится смешно.

— А ты откуда знаешь? — выговариваю сквозь дурацкий смех. — Совесть прикладывал?

Капец сердито сопит. Дожидается, пока я успокоюсь, и веско произносит:

— Поживёшь с моё, сопляк, — не того навидаешься. Дивные земли только называются красиво. На деле же для нашего брата они могут быть смертельно опасны.

— Ладно-ладно, не бубни, — слегка пристыжённо отмахиваюсь я. На самом деле Капец, конечно, дело говорит. А я веду себя как трёхлетка на прогулке.

Ишь, обрадовался, старый пень. Магию увидал — и счастья сразу полные штаны. Был бы без учителя, хоть он та ещё тролль морда, — уже встрял бы по самые уши.

Хуже нет, когда думаешь, что в сказку попал.

Поглощённый этими безрадостными мыслями, не сразу замечаю, что в нашем полку прибыло. Среди холмов к нам пробираются десятки новых глазастых пирамидок. Полутьма скрадывает их очертания, так что они все кажутся одинаковыми. Перемещаются тихо, почти бесшумно и держатся на приличном расстоянии.

Но всё равно это сопровождение здорово нервирует.

Покрепче сжимаю рукоять данного Орлиной ножа и приказываю себе не оборачиваться. Что-что, а свои опасения показывать кому попало точно не стоит.

Чем дальше мы идём, тем больше существ становится вокруг. Однако наш провожатый как ни в чём не бывало скачет впереди, не обращая на них никакого внимания. Может, и нам не стоит? Вдруг у них тут в дивных землях так принято?

Наконец мы подходим к каменному параллелепипеду высотой примерно как стол. Вокруг него пылающие цветы разрослись особенно пышно.

Наш провожатый резво вспрыгивает на столообразную каменюку и несколько раз

подпрыгивает, требовательно глядя на меня.

— Мне нужно подняться к тебе? — спрашиваю с сомнением. Что-то в этом камне меня смущает... Даже не знаю, что.

Пирамидка топает дважды.

— Зачем?.. — задаю идиотский вопрос и тут же понимаю: жертвенник. Вот на что похож этот кусок камня!

— Слышь, Капец, — говорю вполголоса. — А насколько эти твари умные? Есть у них какие-нибудь боги или вроде того?

— Откуда мне знать! — фыркает невоспитанный тролль. — Дивные земли ещё недостаточно изучены. У нас есть все шансы войти в историю в качестве первооткрывателей.

К чёрту такие шансы, вот что я скажу. Вздыхаю:

— Эх ты, а ещё учитель.

И обращаюсь к провожатому, добавив в голос побольше строгости:

— Мы туда не полезем! Ферштейн?

Единственный глаз пирамидки увеличивается в размерах. Она изумлённо пялится на меня, затем несколько раз подскакивает с громким топотом.

Кручу головой и показываю руками крест для наглядности:

— Нет-нет! Некогда с вами играть. Нам ещё домой добираться.

Пирамидка замирает. Неужто поняла?

Она взмывает в воздух. И с громким стуком опускается на каменную поверхность. И ещё раз. И ещё. Сзади тоже раздаётся стук. Резко оборачиваюсь — ближайšie к нам ряды каменных созданий тоже начинают подпрыгивать. Постепенно к ним присоединяются остальные. Шум нарастает, пока не начинает закладывать уши.

И вдруг резко прерывается.

Пирамидки замирают на своих местах, продолжая пялиться на меня круглыми глазищами. В их взглядах мне чудится предвкушение. Кажется, сейчас что-то будет...

По пространству пещеры бесшумно проносится порыв ветра. Огненные цветы как по команде гаснут. Мы оказываемся в кромешной тьме, лишь слабо фосфорицируют сотни устремлённых на нас глаз.

Звук, похожий на разряд молнии, — и окружающее пространство заливают мертвенное синее свечение. Обращённые к нам пирамидальные физиономии кажутся ещё более жуткими.

А затем — будто со всех сторон разом! — раздаётся хлопанье неправдоподобно гигантских крыльев.

Глава 11

Живой

Тут даже троллю становится не по себе. Мы дружно озираемся по сторонам в поисках таинственного противника. И почти сразу же его замечаем!

Гораздо ближе, чем хотелось бы...

Раскинув непропорционально огромные крылья, к нам подлетает существо размером с человека. В какой-то мере оно на него и похоже, особенно нижняя часть. Вот только почти человеческие ноги покрыты короткими серо-синими перьями, кожа на голых ступнях серая и морщинистая, а все пять пальцев украшены острыми на вид изогнутыми когтями.

Тело существа также покрыто перьями, а крылья растут прямо из того места, где должны быть руки. Наверное, эволюция тут пошла каким-то своим путём. Если она в этом мире, конечно есть. Кто её знает, эту магическую биологию.

А вот рожей тварь не вышла. Её голова растёт прямо из груди и представляет собой одну огромную пасть, раскрывающуюся зубастыми лепестками. Глаз на этом эпическом хлебале не видно, так что существо вполне может оказаться слепым.

Но я бы не стал относиться к нему как к немощному.

Потому что стоит нам оказаться в его досягаемости, как мы сразу же получаем крыльями и разлетаемся по разным сторонам вместе с не успевшими удрать пирамидками!

Существо приземляется на отвергнутый нами жертвенник и слепо водит мордой из стороны в сторону.

Я аккуратно поднимаюсь на ноги, всерьёз раздумывая о том, не стоит ли притвориться мёртвым. Может, Капец сам чего придумает... Но нет! Этот мошенник придумал ровно то же, что и я: прямо сейчас как раз притворяется мёртвым. Лежит себе, в ус не дуёт.

Хоть бы и в самом деле не помер, зараза...

Осторожно пробираюсь к валяющемуся неподалёку педагогу. Если гадина слепая, нужно просто, чтобы меня не было слышно...

Ага, хрен там плавал!

Стоит мне двинуться с места, как уродливая пасть распахивается в беззвучном крике. Существо бросается ко мне, норовя треснуть дальнобойным крылом. Но я-то уже учёный — падаю на землю и прокатываюсь поближе к троллю. Хоть так до него доберусь.

Тварь зависает в воздухе, тяжело хлопая крыльями. Передо мной опускается длинное жёсткое перо с трогательным серо-синим пушком над очинком. Чудо-птичка водит мордой по сторонам, будто принюхивается.

Медленно и осторожно выдвигаюсь в сторону учителя...

И тут же получаю крылом промеж глаз! Гадина будто того и ждала!

— Не двигайся! — подаёт голос недобитый Капец. — Кажется, он реагирует на магию, которую ты черпаешь из Источника.

— Да ничего я не черпаю! — сердито шиплю я. — Даже не трогал эту дрянь!

Тон учителя остаётся обычным:

— Возможно, ты делаешь это неосознанно. Боюсь, у тебя сильная телесная привязка. Долго объяснять. И не шепчи — он тебя всё равно не слышит.

— Что за телесная привязка такая? — возвращаю голосу громкость, хоть от летающей над головой твари мороз по коже.

Капец возится и осторожно усаживается на землю. Похоже, приложило его всё-таки неплохо.

— Когда рождается маг, — менторским тоном произносит он, — Бездна спрашивает его: «Готов ли ты принять меня в свою душу?» Затем, обычно через три-четыре года, Бездна снова его спрашивает: «Готов ли ты отдать мне своё тело?» И только после двух правильных ответов Бездна подтверждает соглашение...

— Погоди-погоди! — я тоже кое-как принимаю сидячее положение. Тварь над головой нервно замирает, но я тоже больше не двигаюсь, и она успокаивается. Более того — наконец возвращается на насиженный жертвенник. — Эта твоя Бездна что, разумная?

Капец отрицательно качает головой:

— В каком-то смысле, да. В каком-то — нет. Она не словами спрашивает, просто испытывает.

Хмыкаю:

— Ну и жизнь тут у вас... Не успел родиться, уже какой-то Бездне должен... Душу ей, тело. Может, гвоздей ещё жареных в придачу?.. Не пойму только, к чему ты мне это сейчас рассказываешь?

— А к тому, что у тебя, возможно, привязка души случилась только недавно, — поясняет Капец. — Зато тело привыкло тянуть энергию Источника для собственных нужд. Неудивительно, что ты всегда был таким... гм... взбудораженным.

Вспоминаю упрёки Иерарха в особой любви Максина к бабам и усмехаюсь. Видать, завидовал, собака.

— Ну и какой толк мне от этой информации?

— А такой, — Капец поднимает вверх толстый указательный палец, — что для жителей дивных земель от тебя просто фонит энергией. Ты ведь её задействуешь при малейшем движении. Чувствуешь?

Отрицательно качаю головой. Прислушиваюсь к себе. Ничего необычного. Сгибаю и разгибаю пальцы. Всё как всегда. Отмахиваюсь от этой идеи, ну и от тролля заодно:

— Ничего я не чувствую! Бред какой-то.

— Зато тот крылатый чувствует, можешь мне поверить.

Смотрю в сторону жертвенника. Сидящая на нём тварь тоже будто смотрит мне в душу — только широко распахнутой пастью.

— Ну и что теперь? Он сожрёт меня?

Капец вздыхает:

— Ты для него что-то вроде жужжащего над ухом комара. Или сквозняка, если быть точнее. Он чувствует исходящую от тебя родственную энергию, и это ему не нравится.

— Родственников, я смотрю, у вас тут вообще не сильно жалуют.

Учитель вдруг усмехается, сверкая клыками:

— Много родственников — мало ресурсов. И наоборот. Везде так.

— У нас не так было, — задумчиво произношу, разглядывая настороженного крылатого. — Родня — это ведь хорошо... Как думаешь, когда он отсюда улетит?

Капец меланхолично устраивается поудобнее:

— Кто знает. Через день, два. Пока не надоест.

Я аж подскакиваю от такой новости! Крылатый тоже взбадривается и ласточкой бросается ко мне. Увернуться не успеваю! Вместо этого встречаю атаку его крыла ударом ножа. Неожиданно для себя попадаю — лезвие натывается на что-то твёрдое, и рукоять

буквально выдёргивает из захвата.

На землю рядом со мной падает пара горячих чёрных капель. Крылатырь, обиженно разевая пасть, вихляется вверх и в сторону. Что, не ожидал отпора, гад?!

Но радоваться некогда: тварь разворачивается в воздухе и снова летит ко мне — ногами вперёд, будто каратист в дешёвом боевике.

К такому жизнь меня не готовила! Едва избегаю столкновения, пропахав каменистую землю. Оружие! Мне нужно хоть что-нибудь! Мечущийся по сторонам взгляд выхватывает скорченную фигуру тролля, рядом с которой без дела валяется такая нужная мне сейчас палка!

— Капец! — ору я, кое-как сбегая от нового захода бешеной «птички». — Палку мне! Скорее!

Троль пялится на меня, как баран на новые ворота. Медленно оглядывается по сторонам. И поднимает... камень! Который тут же бросает мне. Или в меня, кто ж разберёт!

Чуть ли не рычу от желания прибить недоучителя. Но мне везёт: двигаемся мы с противником слишком быстро, и предназначенная мне каменюка влетает твари прямо в пасть.

Существо, распластывая крылья, падает на землю и мотает башкой, словно оглушённое. Я, не будь дурак, бросаюсь к нему с ещё большим булыжником — ни бежать за палкой, ни искать нож времени нет. В крайнем случае, в глотку ему забью — авось подавится!

Но, стоит мне приблизиться, как крылатырь вскидывается и судорожно всплёскивает крыльями. Могучие конечности сходятся ровно на мне, прихлопывая с обеих сторон, будто котлету в бургере.

Рёбра трещат, но длится издевательство недолго, потому что крылатырь снова взлетает. По его движениям видно, что он пострадал, однако совсем не так серьёзно, как мне хотелось бы.

Пользуясь передышкой, бросаюсь к троллю, подхватываю без дела валяющуюся рядом с ним палку — и тут же принимаю на неё удар пернатых ножищ!

Да что за чудище такое! Ничем его не остановишь!

Будто подтверждая эту мысль, палка, скорбно звякнув, ломается точно пополам. За неимением лучшего, перехватываю обломки на манер длинных кинжалов. Вот только толку от них ноль! Слишком лёгкие и довольно короткие. Не то что крылья назойливой твари!

Отпрыгиваю от очередного удара.

И налетаю на недоучителя, который так и сидит на прежнем месте!

Качусь кувирком по каменюкам, теряя так и не успевшее себя проявить оружие и сдирая в кровь шкуру. Шмякаюсь на спину, неслабо прикладываюсь затылком. И замираю, глядя прямо в разверстую надо мной зубастую пасть.

«Да он меня в эту глотку целиком проглотит!» — проносится в голове, пока я судорожно шарю по земле в поисках хоть чего-нибудь.

И тут пальцы натываются на знакомую рукоять. Поднявшаяся было волна радости сразу разбивается о жестокую реальность: клинок слишком короткий, в хлам избитое тело просит пощады, а враг наступает.

— Направь энергию в нож, — подсказывает «с задней парты» Капец. — Представь, что это продолжение твоей руки.

Легко сказать: представь! Зубастая морда, уже капающая на тебя слюнями, фантазиям не очень способствует!

Тварь на мгновение останавливается, складывая зубастые лепестки пасти в нечто напоминающее по форме клюв.

И бросается сверху вниз, явно целя мне в голову!

Рука с ножом сама собой вскидывается вверх. Под ложечкой противно ёкает и тут же отпускает. А лезвие вдруг вспыхивает пламенем. Да не просто так: огонь разгорается, короткий клинок превращается в длинный.

Крылатерь не успевает затормозить и насаживается прямо на него, заливая меня обжигающей чёрной кровью. Хорошо, что он легче, чем кажется. Кое-как отбрасываю дёргающееся тело в сторону. Нож остаётся в нём — выдёргивать нет никаких сил. Как и вставать.

Поэтому лежу на неудобной земле и любуюсь разгорающимся вокруг заревом от огненных цветочков.

— Живой? — тихой сапой подбирается ко мне тролль. И усаживается рядом. — Встать можешь?

— Отвали, — бурчу я. — Не было бы мне так плохо, я бы точно тебе башку открутил...

— Ещё спасибо скажешь, — по голосу слышно, что этот придурок ухмыляется. Смешно ему, надо же.

— Это вряд ли...

Хочется сказать ему ещё пару ласковых, но совсем рядом слышится стук, в котором я узнаю «шаги» нашего провожатого. Желание заглянуть и в его бесстыжую зенку перевешивает усталость.

Еле усаживаюсь, кряхтя, как столетний дед. Глазастая пирамида стоит напротив, с явным неодобрением глядя на нас. Позади толпятся её сородичи. От них тоже исходит смутная угроза. Но после пинающейся крылатой твари мне всё нипочём.

Медленно поднимаюсь и подхожу к неподвижному крылатерю. Огненное лезвие пробило ему череп и удивительным образом почти отсекло часть башки. И, видимо, исчезло, стоило мне отпустить рукоять ножа.

Так что извлечь оружие из трупа поверженной твари не составляет труда. Правда, изгваздано оно так, что мама не горюй. Кое-как обтираю его о жёсткие перья почившей твари. А сам исподлобья наблюдаю за молчаливыми пирамидками.

— Чего им надо? — спрашиваю учителя.

— Да кто ж их знает, — пожимает плечами тот. — Спасибо тебе сказать пришли. За долгожданное освобождение.

От этих слов в голове помимо воли складывается скорбная история несчастных пирамидок, вынужденных прислуживать злобному крылатерю. Даже злиться на них теперь как-то неловко.

Заканчиваю с ножом и поднимаюсь на ноги. Торжествуя поднимая оружие вверх.

— Радуйтесь, ребята, — объявляю как можно громче. — Вы свободны! Вам больше не надо заманивать в ловушку честных путешественников, не надо прислуживать жуткому чудовищу. Ура?

Провожатый прищуривает единственный глаз. Медленно и вятно стучит дважды.

— Ну вот, я же гово... — осекаюсь, потому что после небольшой паузы он снова продолжает стучать. Стук этот постепенно подхватывают все его собратья. И вот уже от ударов содрогаются не только окружающие нас холмы, но и, кажется, своды пещеры.

Это они так радуются, или что?..

Стук резко замолкает, и вокруг разливается зловещая тишина. Что-то не нравится мне всё это...

Переступаю с ноги на ногу.

Моё движение будто служит сигналом для пирамидок. Они нестройно наступают на нас с учителем, желая то ли отблагодарить, то ли затоптать. А, учитывая их количество, для нас это практически одно и то же!

— Поднимайся, Капец! — тормошу неповоротливого тролля. — Они медленные, оторвёмся!

Он зубасто мне улыбается и демонстрирует неизвестно откуда взявшийся зелёный кристалл. Который тут же вспыхивает в его руках, ослепляя и меня, и, надеюсь, пирамидок.

А в следующий миг я оказываюсь в знакомом охотничьем домике, ничуть не пострадавшем от падения в донжон. Да и самого падения, кажется, не было, потому что за окнами светит солнце и шумит лес.

На мне ни единой грязинки или царапины, а Капец, сидящий напротив, ехидно улыбается.

— Как? — только и спрашиваю я.

Капец скалится ещё самодовольнее.

— Волшебство, — важно произносит он. — Ещё с прошлым Иерархом разрабатывали.

— Какое такое волшебство? — тупо переспрашиваю я. Мой организм всё ещё переживает несуществующие ушибы, а мозг со скрипом пытается утрамбовать происходящее внутрь черепной коробки.

— Дело в том, — доверительно сообщает Капец, — что раньше для тренировок молодых магов приходилось искать подходящие магические аномалии. Сам понимаешь: их надо найти, изучить, определить уровень донжонов... Много мороки, мало проку. Ну и для молодых дурней вроде тебя слишком опасно.

Пропускаю мимо ушей учительские прибаутки, вычлняя главное. Что за тренировки в аномалии? Что-то похожее на спиртовое шоу, которое он организовал на лесной поляне, или ещё хуже? Ладно, не важно. Слушаю дальше.

— Тогдашний Иерарх был тем ещё жмотом, — категорично оценивает бывшего работодателя Капец. — Поэтому устроил конкурс на лучшее решение для этой проблемы. И как ты думаешь, кто его выиграл?

— Местный дурачок по кличке Капец? — невинно предполагаю я. Тролль беззаботно ухмыляется, будто услышал отличную шутку. Не припомню за ним такого добродушия. Подозрительно. Кажется, его рассказ мне очень не понравится, и он это прекрасно понимает.

— Идея была моя, — безропотно соглашается учитель, подтверждая подозрения. — До ума её довели мы вдвоём. И таки довели!

— Теряюсь в догадках, что вы там такого напридумывали, — мрачно говорю только потому, что он заткнулся. Интригует, поганец.

— Имитацию! — торжественно провозглашает Капец.

— Оргазма? — на автомате отзываюсь я. Тролль непонимающе таращит на меня гляделки. Я сердито хлопаю по столу ладонью. — Ты мне толком расскажи, чего вы там с жадным Иерархом наворотили! Сидишь тут, мямлишь, аж слушать противно.

Капец понятливо склоняет голову.

— Мы создали единственную в своём роде магическую имитацию донжона! —

объявляет он как нечто выдающееся. — Больше не нужно ничего изучать и исследовать. Нужно просто запустить магическую программу нужного уровня.

Капец, глядя на меня, довольно улыбается. Будто похвалы ожидает.

Не дождётся.

— Почему не предупредил, что всё это просто имитация? — ровным тусклым голосом спрашиваю я. А сам вспоминаю, как меня дубасили несуществующие противники. Вот Капец, наверное, повеселился. Думаю, именно за этим он всё и затевал.

— В первый раз никому не принято говорить, — как-то неубедительно врёт он. — Важно понять, как ученик действует в сложных ситуациях. Выявить достоинства и недостатки.

— Вот как, — сейчас я чувствую себя подопытной крысой, и это ощущение мне совсем не нравится! Я злюсь. И на тролля, в который раз подтвердившего свой статус проходимца. И на самого себя, в который раз поверившего в брехню этого хмыря.

Чтобы хоть немного остыть, встаю и принимаюсь расхаживать вокруг стола.

— Именно! — веселится Капец и тычет в меня толстым пальцем. — Тест ты, кстати, завалил.

— Правда? — в голосе сами собой появляются рычащие ноты, но беззаботный тролль слышит только самого себя.

Капец тоже встаёт со стула и дружески хлопает меня по плечу. Сердито кощусь на его конечность. Ненавижу такое панибратство. Особенно от тех, кто бесит.

— Запомни раз и навсегда, дурень, — назидательно проговаривает тролль. — В донжоне раненых оставляют. Если повезёт, то в достаточно безопасном месте. К выходу отправляются только те, кто может идти сам.

— Почему?

— Потому что выживания достойны сильнейшие, — выдаёт Капец, будто великую истину. — Проигравший имеет право только на удачу. Если ты этого не понимаешь, то и дальше останешься бесполезным болваном.

Вспоминаю, как помогал этому гаду выбраться. Тормошил, подбадривал, тянул на себе.

А ведь он даже не был в опасности.

Ну ничего. Это дело поправимое.

Сам не замечаю, как вместо тысячи слов, вертящихся на языке, по-простому заряжаю троллю кулаком прямо в улыбающуюся морду.

Глава 12

Желанная прохлада

Тролль оторопело пялится на меня, даже не попытавшись уклониться или заблокировать. Неудивительно. У этого подлюги не только шкура толстая, у него ещё и кости будто каменные. Я себе руку отбил, а ему хоть бы хны!

— Что ты делаешь? — чуть ли не с добродушным удивлением спрашивает он. — Ты меня сейчас ударил что ли?

Я был готов к какой угодно реакции. В первую очередь, к ответной агрессии, конечно. Но не к такому. Капец сейчас выглядит, будто терпеливый родитель, которому неразумный младенец случайно заехал пяткой в глаз. Ничего необычного, дело житейское.

А ведь для него этот малыш — я!

Получается, этот гад меня вообще всерьёз не воспринимает?!

— Нет, — ядовито скалюсь, — просто по морде погладил. Понравилось?

Капец обиженно поджимает губы.

— Чтобы ты знал, в современном обществе телесные наказания не приветствуются, — назидательно сообщает он. — Ты, наверное, даже правил приличия не помнишь...

Так. Вот теперь он меня действительно бесит.

— Конечно, я ни хрена не помню! — с каждым словом закипаю сильнее, будто включенный в сеть чайник. — Я вообще всего пару дней как умер! И в твоём сраном мире ни в зуб ногой! И в сраной магии вашей — тоже.

— И что? — непонимающе тарашится недоучитель. — Не вижу проблемы.

— И то! — продолжаю бушевать я. — Я тебе зачем про это рассказывал? Чтобы ты имел в виду и объяснял всё подробно! А ты?

— Что я?

Он сейчас издевается или правда не понимает?!

— Ведёшь себя как ни в чём не бывало, вот что! Молчишь о важном, на вопросы не отвечаешь, врёшь через слово! Это по-твоему нормально? Так себя должен учитель вести?!

До тролля наконец доходит, чем именно я недоволен. Толку от этого, правда, ноль.

— Это лучший способ обучения, который вообще придумали, — с видом оскорблённой невинности бубнит он. — Не надо ничего учить, всё само запоминается. Только практика и личный опыт.

Старательно подавляю желание хлопнуть себя по лбу. Глупо надеяться переубедить настолько упорного товарища.

Но Капец ещё не закончил меня просвещать.

— Зато ты всё усложняешь, Максин, — продолжает он обвинительно. — И себе, и мне. Творишь странное вместо того, чтобы поступать, как сказано. Хочешь, чтобы всё было по-твоему? Да зачем? Всё уже до тебя придумали, бери и делай!

Нахально усмехаюсь:

— Я делаю не как сказано, а как лучше! Только твоей пустой головой этого не понять. А ещё учитель!

Кажется, тролля наконец задевают мои слова. Вон, морда краснеет, а щрам — наоборот, заметно белеет.

— Если уж на то пошло, — с тщательно скрываемой, но от этого не менее очевидной

злостью говорит он, — не тебе рассуждать о методиках обучения. Ты из тех, кому вообще лучше бы не рождаться. А уж если угораздило — сиди и не рыпайся. Только время отнимаешь.

Ух ты, какие страсти! Оглушительно аплодирую этому придурку.

— Мне тебе посочувствовать что ли, педагог хренов? — насмехаюсь я. — Времени ему жалко, ну надо же! Чего ж тогда учить полез, если так ломает?

Капец вздыхает с неприкрытым сожалением:

— Приказ Иерарха не обсуждается. А исполнители ему нужны только лучшие из лучших.

Вот это самомнение у некоторых! После такого откровения могу только поржать. Этому троллю дорога в стендаперы, а не в учителя, отвечаю!

— Если ты лучший, то я вообще боженька, — выдавливаю сквозь хохот. Капец раздражённо сопит. Злится небось, что сопляк вроде меня его поучает. Лучше б мозгами вместо этого пораскинул.

— А хочешь знать, кто считается лучшим в моём мире? — спрашиваю, когда успокаиваюсь настолько, что могу нормально говорить.

— Ну давай, удиви меня, — высокомерно кивает Капец. И мне опять нестерпимо хочется треснуть его в хлебало. Но я сдерживаюсь, да. Потому что в задаром отбитых кулаках нет никакого смысла.

Больно можно делать и по-другому.

— В МОЁМ мире, — внушительно проговариваю, глядя прямо в забегавшие глазки недоучителя, — хорошие учителя умеют работать со всеми. И знают, что такое индивидуальный подход. А не пихают одну методику во все дыры. А ещё, Капец, — самое главное — они уважают своих учеников. А те, Капец, в ответ уважают их.

Троль недоверчиво хмыкает:

— Если каждого такого наглеца уважать...

— Вот! — обличительно тыкаю в него пальцем. — Мы с тобой, Капец, каши не сварим. Чему-то учиться у тебя не вижу смысла. Ты уволен. А теперь возвращаемся домой.

Судя по выражению троллей физиономии, такого опыта в его долгой разнообразной жизни ещё не было. Ну ничего, всё когда-то случается впервые.

— А мы не можем отсюда уйти, — будто бы вспоминает заметно приунывший тролль. — Пространственный туннель заблокирован на три дня.

— Зачем?

— Для более эффективного обучения.

Чтобы я раньше времени не сбежал? Ясно-понятно. Пожимаю плечами:

— А ноги нам на что?

— Пешком неделю идти, — вздыхает тролль.

Задумываюсь буквально на секунду. А после — резко разворачиваюсь и топаю на выход. Не хочу сидеть с этим придурком в одном помещении. Не то чтобы я планирую далеко уходить, но...

— Ты куда, Максин? — строго вопрошает Капец, будто имеет на это какое-то право. — Не слышал, что я про неделю сказал?

Открываю дверь и оборачиваюсь:

— Видишь, даже имя моё запомнить не можешь. Стыдно, Капец. Но я отвечу, так уж и быть. Никуда я идти не собираюсь. Осмотрю — и вернусь. Только не вздумай за мной

тащиться.

С этими словами выхожу за порог и хлопаю дверь, отсекая возможные возражения. Минуту просто стою, вдыхая свежий лесной воздух, наполненный запахами цветов, нагретой солнцем травы и влажного грунта. Всё это живо напоминает пикники, которые так любила устраивать Вера. Если закрыть глаза, можно представить, что вся история с мстостью и перемещением в другой мир мне просто привиделась.

Сейчас проснусь и увижу супругу — совсем юную, с венком из полевых цветов в тёмных волосах.

Настолько живо её представляю, что почти удивляюсь, когда понимаю: рядом никого нет. Только недовольный Капец по-прежнему сидит в охотничьем домике.

Торчать рядом с недоучителем мне не хочется, поэтому, недолго думая, выдвигаюсь в лес. Не знаю, насколько это опасно. Вряд ли так уж сильно. К тому же далеко забредать я всё равно не планирую.

И вообще! Я же маг. Что-нибудь придумаю. Маловероятно, что тут на каждом шагу сидит по крылатую. А если и сидит, то... Сейчас я слишком зол, чтобы об этом волноваться.

С опушки, на которой стоит охотничий домик, в разные стороны ведут несколько тропинок. Пара из них даже довольно широкие. Но я, конечно, выбираю самую неприметную. Надеюсь, троллю не хватит наглости за мной сунуться.

Не спеша иду вперёд, поглядываю по сторонам и вдыхаю свежий воздух. Ну и думаю заодно.

Не нравится мне то, что происходит вокруг моей нынешней личности.

Если я хочу выжить и закрепиться в этом мире, мне придётся заставить людей со мной считаться. Безобидным дурачком, как прошлый владелец тела, я быть не смогу. Да и, судя по словам той же Орлины, это бы его тоже не спасло — слабость в этом мире явно самый страшный грех из всех возможных.

А я пока настолько не в теме, что даже придурок Капец вьёт из меня верёвки.

Как же бесит!

Чуть ли не пытая от злости, выхожу из-под деревьев на открытое пространство. Вижу маленькое озеро, больше похожее на лужу. Над ним — поросшие травой и чахлыми кустиками скалы, в которых темнеет овальный вход в пещеру. Слишком ровный, будто рукотворный.

Похоже, владелец охотничьего домика тоже знает об этом месте.купаются они тут что ли... Мне тоже неплохо было бы охладиться.

Подхожу к озеру поближе и с сожалением убеждаюсь, что для купания оно слишком мелкое. От этого вдвойне обидно, потому что прохладная вода буквально манит.

Опускаю ладони в озеро — и тут же на его поверхности вспыхивают голубые искры. Огненными мухами взлетают вверх.

На всякий случай отступаю на пару шагов, но искрам я не интересен. Они сбиваются в рой и висят над водной гладью. Смеха ради брызгаю в них зачёрпнутой тут же водой — они обиженно разлетаются в стороны. А после направляются в пещеру, мгновенно наполняя её таинственным мерцанием.

Интересно, что там происходит? Осторожно подбираюсь ко входу и заглядываю внутрь.

Теперь сомнений о назначении этого места у меня не остаётся. Потому что вместо первозданных нагромождений камней вижу просторную прямоугольную залу с гладкими

стенами и явно рукотворным водоёмом прямо по центру. Над водяной гладью вьются знакомые мне голубые искры, отражаясь и странным образом подсвечивая и так фосфоресцирующие воды.

Неужто всё-таки получится искупаться?!

Торопливо стаскиваю с себя кажущуюся лишней одежду. По коже бегут мурашки, а сердце наполняется восторженным предвкушением. Ступаю босыми ногами на гладкий каменный пол. Надеюсь, содержимое купальни столь же прохладное.

Не успеваю сделать и пары шагов, как спокойные воды приходят в движение, бурлят и волнуются. А после — взрываются фонтаном сияющих брызг. Из центра источника медленно поднимается обнажённая женская фигура. И замирает, будто даёт мне возможность себя рассмотреть.

Молочно-белая кожа незнакомки напоминает об античных статуях — настолько идеально выглядит. Так и хочется её потрогать, чтобы убедиться, что она принадлежит живому существу. Длинные чёрные волосы мокрыми змеями расползаются по гибкой спине, любовно обнимают плечи и полную грудь с торчащими сосками.

Девушка резко и нетерпеливо встряхивает шевелюрой. Пропитавшая волосы вода разлетается во все стороны клочьями тумана. На мокрую спину хозяйки волосы возвращаются уже полностью высохшими. Оказывается, местную магию и для настолько банальных вещей можно использовать.

Но незнакомка наконец соображает, что не одна. Я ожидаю стыда и возмущения, но вместо этого она устремляет на меня задумчивый изучающий взгляд. Странные глаза — радужки красные, будто спелые вишни, и словно подсвечены изнутри. Даже в этом безумном мире я пока ни у кого такого не видел, не говоря уж о собственном.

Мы сцепляемся взглядами, и я чувствую, как закипает во мне энергия Бездны. Поднимается тяжелой волной где-то в районе солнечного сплетения, толкает и тянет прямоком к незнакомке. Происходящее явно ненормально, так что пытаюсь взять чувства под контроль.

Бесполезно!

Потому что девушка, прикрытая только влажной шевелюрой, бесстрашно выбирается из воды мне навстречу. Она призывно улыбается, чуть приоткрывая алые губки и протягивает мне тонкую руку.

Может, это тоже магическая аномалия? Мысль проносится в голове, и я почему-то запросто с ней соглашаюсь.

А в следующее мгновение уже сжимаю в ладони длинные тонкие пальцы незнакомки. Нетерпеливо тяну её к себе. Девушка охотно подшагивает и...

Мы сталкиваемся с ней, будто два изголодавшихся зверя. Она обвивает меня руками, а я вжимаю её в себя, желая стать ещё ближе. Нет, на ощупь незнакомка вовсе не похожа на каменную статую. Она мягкая и горячая, будто у девушки лёгкий жар.

Впиваемся друг в друга без какой-либо нежности, как старые любовники, встретившиеся после долгой разлуки. От её губ пахнет вишней, а чёрные волосы под моими ладонями напоминают шёлк.

Девушка подталкивает меня к стене. Подхватываю её под ягодицы. Она легко подпрыгивает и обхватывает меня ногами. Не самая удобная позиция, да ещё и в не в самом подходящем для этого месте. Стены, конечно, гладкие, но всё же... Незнакомка словно читает мысли: делает быстрый пасс, и секция стены за её спиной слегка подсвечивается.

— Воздушная подушка, — с придыханием хихикает она мне прямо в ухо, хоть мне сейчас плевать, как называется это колдунство. Зато с такой опорой куда удобнее, даже если поначалу я слегка опасаясь, что волшебная подушка может в любой момент исчезнуть.

Но мне быстро становится не до того.

И я даже почти не чувствую боли, когда острые зубки незнакомки впиваются мне в основание шеи. Ах ты, кусучка!

Недолго думая, цапаю её примерно в то же место. Теперь всё по-честному! Хотя, кажется, слишком сильно цапнул, потому что во рту ощущается слабый привкус крови.

Но девушке это явно нравится: теперь она двигается ещё активнее, громко постанывая мне в ухо. Вот же мелкая извращенка...

Энергия внутри меня беснуется всё сильнее, и наконец взрывается. Девушка вздрагивает всём телом и замирает, почти не дыша. Видимо, с ней тоже происходит нечто похожее.

Наконец она неуклюже сползает с меня. Какое-то время мы просто стоим, плотно прижавшись друг к другу и восстанавливая дыхание.

Наконец воздушная подушка исчезает, а незнакомка неспешно выбирается из моих объятий. Трогает красное пятно, оставшееся на белой коже после моего укуса, весело грозит мне пальчиком. Я тоже проверяю место, в которое она меня цапнула, но никакой раны там не нахожу.

Девушка тем временем возвращается в воду и деловито начинает ополаскиваться. Ведёт себя так, будто я вдруг перестал для неё существовать.

Секс не повод для знакомства, да? Но меня такое не устраивает.

— Как тебя зовут? — спрашиваю хрипло. Теперь, после всего, я почти уверен, что передо мной не магическая аномалия, а настоящая девушка.

Она вскидывает на меня пронзительные вишнёвые глаза и улыбается — холодно и вежливо, словно шапочному знакомцу.

— Это не важно, — произносит так же хриловато. — Всё равно мы с тобой больше не встретимся.

— Почему? — спускаюсь вслед за ней в прохладную воду. Оказывается, входить сюда очень удобно: в чаше источника вырублены широкие пологие ступени.

Девушка печально вздыхает, беззастенчиво меня разглядывая.

— Боюсь, я зачерпнула слишком много, — непонятно объясняет она. — Прости, не удержалась. Ты слишком лакомый кусочек.

И не поймёшь: то ли комплимент сделала, то ли с едой сравнила. Кладу руки ей на плечи и усмехаюсь:

— Вообще-то это были мои слова. Я Макс. А ты?

Незнакомка упрямо поджимает губы, но почти сразу же хитро улыбается:

— Ладно. Зови меня... Пусть будет Гайла.

— У тебя что, так много имён? Не можешь выбрать? — спрашиваю насмешливо. Но мои пальцы уже живут собственной жизнью, оглаживая бархатную кожу на точёных плечиках. А дорвавшийся до сладкого организм требует продолжения банкета.

Гайла словно слышит, о чём я думаю. Даже жмурится от удовольствия, будто большая кошка.

— Что-то вроде того, — медленно произносит она. А после обнимает меня за шею и звонко чмокает в губы. — Прощай, Макс! Приятно было с тобой по... знакомиться.

Вода вокруг нас будто закипает и закручивается водоворотом. Брызги дождём колотят

по голой коже, заливают глаза. Из-за этого я даже не замечаю, в какой момент девушка, которую держу в объятиях, просто исчезает.

Вода успокаивается, а я снова остаюсь один и в полном недоумении.

Неужто Гайла всё-таки была магической аномалией? Не знал, что они умеют разговаривать... Или, может, это настолько реалистичная галлюцинация? Не хотелось бы — мне мозги в нормальном состоянии пригодятся.

Сидеть в воде и дальше не вижу смысла. Охладился так охладился — о прежней своей злости даже не вспоминаю.

Выхожу из купальни и брезгливо натягиваю сухую одежду прямо на мокрое тело. В следующий раз полотенце надо захватить что ли...

С этими мыслями оказываюсь на улице. По всему видно, что приближается вечер. А значит, мне пора возвращаться к троллю. Ничего, три дня его компанию как-нибудь перетерплю. И не с такими договариваться приходилось. А тут достаточно просто не обращать на него внимания.

Тропинка, ведущая обратно к охотничьему домику, обнаруживается легко. Но стоит мне на неё ступить, как в глазах резко темнеет. Меня ведёт в сторону — прямо к стволу какого-то дерева. Повезло, потому что иначе я грохнулся бы прямо в траву.

А так — стою себе, с деревцем обнимаюсь. Но дурно мне так, как не случалось во времена самого жестокого похмелья. Что со мной?

Будто в ответ в голове всплывают обрывки фраз: «зачерпнула», «лакомый кусочек». Она за это извинялась?! Вот же...

Пока я переживаю очередной шок от столкновения с местной реальностью, из леса выходит Капец. Собранный, деловитый, будто секретарь в офисе главного босса. Видит меня и удивлённо вскидывает брови.

— Вот скажи мне, Капец, — в сердцах произношу, позабыв о злости на этого тролля. — Почему тут у вас все такие сволочи?

— Потому что жизнь такая, — он равнодушно пожимает плечами. — Планы изменились, Макс. Мы немедленно возвращаемся. Тебя требует к себе Иерарх.

Глава 13

Свои

У меня аж в глазах темнеет — то ли от злости, то ли от слабости.

— То есть, способ вернуться домой вотпрямецас у нас всё-таки был? — ровным голосом спрашиваю тролля. — Ну и брехло же ты, Капец.

Он хмуро качает головой и сухо информирует:

— Пространственный туннель был заблокирован Иерархом лично. Только ему такое под силу. Никакого обмана с моей стороны не было.

Что ж, хоть одна приятная новость за сегодня.

С трудом отталкиваюсь от полюбившегося дерева и зигзагами выползаю на тропинку. Капец смотрит удивлённо, но ни о чём не спрашивает. Знает, гад, что ничего не расскажу.

— Пшли, — взмахиваю рукой в нужную сторону. У меня даже язык с трудом ворочается, но дольше оставаться здесь, если уж выпала возможность убраться, я не намерен. Как-нибудь доползу.

Капец упирает руки в боки:

— И как ты себе это представляешь? Ты же едва на ногах держишься. Давай помогу что ли.

И тянет свои грабли ко мне. Помощничек.

— Отвали!

Яростный взгляд и резкий окрик — это всё, что я сейчас могу себе позволить. Но Капец замирает, будто натывается на стену. Раздражённо фыркает и резко стартует в сторону домика. Я кое-как тащусь следом. Через пару десятков шагов тролль притормаживает и идёт дальше, старательно принаравливаясь к моей скорости.

Это ж как надо бояться, что я сбегу! Чувствую себя, будто под конвоем. Странное ощущение. В прошлой жизни доводилось его на себя примеривать всего лишь мысленно: всё-таки по роду деятельности мои шансы загреметь на нары были совсем не иллюзорными. Но удалось меня прищучить только Николаичу. Да и тот в результате плохо кончил.

Зато в новом мире мне зачем-то выдали бестолкового няньку-охранника, который лоб себе готов прошибить от усердия. Карма, бумеранг? Ещё немного, и я точно в эту муть поверю.

Вопреки ожиданиям, идти с каждым шагом становится только легче. Будто от движения мой организм подзаряжается. Стоит, наверное, сказать спасибо моей способности неосознанно вытягивать из своего Источника энергию.

— Слышь, Капец, — произношу, как только опасность хлопнуться в обморок, будто припадочная девица, совсем от меня отступает. — Ты знаешь, зачем Иерарх меня вызывает?

Ожидая, что тролль снова станет кочевряжиться, но он отвечает вполне нормально:

— Мне не сообщили. Могу только предполагать.

— И что ты думаешь? — идущий впереди Капец бросает на меня косой недоверчивый взгляд, так что я считаю нужным пояснить, почему спрашиваю. — Для тебя логика Иерарха в любом случае понятнее, чем для меня.

Капец кивает и отвечает, больше не оборачиваясь:

— Слухи о тебе разнеслись быстро. Главы других семей твоего клана боятся потерять влияние на Иерарха. Боятся нарушения статус-кво. В качестве наследника ты им не выгоден.

— Почему? — тут же отзываюсь я, пользуясь внезапно возникшим у тролля желанием поболтать. — Я ж не собираюсь устраивать революцию.

Капец по-прежнему терпеливо объясняет, загибая пальцы:

— Если ты станешь наследником и каким-то образом сумеешь в этом качестве выжить, власть твоего отца внутри рода укрепитя. Раз. Влияние клана твоей матери на ваши внутренние дела тоже возрастет. Два. Кайзер непременно вмешается ради того, чтобы Иерархи Воскресенских и Темновых окончательно не спелись за его спиной. Три. Только этого достаточно для неизбежного передела сфер влияния. Многим семьям в клане это не выгодно.

— Масштабно вы тут мыслите, — присвистываю я. — А кайзер — это у нас что-то вроде императора?

— Это правитель Великой Росии, — как ни в чём не бывало отвечает Капец. — У него с вашим Иерархом... традиционно сложные отношения.

— Это в каком смысле? — настораживаюсь я. Сложные отношения с правителем не есть хорошо, правильно ведь?

— Да так, дело давнее, — будто бы смущается Капец. — Кайзер ведь у нас как избирается?

— Как?

— Все кланы в нужное время выставляют своих кандидатов. Но общим голосованием выбирают всегда кого-то из Константиновых. Управленцы они, что с них взять, — Капец тяжело вздыхает. — А лет пятьсот назад Иерарх Воскресенских взял — и на спор сам стал правителем.

— На спор? — у меня подобное разгильдяйство даже в голове не укладывается. — Серьёзно?

— Ага, — тролль издаёт смешок, будто неприличный анекдот рассказывает. — За него почти все проголосовали. Кого-то уговорил, кого-то запугал. Правил, правда, всего три дня. Потом заявил, что эта тягомотина подходит только для слабоумных. И официально передал власть кандидату от Константиновых.

— Погоди, — останавливаю развеселившегося тролля. — Это было пятьсот лет назад! Кто-то всерьёз до сих пор об этом помнит?

Капец охотно кивает:

— Конечно. Кайзер-то с тех пор ни разу не менялся. Так обозлился, что даже преемника теперь не хочет готовить. Видать, вечно править собрался.

А я и забыл, сколько тут люди живут! Интересно, кстати, узнать точные цифры. Спрашиваю у словоохотливого тролля, пока привычный зазнавшийся Капец где-то отсутствует.

— Чисто теоретически, — отвечает он, — маги способны жить вечно. На практике же больше тысячи лет пока ни у кого не получалось. Слишком много переменных.

На этой оптимистической ноте мы выходим к охотничьему домику, где и обнаруживается ставшая активной точка входа в пространственный туннель. Капец тут же принимается её настраивать.

К этому времени чувствую я себя уже вполне сносно, поэтому злость на Гайлу трансформируется во что-то, подозрительно напоминающее восхищение. Ну какова чертовка, а?!

Капец, неожиданно открывшийся с нормальной стороны, тоже радуется. Вот нельзя было

сразу так себя вести?

— Ты же так ничему не научишься, — недоумённо отвечает тролль, когда я его об этом спрашиваю. — Нет необходимого вовлечения и накала.

Он заканчивает настройку, и прямо на траве перед домиком появляется светящийся круг. Перед тем, как в него войти, останавливаюсь, чтобы сообщить троллю кое-что важное. В поместье Иерарха скорее всего не до того будет.

— Ты не поверишь, — говорю с усмешкой, — люди иногда могут просто учиться. Без плясок с бубном. Передо мной не надо спектакль разыгрывать, чтобы я тебя слушал. Я тебе что, трёхлетка?

Вопрос повисает в воздухе, а я вхожу в телепортационный круг. И тут же оказываюсь перед парадным входом в здание, в котором с трудом узнаю пафосное жилище Иерарха. Ещё бы не с трудом — с этой стороны я его ещё ни разу не видел!

В меня немедленно вцепляется Орлина, которая перед моим появлением старательно меряла шагами мощёную площадь перед зданием.

— Вернулся! — выдыхает она, с тревогой заглядывая мне в лицо. — Это я попросила Иерарха прервать твоё обучение. У тебя ведь всё получилось, да?

Неловко киваю:

— Более или менее.

А сам поглядываю в сторону довольно приличной толпы, которая кучкуется неподалёку. Состоит она в основном из мужиков разных возрастов и комплекций. Они увлечённо что-то обсуждают.

Не «что-то», а «кого», понимаю я, когда вся эта когорта дружно впивается в меня взглядами. И все как один смотрят неласково, будто на кота, не только сожравшего сметану из крынки, но и туда нагадившего. Ясно одно — церемониться со мной они точно не станут.

От компании родственников отделяется один, внешне здорово напоминающий Сердия. Только куда старше и безобиднее оригинала. Орлина сжимает моё плечо так, что становится больно. Кладу ладонь ей на руку — может, успокоится.

Китайская копия Иерарха между тем подгребает к нам. Остальные тянутся следом, причём вовсе не так яростно и решительно, как ожидалось.

Боятся, значит. Неплохо для начала переговоров.

— Вот и ты, Максин, — деланно-дружелюбно произносит копия. Раскрывает объятия, но держится настороже. Смотрю брезгливо: вот ещё, с левыми мужиками обниматься!

Вместо этого неприветливо представляюсь:

— Я Макс. С этого момента называйте меня только так. Никаких больше Максинов.

Улыбочка на физиономии копии превращается в оскал. Но голос по-прежнему звучит ровно, почти дружелюбно:

— И чем же тебя не устраивает имя, данное родителями и благословлённое предками?

Нахально ухмыляюсь:

— А вы с какой целью интересуетесь? Я такие интимные вопросы с первыми встречными не обсуждаю.

— Я не первый встречный! — театрально возмущается копия. — Я Ангвар Воскресенский, если ты забыл.

Вместо того, чтобы ему ответить, поворачиваюсь к Орлине:

— У меня вопрос. Мне точно надо его помнить?

Женщина сладко улыбается самозванному Ангару и пожимает плечами:

— Как хочешь, дорогой. Теперь ты тут главный. После нас с Иерархом, разумеется.

В её глазах пляшут бесенята. Кажется, Орлину происходящее полностью устраивает. А вот Ангвар, кажется, готов нас испепелить.

— Придержи язык, тёмная, — зло приказывает он. — Это внутренние дела клана Воскресенских. Тебя они не касаются.

Группа поддержки за спиной Ангара согласно шумит. Орлину, впрочем, так легко не заткнуть.

— Ты ещё вспомни, из какого клана твоя мамаша, — насмешливо произносит она. — Может, тебе тоже помалкивать?

Ангар сердито пыхтит, толпа волнуется. Видно, выяснять своё происхождение мало кто горит желанием. Забавно.

Трогаю Орлину за плечо и максимально громко шепчу:

— А почему он считает, что жениться надо только на близких родственниках? Это какое-то извращение? Он болен?

— С чего ты взял, что близким, сопляк?! — теперь всерьёз возмущается Ангар. — В нашем клане достаточно достойных семей...

Он замолкает, сообразив, что над ним просто издеваются.

— Да хватит с ними болтать! — из толпы, явно в поддержку подувядшему Анггару, выступает ещё один родственник. Здоровенный рыжий мужик, даже, пожалуй, парень лет двадцати пяти. Хотя кто их с этой вечной жизнью тут разберёт!

Он явно относится к тому типу людей, которых хлебом не корми, дай только подраться. Одна угрожающая поза чего стоит. А ещё у него развитая мускулатура — значит, не просто выделяется. Зато он вряд ли сильно одарён по магической части. Местным магам, насколько я уже понял, просто нет нужды заниматься рукопашеством и ногомашеством — у них другие тренировки. Поэтому физические упражнения у большинства виденных мной аборигенов не слишком в почёте, как и физическое вразумление оппонента.

Впрочем, тот же Сердий явно кое-что умеет, хоть и предпочитает более привычные магические способы.

Ладно, потом разберусь.

Когда над тобой нависает противник под два метра ростом, думать о чём-то ещё просто не получается. Ненавязчиво задвигаю Орлину себе за спину.

Но рыжий пока не думает нападать. У него явно есть, что мне сообщить перед тем, как перейти к делу.

— Ты! — некультурно тычет пальцем мне в грудь. — Главы семей тебя никогда не поддержат! Мы прибыли, чтобы объявить протест произволу Иерарха. Настоящий наследник — Игор, ясно тебе, пустышка?

— Рыбак рыбака видит издалека? — ухмыляюсь я. Непонимание отражается на физиономии самозваного Игорова защитника. — В смысле, от пустышки слышу.

Уж не знаю, что именно ему не нравится в моих словах. Наверное, то, что они попадают в точку. Потому что рыжий громила, так и не удосужившийся представиться, замахивается на нас с Орлиной.

Моё тело мгновенно подбирается, готовясь принять удар.

Но тут, как чёрт из табакерки, откуда-то из-за спины выворачивает Капец собственной персоной! Тыкает родственничка то ли в шею, то ли в верхнюю часть туловища — толком даже не успеваю увидеть, куда именно. Рыжий разочарованно всхрапывает и валится наземь

— прямо под ноги Капеца и Ангвара. Тролль возвышается над поверженным, сложив на груди руки и яростно полыхая глазами.

— Нападение на члена правящей семьи, — негромко, но внушительно вбивает он слова, будто гвозди в крышку чьего-то гроба. — Да ещё и в поместье самого Иерарха. Готов ответить за последствия, Эма?

Неприлично прыскаю, привлекая неодобрительное внимание родственников. Даже Орлина смотрит удивлённо. А я что, виноват, что у вас тут имена такие странные? Машу руками, старательно маскируя смех под кашель.

— И ты здесь, Капец, — уныло произносит вместо побитой Эммочки Ангвар. — Шавке Сердия лучше быть к нему поближе.

— Иерарх там и без меня разберётся, — легкомысленно отмахивается тролль, даже не пытаясь спорить с гордым званием шавки. — Моя задача — порядок на подвластной ему территории. И безопасность его семьи.

Ух, как заговорил, ушастый! Прямо соловьём разливается! Напомнить ему что ли, как весело было сегодня в лесу, а потом в его идиотской магической имитации? Безопасность его моя заботит, ага, как же.

Но я, разумеется, молчу. Сейчас мы с троллем вроде как на одной стороне, и собачиться на радость супостатам нам точно не с руки. Тем более, я ему итак уже всё сказал.

Соратники с трудом поднимают рыжего Эму на ноги, отводят в сторонку и усаживают на лавочку. Ангвар задумчиво провожает его глазами.

— Порядок, говоришь? — задумчиво произносит он. — А как же соблюдение договорённостей? Как же договор, который скоро пойдёт сороке под хвост? Об этом ты позаботиться не хочешь?

Капец улыбается во все клыки:

— Это ваши проблемы. Твои и толпы неудачников, которые прибежали за тобой обивать здесь пороги.

«Неудачники» обиженно шумят, но громко требовать извинений у зазнавшегося тролля не спешат. Наверное, не так уж он и неправ в своей оценке.

На самом деле, если присмотреться, активно недовольны только те, кто стоит прямо за спиной Ангвара. Остальные, хоть и держатся к ним поближе, наблюдают за происходящим как за представлением. Обычное дело: профит от Игорова наследничества вряд ли имеют многие. И даже если приходят возмущаться, то скорее мечтают урвать что-нибудь себе, чем на самом деле переживают за наследство.

Каждый соблюдает исключительно свои интересы. А значит, практически с каждым здесь можно договориться. Просто я пока не знаю, с какой стороны к ним подъехать.

— Ишь ты, — цедит тем временем непримиримый Ангвар. — Какой-то модифицированный уродец учит жизни высшую знать. Ничего, семейный совет только начинается. Посмотрим, как ты запоёшь по его итогам.

С этими словами нелегальная копия Сердия разворачивается и отходит в сторону. Поближе к своему полудохлому страусу Эму, не иначе.

Рука Орлины, по-прежнему цепляющаяся за моё плечо, заметно расслабляется.

— Спасибо, Капец, — произносит женщина.

— Я не для тебя это сделал, — недовольно бурчит тролль. — Ты сама повинна в этой ситуации. Теперь будешь расхлёбывать.

— Сними лучше белые одежды, — хмыкает Орлина. — Жизнь всех замазает. И ты,

Капец, чистеньким не останешься.

Широко зеваю. Утро для меня началось рано, день выдался... сложным и разнообразным, а вечер — немного нервным. Теперь больше всего на свете мне хочется спать. Да и раздражает, что я ни шиша не понимаю.

— А в чём проблема-то? — спрашиваю. — От пары ударов я бы не сломался. Да и не факт, что он сильнее.

— Внутри поместий магические поединки лучше проводить по всем правилам, — объясняет Орлина. — Иначе обоих участников накажут.

— Почему?

Женщина вздыхает:

— Особое указание кайзера. «О сдерживании разрушительных порывов магической аристократии» — как-то так этот свод правил именовался.

Вспоминаю стычку Орлины с Иерархом, да и своё сражение с папашей. Что-то никто из них никакими правилами не ограничивался.

— Это другое, — охотно поясняет мать. — Дела семейные регламентируются с помощью «Родительского декрета» и предполагают чуть большую свободу отношений. Да и ввязывать в них кайзера никто не станет. Разве что в оочень исключительных случаях.

— То есть, близкие родственники морды друг другу могут чистить беспрепятственно, а дальние — только по регламенту? — недоверчиво интересуюсь я.

— Что-то вроде этого, — кивает Орлина.

— На самом деле тебе сейчас ни в какие разборки вступать не стоит, — вмешивается Капец, демонстративно потирая левую сторону физиономии — как раз там, куда несколько часов назад прилетел мой удар. — Последствия могут быть весьма неожиданными.

— Да почему именно для меня-то? Этот рыжий придурок первым напал!

— Этому придурку, — веско произносит Капец, — одним наказанием больше, одним меньше — не важно. Да и не станут к нему сильно прикапываться. Зато с тобой кайзер церемониться не станет. Только потому, что ты сын своего отца. Который, в свою очередь, повязан с насолившим ему когда-то Иерархом. Так понятнее?

Неохотно киваю. Да уж, яснее некуда. Видно, подстава от родственников тут — святое дело.

— Ладно, — со звонким хлопком соединяю ладоши. — Где тут у вас спят? Боюсь, назад в лазарет Фати меня не пустит.

— Идём со мной, — тут же отзывается Орлина. — Я покажу тебе твою комнату.

Мы входим в дом Иерарха с парадного входа. Проходим через огромный холл, чтобы выйти на задний двор и отправиться в дом матриарха, где Максин жил вместе с маменькой. Мне же сейчас что угодно сгодится, лишь бы отдохнуть.

Мимо проходит стайка девушек, судя по одежде — прислуга. Симпатичные, но сейчас мне вовсе не до них. И тут краем глаза улавливаю знакомые черты.

Сонливость как рукой снимает.

Хватаю одну из девушек за руку и резко разворачиваю к себе. Выдыхаю, глядя в родные карие глаза:

— Это ты, Вера?!

Глава 14

Под прицелом

— Чего? — глаза девушки округляются. Слишком испуганной она не выглядит, скорее, удивлённой. Хотя я, наверное, сейчас похож на маньяка.

Ещё бы!

Ведь та, кого я уже не чаял увидеть среди живых, — вот она, прямо передо мной!

Совсем юная, такая, какой была много-много лет назад. Хлопает пушистыми ресницами, нервно покусывает пухлые губки и перебирает длинными пальчиками подол простого, такого же как у остальных служанок платья.

Жадно вглядываюсь в её лицо, надеюсь, что промелькнёт хотя бы тень узнавания. Напрасно! Оправившаяся от первого удивления девушка вежливо улыбается и аккуратно пытается высвободиться из моего захвата.

Кто-то трогает меня за рукав.

— Вы ошиблись, господин, — звонко произносит одна из сопровождающих Веру девиц. — Её зовут Вирра. Она работает на господина Ангвара.

Да плевать мне, как её тут называют и на кого она работает! Главное — Вера, моя Вера теперь здесь, со мной.

Так вот почему после смерти я оказался в этом мире!

Нам с Верой дали второй шанс, и теперь я его точно не упущу!

— Ты что творишь! — резкий, будто удар хлыстом, окрик Орлины, возвращает мои поплывшие было мозги на место. И правда: вокруг меня слишком много опасностей и недоброжелателей, чтобы привлекать их внимание ещё и к Вере.

С сожалением отпускаю девушку и отступаю в сторону.

Но Орлина не унимается.

— Бесстыжая девка! — почему-то напускается она не на меня, а на потупившуюся Веру. — На всё пойдёт, лишь бы в постель запрыгнуть! На что хоть надеешься? Как будто своих распутниц не хватает, приезжие туда же...

— Уймись, — произношу негромко, подходя к матери Максина вплотную. — Ещё слово, и я за себя не ручаюсь.

Орлина сверкает на меня сердитыми глазами и обращается к застывшим девушкам:

— Проваливайте.

Тех дважды просить не надо: срываются с места, будто стайка испуганных воробьёв.

— Идём, — а это Орлина уже мне. Голос такой сухой и холодный, что кажется, температура вокруг упала на два-три градуса. — Поговорим в твоих покоях.

И уходит, не дожидаясь ответа. Я с сожалением бросаю взгляд в сторону, куда убежала Вера, но там, естественно, уже никого нет. Ничего. Теперь я знаю, что она существует в этом мире. А значит, теперь Вера точно никуда от меня не денется.

Да-да, звучит не очень, но я просто не могу снова её потерять!

Моё воодушевление так велико, что я не замечаю ни тяжёлого молчания Орлины, ни окружающего пейзажа, красиво подсвеченного к вечеру таинственными огоньками.

Мы быстро добираемся до краснокирпичного дома матриарха, входим через парадные двери и поднимаемся по широкой лестнице на второй этаж. Там Орлина сворачивает налево и широко распахивает ещё одну двустворчатую дверь в конце короткого коридора.

— Хозяин вперёд, — мрачно произносит она, кивая на вход. Пожимаю плечами и захожу внутрь полутёмного помещения. Стоит мне оказаться там, как по всей комнате вспыхивают светильники. Быстро оглядываюсь. Это место — что-то вроде небольшой гостиной. Здесь мне нравится: спокойные тона, дорогая на вид мебель и отделка. Немного старомодно, но для меня это скорее плюс, чем минус.

Орлина входит за мной следом, плотно прикрывая двери. Подходит ко мне и с суровым видом останавливается прямо напротив. Кажется, сейчас деда Макса будут чехвостить.

— Даже не думай с ней путаться, — не разочаровывает любящая родительница. — И ни с кем из чужих — тоже.

— У тебя не спросился, — отвечаю грубо, хоть отчасти и понимаю, по какой причине Орлина затеяла этот разговор. Но со своими делами я и сам разберусь — пора бы ей уже это усвоить.

Женщина раздражённо фыркает и принимается ходить туда-сюда, активно жестикулируя:

— Да как ты не понимаешь, Макс! У нас, здесь, все служат в первую очередь Иерарху. В других семьях клана так же — люди верны прежде всего своим главам, а уже потом твоему отцу.

— И?

Орлина резко останавливается и почти выкрикивает:

— Всё, что ты возьмёшь у других, может быть использовано против тебя! Особенно у Ангвара! Ты ведь сам знаешь, какой он!

— Какой же?

Мать рывком перемещается ко мне вплотную и говорит, негромко и очень быстро:

— Шутишь? Или тоже не помнишь? Он сын прошлого Иерарха! Все были уверены, что старик сделает наследником его. И он сделал: отдал ему личные владения, а титул и клановые ресурсы завещал Сердию. Как думаешь, насколько добрые чувства родной сын испытывает к удачливому выскочке? А теперь ещё и ты можешь забрать звание преемника у Игоря, за которого Ангвар сейчас горой. Всё ещё не понимаешь, да?

Отрицательно мотаю головой.

Всё я прекрасно понимаю. Но для меня эти ваши титулы Иерархов с наследствами впридачу — просто мышьяная возня. Я и в поместье этом до сих пор оставался просто потому что без понятия, куда в принципе в этом мире податься. А ещё здесь не настолько плохо, чтобы сбегать в неизвестность. Но слишком долго с папой и мамой Максина я жить в любом случае не планирую, это факт. Так что пусть Игор в качестве наследника и отдувается, ему подходит.

Другое дело, что никому чистоту своих намерений не докажешь. Злобные родичи ни за что не поверят, что кому-то их титулы нахрен не сдались. А добрая Орлина и прибить за такие разговоры может — вон как рьяно нацелилась усадить сыночка на тёплое Иерархово место.

В общем, просто так от навязываемой родителями судьбы не сбежишь. Но теперь, когда я встретил Веру, для меня нет ничего невозможного.

— Ладно, как скажешь, — говорю как можно равнодушнее. — Только зря ты на девушку так вызверилась. Она не виновата, это я её схватил.

— Ничего, с неё не убудет, — отмахивается Орлина. — Всё равно изола только об одном и думают.

— Кто?

— И-зо-лы, — по слогам произносит женщина. — Те, кто изолирован от Источника.

Обычные люди.

— А мы, получается, необычные?

Орлина кивает:

— Естественно. Венец эволюции людского рода. Спасители и правители рода человеческого. Перечитай историю, там много об этом.

Историю-то я, конечно, почитаю. Только не привык я людей на сорта делить. И не привыкну. Мне вот без разницы, есть у Веры привязка к Источнику или нет. Главное, что я снова нашёл её и уже никуда не отпущу!

— Ладно, — покладисто соглашаюсь, чтобы не развивать тему. — Расскажи лучше, с какой целью здесь собрался весь этот зоопарк.

Орлина явно решает, что в ногах правды нет, и грациозно усаживается на диванчик. Жестом приглашает меня разместиться напротив. Кажется, разговор предстоит долгий.

— Они специально подгадали момент, когда тебя не будет, — заговорщически сообщает мать, как только я усаживаюсь на указанное место. — Хотели сделать всё по-тихому.

— Что именно сделать? — прищуриваюсь я.

Да, становиться наследником и следующим Иерархом я не собираюсь. Но это не значит, что я согласен терпеть козни и интриги всякой швали! Не хватало ещё, чтобы они посчитали себя вправе что-то мне указывать.

Орлина откидывается на спинку дивана и складывает руки на груди:

— Совет клана. Хотели стребовать с Иерарха гарантии, что в дальнейшем никаких изменений в порядке наследования не будет.

— А он бы согласился?

— Кто знает? — Орлина нервно передёргивает плечами. — От этого гада всего можно ожидать.

Гад-то он, конечно, гад. Но раньше времени вызволить меня из охотничьего домика согласился. А значит, тоже не хочет слушаться какого-то там совета.

Удовлетворённо хмыкаю:

— По-тихому, как я понимаю, у них теперь не получится.

Она усмехается:

— Верно понимаешь. Теперь, когда все заинтересованные стороны в наличии, совет проведут как положено, в течение недели. И опросят всех без исключения. Только после этого решат, кто из вас с Игорем больше подходит на роль Иерарха.

И как, интересно, они это поймут?

— Мне кажется, они суетятся раньше времени, — дипломатично говорю я. — Сердий вроде как помирать не собирается.

— Так предыдущий тоже как бы жив, — огорошивает меня Орлина. — Сидит себе в каком-то ските, экспериментирует по обыкновению на каких-нибудь несчастных. Он тот ещё чудака. Одна ссора с кайзером чего стоит.

О, ещё один милейший родственник? Отлично. Мне его как раз для полного счастья не хватало.

— Иерархи готовят себе преемников чуть ли не с рождения, — продолжает тем временем Орлина. — И дело даже не в том, чтобы он всё знал и умел. А в том, чтобы с его кандидатурой было согласно большинство членов клана. Но бывший Иерарх поменял своё

решение буквально за ночь. Из-за такой резкой перестановки твоему отцу в своё время пришлось несладко, да и до сих пор аукается.

— Подложил папаше свинью, — киваю я. — И зачем он такое сделал?

Орлина разводит руками:

— Никому не известно. Сердий может знать, но не признаётся. У них с приёмным отцом всегда была особая духовная связь.

Вспоминая сухаря Сердия, трудно поверить в его сколь-нибудь развитую духовность. Наверняка эта байка была придумана для навешивания лапши на уши доверчивых родственников. Только не больно-то помогло, как я погляжу.

Ладно, довольно на сегодня пустых разговоров.

— Так, — негромко хлопаю в ладоши. — Какой в связи с этим у нас план действий?

— Во-первых, — Орлина с такой готовностью загибает палец, будто только и ждала моего вопроса, — постарайся не вестись на провокации. А уж если на тебя напали, ни в коем случае не используй магию.

— Ага, подставь вторую щёку и отползай в сторону кладбища, — скептически хмыкаю я. С такими идеями им и семейный совет ни к чему. Прибьют тихонько и прикопают где-нибудь под яблоней.

— Во-вторых, — глазом не моргнув, продолжает Орлина, — никуда не ходи один. Этот дом защищён от посторонней магии, а на улице тебя будет сопровождать Капец или я.

— Ага, великолепно, — бурчу недовольно. — Только я этого тролля уже уволил к чертям.

— Очень смешно, Макс, — по голосу женщины слышно, что ей совсем не весело. — Егс нельзя уволить. Он принадлежит бывшему Иерарху.

— В каком смысле?

Орлина закатывает глаза.

— По закону теу-модифицированные считаются лишь условно-живыми и принадлежат создателю. Или тем, кому он их передал.

— Как раб что ли?

— Скорее как домашнее животное.

Ничего себе! Ещё немного, Капец, и я стану тебе сочувствовать. Самую малость.

— Не забивай этой ерундой себе голову, — с некоторым беспокойством произносит Орлина, взглядываясь в моё лицо. Видимо, его выражение оказалось совсем не таким, как она ожидала. — У тебя есть более важные дела.

— Согласен, — вздыхаю я. Они тут сотнями лет таким макаром живут, и ничего. Не моё дело в чужой монастырь со своим уставом. — Продолжай.

— В течение этой недели Капец каждое утро будет ждать тебя за дверями. Если там вдруг никого не будет, один ни в коем случае никуда не выходи.

Киваю. Шпионские страсти какие-то.

— В первые два-три дня на совет тебя точно не вызовут, — объясняет Орлина. — Будут решать другие вопросы. Их тоже немало накопилось, не только порядок наследования. Настоящая борьба начнётся после, когда обсудят всё второстепенное.

Видя воинственный блеск в её глазах, даже не сомневаюсь, что Орлина настроена побеждать. Бедный Максин. Задолбала небось мамка со своими заморочками. Ей бы самой наследницей Иерарха сделаться что ли.

Но раз уж я пока на это подписался, пойду до конца.

— А что хоть там говорить надо будет?

Орлина отмахивается:

— До нужного момента придумаем. Надо хотя бы первого заседания дожидаться, разузнать, кто чем дышит. Я там не участвую, но надёжные информаторы у меня имеются. Так что подготовимся как надо. И размажем этих сморчков!

На последней фразе она резко сжимает руку в кулак с таким зверским выражением лица, что мне становится даже жаль тех сморчков, которые пока даже не подозревают о своей участи.

Потом я вспоминаю их недовольные рожи и жаль быть перестаёт.

— Ладно, — Орлина встаёт с дивана и расправляет длинную юбку. — Пора и честь знать. Я пришлю кого-нибудь с ужином. А ты отдыхай.

Из вежливости провожаю женщину до двери. Она уходит, а я наконец остаюсь один. Да не в месте общественного пользования, как раньше в лазарете, а в собственных покоях, защищённых от любого вторжения.

Слишком хорошо, чтобы быть правдой.

Для начала осматриваю помещение. Покои, справедливости ради, не такие уж обширные. Комнат всего три: уже знакомая мне гостиная, огромная спальня с ванной и гардеробной. А ещё маленькая скромная комнатка с гораздо менее впечатляющими удобствами.

В спальне моё внимание привлекает металлическая коробка, установленная на самом видном месте. В ней я признаю тот самый сейф, в котором бедняга Максим хранил свои сбережения. Кажется, эта штука открывается с помощью отпечатков пальцев.

Осматриваю коробку со всех сторон в поисках сканера. Не нахожу ничего похожего и пытаюсь просто открыть дверцу. Удивительно — та легко открывается! То ли сейф умеет считывать отпечатки всей поверхностью, то ли он так и стоял открытым.

Деньги, впрочем, оттуда никуда не делись: коробка набита чем-то, слишком напоминающим знакомые по прошлой жизни банкноты. Рисунки на них, конечно, другие, но ощущения, когда держишь их в руках, те же самые.

Куча денег настолько отвлекает внимание, что я не сразу замечаю тонкую тетрадку, похороненную под всем этим богатством. Аккуратно вытягиваю её из-под кучи и осматриваю со всех сторон.

Тетрадка как тетрадка. По толщине, пожалуй, как школьная. Только обложка сделана то ли из тонкой кожи, то ли из чего-то её напоминающего.

Вряд ли какую-нибудь ерунду будут хранить в сейфе, правда?

Но сунуть свой нос в Максиновы тайны мне не удаётся: в комнате раздаётся мелодичный звон, напоминающий дверной звонок. Может, это принесли обещанную Орлиной еду?

Прячу тетрадь во внутренний карман, иду открывать дверь — и сразу оказываюсь под прицелом знакомых синих глаз. Ух, я за всеми этими заботами уже забыл о Максиновой девице с распиской. Сколько он ей там должен был?..

Девушка, сверкая глазами, толкает перед собой тележку с едой и выглядит так, будто что угодно готова взять на таран — хоть дверь, хоть меня, хоть самого Иерарха.

— Долго же вы прохлаждались, барин, — с упрёком произносит она, останавливаясь рядом с диванчиками. — Я уж думала, сбежать решили.

— Воскресенские не сбегают, — пафосно произношу, разглядывая девицу. — Лучше

скажи, ты расписку принесла?

— Спрашиваете! — девушка выхватывает из кармана заранее подготовленную бумажку и подаёт мне.

Хм. И правда расписка.

— Сана — это точно ты? — понимание, что вопрос идиотский приходит прямо во время произнесения. Максин-то точно знал, кто такая Сана!

Девушка, впрочем не обижается:

— Обижаете! — фыркает она. — Во всём поместье только одна Сана и есть, и она — это я!

— Это для порядка, — неубедительно отмазываюсь я. — Так уж заведено. Жди здесь.

Возвращаюсь в спальню и забираю из сейфа банкноту в сто рублей. Подумав, беру ещё одну, такую же.

— Вот, держи крепче, — вручаю денежку заметно подобревшей девушке. — А это, — показываю вторую, — отдам, если разузнаешь всё про Вирру.

Глаза Саны алчно вспыхивают.

— Это которая сегодня с господином Ангваром прибыла? Разузнаю, почему нет. Всю подноготную выгребу, будьте спокойны!

Удовлетворённо киваю:

— Сто рублей — это первая несгораемая сумма. За более ценную информацию плата будет выше. Но только при одном условии.

— Каком? — Сана подбирается, будто собака, учувшая угощение.

— Никто об это не должен знать. Особенно — сама Вирра.

Девушка кивает так энергично, что косынка сваливается.

— В лучшем виде сделаю, господин.

— Отлично. А теперь можешь быть свободна.

Сана с сомнением смотрит на столик с едой:

— А как же вы? Как же ужин?

Равнодушно машу рукой:

— Уж с ним-то я справлюсь. Иди. Где-то через час заберёшь посуду.

Девушка согласно кланяется и наконец уходит. А я с любопытством снимаю крышки с тарелок. Еда как еда. Какое-то мясо, пара кусков пышного хлеба, овощи, фрукты.

Ну наконец-то нормально поем!

Ножи, вилки — в сторону.

Собираю себе бутерброд и усаживаюсь на удобный диванчик. Откусываю приличный кусок и открываю наконец загадочную тетрадку.

«Если вы читаете это, значит меня уже нет в живых».

Отличное начало, я считаю. Кажется, Максин всё же не такой дурачок, каким пытался казаться. Пожалуй, чтиво может быть довольно занимательным.

Делаю второй укус и закашливаюсь: в дверь снова кто-то звонит. Сане опять что-то понадобилось? За посудой вроде как рано.

Ну, держись, девка, если у тебя ничего важного!

Рывком открываю проклятую дверь и застываю на пороге, разом растворившись в тёплом взгляде родных карих глаз.

Глава 15

Ночные хлопоты

Вера сразу же прячет взгляд, но тихо и нерешительно спрашивает:

— Можно... войти?

Безумная надежда ударяет по мозгам не хуже крепкого алкоголя. Получается, Вера тоже меня узнала? Поэтому сейчас здесь?! Но выдавать себя раньше времени вопросами я не собираюсь. Пусть сама всё расскажет. С приглашающим жестом отступаю в сторону, а сам жадно пожираю взглядом ладную девичью фигурку в тонком светлом платьице.

Слишком тонком, — с трудом соображает уже затянутый розовой дымкой мозг. Это в моём старом мире в подобной одежде можно по улицам гулять, никто слова не скажет. А здесь в моде корсеты и подолы до самого пола.

Платье же Веры здесь сойдёт за ночнушку. Ещё и подол довольно короткий — обнажает босые ступни по щиколотки.

Стоп.

Она ещё и босиком пришла?

Романтический туман выдувает из моей головы со скоростью мысли. С чего бы Вере сейчас ко мне приходиться? Даже если она, как и я, переселилась после смерти в этот мир и помнит прошлую жизнь, вряд ли у неё получилось бы меня узнать. Ведь нынешний я внешне совсем не похож на предыдущего, даже в молодости. Имя назвал? Так оно созвучно с тем, что она носит в этом мире.

Скорее уж девушка должна была меня испугаться. Шутка ли — здоровенный детина накинудся ни с того ни с сего, за руки хватает. Ещё и член конкурирующего семейства — если тут правда этому такое значение придают. Мало ли что у меня на уме!

И вот она вместо того, чтобы бежать от сумасшедшего куда подальше, стоит на пороге моих покоев чуть ли не голышом.

Любовь с первого взгляда? Не смешите. В эту ерунду я верю ещё меньше, чем в какого-нибудь бога.

Увидела интерес и решила ковать железо пока горячо? А что — «горячо»? Ничего особенного я ей не предлагал, никуда не зазывал. На дурочку она вроде не похожа, так что обязательно попыталась бы сначала прощупать мой интерес. Столкнулась бы со мной в укромном месте, например.

В общем, никуда ничего не вяжется. Разве что это у них тут такой обычай, о котором я не знаю. Ну или это персональная Максинова особенность — за которую девушку схватился, та к нему ночью и приходит. Хотя та же Сана явно не стеснялась сама прибегать.

А не слишком ли изошрённо я мыслю? Скорее всего, всё гораздо проще.

Мой интерес к Вере наверняка заметили. И кто-то из родственников — например, Ангвар — тут же начал действовать. Шустрый для такого старикана. Подложить сопернику по бизнесу девку — что может быть естественнее.

Хоть и противно думать, что кто-то посмел обойтись подобным образом с Верой.

Ничего. Этот сыч своё ещё получит.

Все эти мысли проносятся в моей голове буквально за несколько секунд, пока Вера нерешительно проходит в гостиную. Бросает быстрый взгляд в сторону дивана и разворачивается ко мне.

Смотрит испуганно, затем, чеканя шаг, подходит ко мне и крепко, по-брежневски, целует в губы. А после замирает, будто кролик перед удавом.

Ей страшно, а меня от такого представления разбирает смех. Сдерживаюсь изо всех сил, чтобы случайно её не обидеть. Но хохот рвётся наружу. Обнимаю Веру и утыкаюсь лбом ей в плечо, сотрясаясь от смеха.

Девушка мелко дрожит. Поначалу мне кажется, что ей тоже весело. Но, когда я поднимаю голову, оказывается, что по её щекам градом стекают слёзы.

— Не плачь, — шепчу, вытирая солёную влагу тыльной стороной ладоней. — Я просто рад, что ты пришла.

Вера недоумённо хлопает мокрыми ресницами, даже про рыдания забыла:

— Почему?

Тяну её к дивану, усаживаю и придвигаю тележку с едой.

— Голодная?

Она мотает головой, глядя на меня во все глаза. Видно, у меня получилось её удивить.

— А я — да, — цапаю с тарелки брошенный туда бутерброд и усаживаюсь напротив девушки. — Как тебя зовут?

— Вирра.

Прищуриваюсь:

— Точно? Не шутишь?

— Вот ещё! — фыркает Ве... всё-таки Вирра. — У меня в сертификате гражданина так написано.

— И зачем же ты, Вирра, сюда пришла? — мой дружелюбный тон её совсем не обманывает: глазки сразу начинают бегать. Это ещё больше убеждает меня в том, что девушка напоминает мою жену только внешне. Вера стояла бы на своём до самого конца.

Да и заслать её с сомнительными целями к чужому мужику вряд ли получилось бы.

Но как же похожа, чёрт! Просто одно лицо! Даже повадки: то, как сидит, как поправляет волосы. Кто-то в этом мире, видно, решил надо мной хорошенько поглумиться.

— Просто... — лепечет в ответ девушка. — Захотелось.

— И чего же тебе захотелось, Вирра? — спрашиваю вкрадчиво. — Расскажи, не стесняйся.

— Любви... — голос этой роковой красавицы становится совсем умирающим. Её голова опускается чуть не к самым коленям, так что видны остаются только тёмная макушка и пылающие кончики ушей.

— И с чего ты взяла, что здесь её найдёшь?

Вирра молчит — то ли не хочет сдавать своего нанимателя, то ли просто не знает, что отвечать. А я жую бутерброд, совсем не чувствуя вкуса. И продолжаю пялиться на смущённую девушку.

— Сколько тебе лет, Вирра? — спрашиваю, чтобы прервать неловкое молчание.

Девушка бросает на меня осторожный взгляд — проверяет, насмехаюсь или нет.

— Мне двадцать, — угрюмо произносит она.

А вот это было неожиданно! Потому что выглядит она даже моложе меня нынешнего.

— Выглядишь на шестнадцать, — вырывается само собой. Девушка чуть улыбается — видимо, считает это за комплимент. Пусть так и будет.

Заканчиваю с едой и аккуратно промокаю губы салфеткой — аристократ я в конце концов или где?!

— Что же мне с тобой делать? — произношу задумчиво. Вирра мгновенно сжимается, будто ожидает удара. Теперь просто прогнать её отсюда у меня рука не поднимется. Да и раньше не уверен, что поднялась бы. Непривычное чувство я сейчас испытываю: острая смесь жалости, интереса и желания. Совсем не так, как было с Верой.

Но я не в обиде. Потому что только сейчас мне по-настоящему захотелось узнать об этом мире побольше. А вдруг здесь найдётся место и для меня?

Осторожно трогаю девушку за плечо:

— Пойдём.

Она покорно поднимается и направляется к выходу. Ну и куда, спрашивается, голышом собралась?! Перенаправляю её в свою спальню — девушка не возражает. Откидываю край одеяла:

— Ложись.

Ни слова не говоря, девушка укладывается и бревном вытягивается в постели. Насмешливо фыркая и накрываю её одеялом. Потом усаживаюсь рядом на край кровати и кладу руку поверх её ладони.

— Спи, — произношу тихо, почти шепчу. — Сегодня ночью можешь остаться здесь. А насчёт любви давай как-нибудь в другой раз. Не по приказу хозяина, а когда сама захочешь.

Глаза и ротик девушки изумлённо округляются. Она порывается то ли что-то спросить, то ли сказать, но в конце концов смущённо прячется под одеялом.

— Доброй ночи, — пищит оттуда.

— Доброй, — усмехаюсь я и выхожу из спальни. Освещение там почему-то гаснет само собой. Надо бы завтра разобраться, как тут всё работает.

В гостиной сталкиваюсь с Саной, которая пришла забрать грязную посуду. В этот раз «звонить» в дверь ей не понадобилось. Возможно, из-за того, что я сам приказал зайти.

— Сможешь раздобыть женскую одежду? — спрашиваю, не вдаваясь в подробности. — И обувь. В общем, всё, что тут у вас тут принято носить.

Если просьба и кажется Сане странной, то она никак этого не показывает. Только понятливо кивает и уточняет деловито:

— Такая, как на мне, подойдёт?

— Конечно. И принеси всё сразу, я подожду.

— А деньги...

— Не волнуйся, не обижу.

Довольная Сана, что-то напевая, выходит за дверь. Кажется, польза от неё мне всё-таки будет. И ей от меня — тоже. Люблю, когда рабочие отношения завязаны на обоюдной выгоде. Самый надёжный вариант. Хоть и не безупречный.

Возвращаюсь в спальню за деньгами. Вирра свернула себе кокон из одеяла и, кажется, спит. Вера, помню, тоже иногда любила так делать.

С усилием отгоняю от себя это глупое сравнение. Вирра — не Вера. Чудес не бывает. Но я всё равно собираюсь забрать эту девушку себе. И никакие родственники мне не помешают. Хотя бы потому, что я уже знаю, чего от них ожидать.

Сана со стопкой вещей возвращается быстро. Радостно ахает при виде купюры в два рубя и убирает её в карман.

— Я и про Вирру уже малость узнала, — сообщает она перед тем, как уйти. — Работает недолго, полгода всего. Сирота. Вы это... Денежки далеко не прячьте, в общем. Скоро я вам всё-всё про неё расскажу.

Выспроваживаю довольную девицу за дверь и отношу одежду Вирре. С собой у неё ничего не было — так и представляю, какой вой поднимут родственники, когда утром кто-нибудь застукает её по пути обратно. Да и не по-людски это.

Быстро принимаю душ в малой комнате. Заворачиваюсь в обнаруженный там халат и возвращаюсь в гостиную. Спать расхотелось, так что я усаживаюсь на диван и открываю наконец тетрадку с Максиновыми записками.

«Если вы читаете это, значит меня уже нет в живых. Трудно представить, сколько раз с самого рождения я бывал на пороге смерти. И только благодаря моему природному дару, или скорее уж проклятию, я оставался невредим».

А у парня-то явно был талант к сентиментальным пописулькам. Я так даже при всём желании не напишу.

«Телесная привязка — эти слова подобно острому мечу нависали над моей шеей с самого рождения. Нет ничего хуже, чем нарушить порядок принятия Бездны. Особенно в моём положении единственного сына Иерарха».

Припоминаю, что сначала местные маги должны продать Бездне душу. Тело — только при следующей сделке. Максин явно начал не с той стороны.

«Естественно, я изучал вопросы излечения этого недуга по мере сил. Но все исследователи сходились в одном: это врождённое заболевание, лекарства от которого не существует. Лишь однажды мне на глаза случайно попала отличная от всего этого однообразного бреда заметка. Я тут же списался с автором. Им оказалась некая леди М. Она поведала мне удивительные вещи».

Вообще-то я скептически отношусь к неофициальной медицине и прочим псевдонаучным изысканиям. Но допустим. Другой мир — другие правила.

'К сожалению, нашу переписку пришлось уничтожить в целях безопасности, но некоторые выводы я сохраняю здесь.

Во-первых, телесная привязка не является наследственным заболеванием. Условий для её возникновения немало, но главное — смерть сформированного плода в утробе матери или непосредственно во время родов. Оказавшись на грани смерти, будущий маг цепляется за жизнь таким вот нетривиальным способом. Душа не может больше соединиться с Источником, но телесная оболочка живёт отмеренное ей время'.

В целом звучит логично. Человек на всё пойдёт, чтобы выжить — что в том мире, что в этом.

'Однако при расспросах матушка не подтвердила каких-либо проблем со своим и моим здоровьем во времена своей тягости. И, надо сказать, крайне удивилась моему интересу.

В попытках узнать больше я принялся разыскивать участвовавших в процессе моего рождения людей. И странное дело — никого из них обнаружить так и не удалось, ни живыми, ни мёртвыми. Словно все они взяли — и одновременно исчезли с поверхности планеты'.

С одной стороны, выглядит и впрямь подозрительно. С другой — прошло довольно много времени, так что исчезнуть могли и по естественным причинам. Особенно если среди них не было магов.

'Вторым важным фактом, сообщённым мне леди М, был способ преодоления данного недуга. Он прост и одновременно страшен. Человек, желающий победить телесную привязку, должен непременно вновь пройти через смерть.

Однако тут тоже важно соблюсти немало условий. Самое главное — смерть не должна

быть мгновенной. Выражаясь грубо, пациента необходимо убивать медленно и болезненно, дабы он смог прочувствовать весь ужас происходящего.

Если всё сделать правильно, то произойдёт некий «сброс до исходных настроек». Тело и душа придут в норму'.

Ничего себе! Делов-то — будто смартфон перезагрузить. Шучу, конечно. По мне — так согласиться на такой финт ушами мог только наглухо отбитый человек. Каким прошлый владелец тела очевидно был.

Но теперь хоть понятно, откуда такая идея возникла у Орлины. А я-то её считал заводилой, а беднягу Максина — жертвой. Забавно.

'Третье, что сообщила мне леди М, — это информация о разного рода побочных эффектах, к которым мне предстоит быть готовым. Не буду рассуждать, насколько серьёзно может пострадать тело, это и так понятно. Уверен, что Фати так или иначе со всем справится.

Однако есть вероятность, что в процессе сброса настроек, может пострадать и душа. Она может расколоться, может втянуть в себя части других душ, а то и вовсе исчезнет, оставив тело пустой оболочкой'.

И он, зная всё это, согласился?! Точно больной, причём на всю голову.

'Есть и другая опасность. Телесная оболочка, оставшись без содержимого, может притянуть к себе другую подходящую душу. У нас бытует поверье, что души из параллельных миров могут объединяться и усиливать друг друга, но я в это не слишком верю. Леди М, к слову, тоже со мной согласна.

И тому есть весомые доказательства. Во всех известных науке случаях личность таких людей необратимо изменялась. Они не помнили о своём настоящем прошлом, не узнавали близких. Зато рассказывали правдоподобные истории о других мирах и своей прежней жизни. Если бы души объединялись, то человек получал бы две памяти, усиленные способности, приумноженные черты характера и прочее. Но такого никогда не происходило'.

Получается, к Максину я не имею отношения, мне просто повезло в местной магической лотерее? Или не повезло — это как посмотреть.

'Я полон решимости довести своё излечение до конца. Однако не могу отрицать возможные негативные последствия. Поэтому и заполняю эту тетрадь. Уверен, что тот, кто возможно придёт после меня, сумеет её обнаружить. Именно для этого я поместил её на самом видном из безопасных мест.

Итак, обращаюсь к тебе, мой преемник!'

Ого, Максин меня сегодня приятно удивляет. Хорошо бы поведал что-нибудь применимое на практике.

«Я не стану расписывать для тебя текущую ситуацию: не хочу, чтобы ты слишком полагался на собранную мной информацию. Крайне рекомендую заняться этим самостоятельно. Так ты сделаешь собственные выводы и сможешь оценить происходящее по-своему».

Ну спасибо, блин, большое. Можно было и не заморачиваться с посланиями — всё равно ничего полезного... Ладно, справедливости ради, кое-что важное я сегодня всё-таки узнал.

'Ни на секунду не забывай, что постоянно находишься под пристальным вниманием. Люди, которые предположительно спровоцировали мои магические проблемы, никогда не

оставляли попыток меня уничтожить. Они стараются делать это незаметно, но я всегда вижу их след.

До сих пор меня спасала телесная привязка к Источнику. А ещё — маска шута и повесы. Однако, завидев изменения в моём поведении, они смекнут, что грядут великие перемены и забеспокоятся. В ход может пойти что угодно — от самой изощрённой магии до яда.

Поэтому постарайся как можно дольше сохранить инкогнито — так ты выиграешь себе время для манёвра.

И постарайся выжить, несмотря ни на что. Это моё тебе последнее напутствие'.

Дочитываю финальные строки, откладывая тетрадь и замираю, глядя в одну точку. Трудно понять, о чём думал прежний владелец этого тела, когда всё это писал. Возможно — испытывал те же чувства, что и я, когда редактировал последнюю версию своего завещания. Надеюсь, кстати, мою волю исполнили правильно.

Максин, вероятно, тоже где-нибудь на это надеется. Что же, тут наши цели полностью совпадают. Потому что я планирую не просто выжить, а жить здесь долго и счастливо!

Дверь спальни приоткрывается, в узкую щель протискивается Вирра. Молодец, даже платье новое догадалась надеть. Подходит ко мне поближе и кланяется:

— Спасибо за подарок, господин. Могу я теперь уйти?

— Конечно. Сама-то доберёшься, куда надо?

Девушка кивает как китайский болванчик:

— Да-да! Не волнуйтесь, я привычная.

Не нравятся мне что-то подобные привычки. Дай только срок — скоро всё пойдёт по-другому.

Вирра поспешно сбегает, будто за ней черти гонятся. А мне внезапно хочется спать. Убираю тетрадку обратно в сейф — мало ли, ещё пригодится. И заваливаюсь на кровать, всё ещё хранящую тепло Виррино тела.

Во сне вижу всякую муть, поэтому просыпаюсь совсем разбитым. Нещадно зевая, впускаю в покои Капеца, который, как и обещала Орлина, уже ожидает под дверью.

Узнаю от него премудрости управления бытовыми приборами и способы выключения света. Оказывается, всё в поместье находится под управлением Иерарха и питается от его Источника. Сердий, в свою очередь, даёт возможность пользоваться этой силой другим людям, даже немагам. Поэтому всё искусство управления сводится к правильной формулировке своих пожеланий.

Мы с Капецем завтракаем и отправляемся на прогулку. Раз уж заняться всё равно нечем, буду изучать территорию.

Но далеко от дома матриарха уйти не удаётся. Мои уши улавливают негромкий гомон и звонкие удары по металлу.

— Что это? — спрашиваю тролля.

Он недовольно морщится:

— Молодые господа развлекаются с новой игрушкой. Ничего особенного.

Согласно киваю. Но тут мои уши улавливают детский вскрик. По хребту сразу же разливается холодок: кто знает, что за «игрушки» у них тут приняты?

Сам не замечаю, как срываюсь с места.

Глава 16

Мелочь крылатая

— Максин, стой! — орёт где-то на заднем плане Капец. Но у меня нет времени даже его исправлять — впереди слышится писклявая ругань и издевательский хохот нескольких лужёных глоток.

Не терплю подобного. Никогда не терпел.

Источник безудержного веселья обнаруживается среди деревьев. Стайка мальчишек, лет примерно от восьми до тринадцати, толпится вокруг стоящей на лужайке большой птичьей клетки. В которой находится... настоящая фея.

Не в смысле удивительной красоты — а реально настоящая!

Совсем маленькая, ростом в ладонь. С зелёными полупрозрачными крылышками, розовыми кудрявыми волосами и сверкающими зелёными глазищами. Фея рассерженным мотыльком парит в центре клетки, недобро зыря на смеющихся лоботрясов.

Я так удивляюсь, что даже не замечаю, как меня догоняет Капец.

А мальчишки и вовсе не обращают на нас внимания. Один из них — самый рослый, крепкий и рыжий — замахивается палкой. И со всей дури колотит по прутьям клетки, воспроизводя тот самый звук, который привлёк моё внимание.

Феечку от ужаса и громкого звука прибывает к решётчатому полу. Но совсем не заставляет сдаться.

— А ну выпусти меня, ссыкло мелкое! — пискляво ругается она. — Посмотрим, как ты запоёшь, когда я сожру твою печень!

Малолетние идиоты снова раздражаются хохотом, наслаждаясь бессильной яростью крошечного существа.

Подхожу поближе и молотом возмездия нависаю над ними. Ноль эффекта — малолетки дядю Макса игнорируют, полностью поглощённые своей «забавой».

Ну, это ненадолго.

— Смирррр-но! — рявкаю максимально низким голосом.

Эффект получается, как от ладана. Черти — тьфу, дети! — тараканами разбегаются в стороны. Жаль, что недалеко. Феечка всё-таки шлёпается на пол клетки и оттуда удивлённо таращится на меня.

Пацан с палкой, судя по виду, местный заводила, приходит в себя первым:

— Эй, — пытается казаться угрожающим, но с его ломающимся голосом это плохо получается. — Ты чего орёшь? Иди-ка ты, Максин, отсюда.

— Иерарху будешь указывать, что ему в своём поместье делать, — сразу демонстрирую я свой козырь. — Или слабо?

— Да мне твой Иерарх... — мальчишка соображает, что за болтовню о главе рода, да ещё в таком тоне, по головке не то что не погладят — настучат. Причём собственные родители. И захлопывает варежку.

Ну, хоть не совсем ущербный, и то хорошо. Может, даже бить не придётся. Тыкаю в него пальцем и команду:

— Ты! Отвечай, что здесь происходит?

Мальчишка сопит, но приказ выполняет.

— Батя по пути на совет фею изловил, — отвечает сердито. — Отдал вот нам

поиграться.

— Бездна этого кретина задери вместе со всеми его ублюдками, — подтверждает феечка.

— Ясно, — не обращаю внимания на её писк, говорю только с мальчишкой. — И как называется эта ваша игра? Все на одного? Победи слабейшего?

Сопляк молчит, насупившись. Остальные тоже ботинками лужайку ковыряют. Ишь ты, какие все стеснительные стали!

— Смотрю я на вас, — продолжаю распаляться, — и страшно что-то за будущее нашего клана! Спросите, почему?

Спрашивать, разумеется, никто не собирается, но мне и не надо.

— Потому что воспитания — ноль, ума — ноль, а честь и достоинство — вообще ниже плинтуса! — Я ненадолго останавливаюсь и продолжаю уже тише, но не менее внушительно. — Сейчас каждый — я проверю! — каждый сообщит мне имя главы своего семейства. Я буду лично беседовать с ним о вашем поведении. Живо построились в ряд и на счёт «три» говорите по очереди. Раз... Два...

На счёт «три» пацанов с лужайки как ветром сдувает. А мне того и надо, потому что ни с какими главами семей я беседовать не собираюсь. Да и на будущее клана мне по большому счёту плевать.

Просто ненавижу такое шакалье поведение.

Поле битвы остаётся за мной, трофеи в виде палки и клетки — тоже. Поднимаю феино узилище на уровень глаз, чтобы получше рассмотреть диковинное существо.

— Чё зыришь? — бычит неблагодарная. — Поставь, где взял.

Была бы она покрупнее, на такие слова можно было бы и рассердиться. Но из-за её размера они не то что не задевают, а звучат весьма комично.

Капец тоже подходит поближе и рассматривает мою добычу, скептически нахмурившись.

— И зачем тебе нужна эта дрянь? — наконец спрашивает.

— На себя глянь, уродец, — фыркает феечка, держась от нас с Капцем как можно дальше.

— Почему «дрянь»? — уточняю на всякий случай. — Выглядит безобидно, хоть и болтает не в меру.

— Не обманывайся, — ещё сильнее хмурится Капец. — Фейри не стоит доверять, как бы они ни выглядели. Иначе пожалеешь. Для мага это паразиты похуже смерти.

— От паразита слышу! — пищит фея, чуть ли не вжимаясь крыльями в прутья самой дальней от нас стенки.

— А ты не бухти, мелочь крылатая, — призываю разговорчивую фею к порядку. — Я пока ничего с тобой делать не планирую.

Кажется, мои слова малявку ни в чём не убеждают, но для разнообразия она решает помолчать.

— Я бы не разбрасывался такими обещаниями, — назидательно произносит Капец. — В Великой Росии фэйты — да и прочие фейри! — считаются вредителями и подлежат уничтожению.

— Почему? — удивляюсь я. — В смысле, они ж разумные!

Капец шикает, нервно оглядываясь по сторонам:

— Не вздумай такое при ком-нибудь ещё заявить! Тут тебе не какое-нибудь Волховское

княжество, где с этими фейри с одного стола жрут! У нас их можно только для развлечения заводить. Да и то — никакой пользы, вред один.

— Какой вред-то? — усмехаюсь я. — Ты глянь, какая она мелкая!

Капец снова оглядывается по сторонам. Затем говорит, понизив голос до шёпота:

— Фейри — они того... сосут!

С сомнением гляжу на ужавшееся до ещё меньших размеров существо:

— Так не поместится вроде...

— Придурок! — рыкает оскорблённый в лучших чувствах Капец. — Всё бы тебе к бабам сводить. Энергию Бездны они сосут! Цепляются к твоему Источнику, и привет! Не отстанут, пока проводник не выгорит. А проводник — это ты и есть!

— Правда? — спрашиваю у феечки.

— А хоть бы и да! — с вызовом отвечает она. — Но ты ничего мне не сделаешь, дылда страшный! Вот!

Усмехаюсь:

— Зато ты милашка, как я погляжу. Почему хоть не сбежала отсюда, раз тут вашего брата так не любят?

— А я и сбежала, — хоть и неохотно, но отвечает фея. — Долго в столице у одной свиноты жила. Но потом он сдох, а наследники вкрай рассобачились. Ну я под шумок и того... И надо было снова в лапы угодить этому... скунсьему сыну. Я ж голодная — того и гляди крылья протяну.

Рассказывая о своих невзгодах, фея будто взбадривается — активно жестикулирует и машет крыльями. Будто и впрямь накипело, а поговорить было не с кем.

— Была бы сытая — не поймали бы? — уже всю улыбаюсь я. Фея напоминает мне комнатную собачку — и размером, и чистой незамутнённой яростью.

— Да я бы ему сразу зенки выдавила и печень сожрала! — воинственно заявляет мелочь. И выражение лица у неё такое, что я покатываюсь со смеху. Фея резко замолкает и смотрит настороженно.

— Как зовут-то тебя, суровая амазонка?

— Эфения я, — фея хмурится, будто сомневается, стоит ли разглашать настолько ценную информацию.

— Феечка Фенечка, ясно-понятно, — киваю. — А меня просто Макс, очень приятно.

Вместо ответа Эфения вдруг переводит взгляд на Капеца и серьёзно спрашивает:

— Он больной? У него крыша едет, да?

— Случается, — туманно отвечает тролль. — Иной раз.

Фея понимающе кивает и резко похолодевшим тоном обращается ко мне:

— Ладно, Макс. Кончай ломать комедию, и без того тошно. Что ты там со мной планировал делать? Так делай, Бездна тебя подери!

Не знаю, чего она так взъелась, но ладно. С тяжёлым вздохом — не каждый день встречаешь настолько удивительных существ! — открываю дверь клетки.

Фея изумлённо хлопает округлёнными глазами и даже не пытается двинуться с места.

— Давай, лети, — поторапливаю я. — Ты же просила.

Эфения зло хохочет:

— Ты думал, я на такое куплюсь? Да я вас, росов, всех насквозь вижу! Всю вашу гнилую натуру, как на ладони!

Ну теперь-то что не так? Она считает, что я шутки шучу?

— Я бы не советовал отпускать эту мерзость, — с озабоченным видом замечает Капец. — Во-первых, может пострадать кто-то ещё. Во-вторых, она может вернуться к тебе и закончить начатое. Первое ещё ладно, но вот второе...

— Что ты мне предлагаешь? — вздыхаю я. — Оставлять её у себя я не собираюсь. А просто так кого-то убивать — не в моих правилах.

— Это не просто так! — возмущается Капец. — Законы Великой России не для тебя писаны что ли?!

Я зубасто ухмыляюсь:

— Ага. Я и в своём-то мире им особо не следовал. Здесь тоже буду делать только то, на что сам согласен.

Капец укоризненно качает головой:

— Чую, наследничек из тебя получится, не хуже прошлого Иерарха. Кайзеру точно не понравится.

— Я тебе не сто бакс... рубов, чтобы всем нравиться, — говорю, наблюдая, как Эфения по-тихому пробирается к открытой дверце. Она будто чувствует мой взгляд, вздрагивает и поднимает зелёные глазищи вверх.

— Лети-лети, — киваю ей. — Я не стану тебя задерживать.

Эфения поджимает губки, сжимает кулачки, и, будто бы решившись, отважно летит напрямик к выходу. Выбирается на свободу и отлетает от нас подальше.

— Ха! — пищит она. — Придурки! Как я вас нажучила, а?

— Счастливого пути, — взмахиваю свободной рукой и отворачиваюсь, чтобы поставить клетку наземь.

— Ох, пожалеешь ты, — занудствует Капец. — Глянь, какая морда наглая — до сих пор не улетела. Присосётся к тебе — будешь знать.

Равнодушно пожимаю плечами:

— Как присосётся, так и отсосётся. Уж я-то всяко сильнее какой-то малявки.

Делать здесь больше нечего, поэтому мы с Капцем направляемся туда, куда и планировали — на обход территории поместья.

— Так это всерьёз всё было?! — пищит за спиной Эфения. — Ты и правда меня отпускаешь?

Отвечаю, не оборачиваясь:

— Ага, давай уже. Главное, никому больше не попадайся.

— погоди! — фея догоняет и зависает перед моим лицом, раскинув руки. — За услугу нужно заплатить.

Изумлённо вскидываю брови:

— А знаешь, Капец, ты прав — морда-то не в меру наглая! Ничего я тебе платить не буду, даже не надейся.

Эфения нервно хихикает:

— Да не ты мне, а я тебе, дубина. Фейри всегда по счетам платят.

— Можешь начать разговаривать со мной повежливее, и мы в расчёте, — отмахиваюсь я. Не хватало ещё у нищей беглянки что-то отбирать.

Фея важно качает головой:

— На это не рассчитывай даже. Мои манеры идеальны, особенно для таких приматов, как ты. Я дам тебе метку феири, которую могут видеть только мои родичи. Никто из них не причинит тебе вред. Пока я её не заберу, разумеется.

Насмешливо поглядываю на удивлённого Капеца. Такого поворота он явно не ожидал!

— Ладно, давай, — разрешаю я. — Ставь свою метку.

— А тебе, — фея водит пальчиком перед носом тролля, — я ничего не дам. Ты меня вообще прибить хотел, гэмэошный.

— Не больно-то и хотелось, — уязвлённо бормочет тролль.

Эфения подлетает ко мне вплотную, так что я чувствую слабый цветочный аромат, который от неё исходит.

— Закрой глаза, — командует мелочь. — Не могу сосредоточиться, когда ты zenки свои тарачишь.

Усмехаюсь — мне в общем-то не жалко. Стоит опустить веки, тут же чувствую прикосновение прохладной ладони ко лбу. Интересно, сколько по времени ставится эта печать? Может, она вообще пошутила? Потому что я совсем ничего не чувствую, только приятную прохладу.

— Да она к тебе присосалась! — вдруг ревет не своим голосом Капец. — А ну вали прочь, пока не прихлопнул!

Распахиваю глаза — Эфения уже на приличном расстоянии и виновато заламывает ручки. Пищит:

— Не виноватая я! Только прикоснулась — оно само в меня потекло! А я такая голодная, такая голодная...

— Ты как, Максин? — тревожно спрашивает Капец, не желая слушать этот жалкий лепет.

— Может, хватит уже меня этим именем называть? — ворчу я. — Беспамятный что ли? Ничего со мной не случилось, как видишь. Я даже не понял, что произошло что-то особенное.

— Она вытянула энергию через твой Источник! — обличающе тыкает пальцем Капец в переживающую феечку. — Хотя обещала этого не делать!

— Я не виновата, оно само... — чуть слышно пищит Эфения. Даже жаль её как-то. Тем более, что никаких трагических изменений я в своём самочувствии не наблюдаю.

— Да ладно, ничего страшного, — успокаиваю и фею, и тролля заодно. — Подумаешь, немного магической энергии...

— А у тебя её немеряно стало, как я погляжу! — насмешливый голос рыжего Эмы раздаётся совсем рядом. Сам родственник тоже обнаруживается неподалёку. А рядом с ним пара крепких мужиков и стайка давешних мальчишек. Видать, нашли, кому пожаловаться, сопляки.

Бросаю быстрый взгляд туда, где совсем недавно порхала Эфения. К счастью, она додумалась убраться подальше. А вот Капец не додумался — безмолвно выражает отношение к происходящему, сложив на груди руки и закатывая глаза.

— Не жалуясь, — отвечаю степенно. — У меня вообще всего немеряно. Но с тобой я, конечно, ничем не поделюсь.

— Брат сказал, ты фейру у него забрал, — переходит наконец рыжий к делу. — Верни.

Я трагически вздыхаю:

— Увы... Эта тварь пыталась ко мне присосаться, так что пришлось её прикончить... Подумай лучше вот о чём. Разве можно давать такое детям? Не вмешайся я — они бы точно пострадали. Это ж такая травма на всю жизнь! Необратимая...

По виду Эмы ясно только одно: он понял, что над ним издеваются. Или просто пришёл

сюда не искать правды, а как следует поскандалить.

Или нет — проходит холодок по спине. Он знает, что мне нельзя с ним сражаться. И нарочно пришёл меня спровоцировать — прямо как и предупреждала Орлина. Но я-то настороже, так что ничего у него не получится.

— А зачем же, интересно, — издевательски уточняет Эма, — ты её из клетки выпустил, умник недоделанный?

— Вообще-то, доделанный, — отвечаю в тон. — А вот тебя, верно, родители второпях творили — то-то падаешь наземь, как чахлая барышня.

Судя по выражению физиономии, напоминание о вчерашнем позоре Эме очень не нравится. А ещё ему явно хочется настучать мне по физиономии, но первым нападать он пока не решается. Всё ещё надеется принудить к этому меня, наивный. Хочет переупрямить? Ну давай, попробуй. Только потом не жалуйся.

— Никто её не выпускал, — вмешивается молчавший до этих пор Капец. — Она сама вылетела.

Эма бросает красноречивый взгляд на валяющуюся неподалёку клетку.

— Из зачарованной энергетической ловушки? — вопрошает так, будто не верит собственным словам. — Это невозможно.

Капец кивает, явно не горя желанием спорить:

— Раньше, конечно, было. А потом она сломалась.

— Кто сломалась? — рыжий снова недоумённо смотрит на целёхонькую клетку. — Я не понял, ты, шавка, меня сейчас обманываешь что ли?

Капец невозмутимо подходит к клетке. И с самым дружелюбным видом наступает на неё пудовой ножицей. Прутья тоскливо звякают — часть ломается, часть просто гнётся.

— Смотри лучше, — по-доброму улыбается тролль. — И убедись, что она совсем непригодна.

От такой наглости у Эмы отвисает челюсть.

— Да ты сам её испортил! — вопит он, позабыв, что изначально цеплялся ко мне. — Прямо на наших глазах! Подтвердит кто угодно!

— Неправда, — включаюсь в эту игру и я. — Капец вообще-то её починить собирался, но не успел.

Эма снова переключается на меня:

— Что ты несёшь? Все же видели!

— Что видели? — спрашиваю с сочувствием, будто психа.

— Как я не успел её починить, — отвечает за него Капец, покаянно склоняясь. Кажется, ему по-настоящему стыдно.

— Мог бы и лучше стараться, — с упрёком говорю я. — Что теперь Иерарху скажем?

Капец вскидывает голову. Его глаза злорадно сверкают.

— Что семья Эмы привезла с собой в поместье Иерарха неисправную энергетическую ловушку с опасным монстром внутри. А теперь возмущается, что с монстром пришлось разбираться собственноручно хозяйскому сыну.

— Ай-яй-яй, — фальшиво сокрушаюсь я. — Вот ведь некрасиво получилось. Правда, Эммочка?

Физиономия Эмы напоминает сейчас застывшую маску.

— Ладно, будь по-твоему, — с угрозой произносит он. — Вяжи тролля, ребята!

Глава 17

В одной лодке

«Ребята», почти не уступающие Капецу ни в росте, ни в комплекции, молча бросаются к нам. Тролль небрежно отталкивает меня в сторону и ужом проскальзывает между нападающими, заходя им за спины. С его ростом и мускулатурой это выглядит почти волшебством. Вот уж не знал, что Капец умеет телепортироваться!

Два молниеносных тычка в бычьей шеи — и... Ничего?!

Да ладно! Я всё ещё хорошо помню, как тролль обездвигивал меня подобным образом. Магпаралич — вот как эта дрянь называется. Но у Эминых мордovorотов, кажется, на него иммунитет.

Капец, впрочем, обескураженным или даже удивлённым не выглядит. Он уклоняется от удара справа и блокирует чуть запоздавший удар с другой стороны.

— Сюда смотри! — обиженно ревет позабытый Эма, подсакивая ко мне с явным намерением дать в морду.

Использовать магию он пока не спешит, но я не в обиде. Брать предложенное, впрочем, тоже не собираюсь, поэтому встречаю рыжего придурка блоком.

Толком драться он не умеет, но старательно компенсирует недостаток навыков яростью.

Хотя лучше бы просто не лез.

Такого даже бить неловко.

Перехватываю направленную в меня конечность и безжалостно выворачиваю её в неестественное положение. Что, нравится, родственничек?

Эме ожидаемо неприятно, хоть он и удерживается от вскрика. Толпящаяся в сторонке стайка детей возмущённо голосит.

— Ты бы думал что ли, на кого лезешь, — произношу проникновенно, заламывая и так пострадавшую руку за спину.

— Я и... думал! — пыхтит Эма, свободной рукой всаживая мне в бок порцию электричества. Не ожидавшие такой подлянки мышцы судорожно дёргаются. Эма тут же выкручивается из захвата и отпрыгивает подальше под поощрительные выкрики пристально следящих за нами мальчишек.

— Разве магический поединок не проводят по правилам? — спрашиваю я, зыркая в сторону тролля. Порядок, мордovorоты до сих пор его не заломали.

— Что, испугался? — злорадствует Эма. — Не бойсь, сильно бить не стану.

— Даже не пытайся хоть как-то мне понравиться, — поддеваю насмешливо. — Ты с этим опоздал лет на триста.

— Не больно-то и хотелось, — сердито отвечает родственник.

И тут же получает по щам! Потому что вестись, когда тебе заговаривают зубы, чревато потерей этих самых зубов! Правда, в последний момент он всё-таки успевает уклониться, и отребает куда меньше, чем мог бы. Жаль!

Эма выдаёт на сдачу новую порцию молний и снова отскакивает подальше. Даже он сообразил, что вблизи мне не соперник.

— Мочи его, Эма! — голосит со стороны пацанов давешний заводила. Судя по рыжим патлам и наглой физиономии, их родство с Эмой куда ближе, чем с тем же Иерархом.

Будто в ответ на мальчишеский вопль с дерева, под которым столпились сопляки, срывается толстая ветка и падает прямо им на головы. Вряд ли больно, но точно неприятно. Так что деткам резко становится не до чужих разборок.

Эма тоже отвлекается, а значит, пора с ним заканчивать. Тем более, что Капец уже успел вырубить одного из нападающих и методично скручивает второго. Не собираюсь от него отставать!

Резко подскакиваю к Эме, показушно целясь в пятак. Он ожидаемо блокирует, явно гордясь собой. Но радость длится недолго, потому что ему сразу же прилетает под дых. Левой я тоже умею, ага. Хоть и слабовато получается — вместо того, чтобы согнуться, он просто отшатывается и выпрямляется. Его физиономия искажена яростью, а по сжатым кулакам бегают искры.

Что, маг недоделанный, пожалел, что с Максом связался?

То ли ещё будет!

Бросаюсь к нему, чтобы довести начатое до конца — и со всего маху натыкаюсь на выросшую передо мной ледяную стену! Которая от соприкосновения с моим организмом идёт трещинами и величаво осыпается. Но я этого уже не вижу, потому что удар отбрасывает меня на утопанную землю. И уже оттуда я крою последними словами сотворившего эту пакость умника.

Эма, впрочем, чужому вмешательству тоже не рад, хотя вцепиться рожей в лёд ему не посчастливилось. Он прячет полыхающие электричеством кулаки за спину, как нашкодивший школьник — рогатку, и недовольно выплёвывает:

— А что это ты тут делаешь, Игор?

Удивительно, но факт: младший наследник тоже сюда припёрся, причём даже без своей истеричной мамочки. Оказывается, они умеют ходить порознь, кто бы мог подумать.

Выражение физиономии, с которым гениальный малыш смотрит на моего противника, обещает тому адовые кары. С чего бы? Они ж вроде как заодно.

— Это я у тебя спрашиваю, Эма, — изо всех сил стараюсь выглядеть внушительно, произносит малец. — Ты что творишь? Никаких распрей внутри нашего клана я не потерплю.

Интересно. Это просто спектакль, чтобы спасти Эму от моего целительного леща, или он и вправду чем-то недоволен?

Бросаю взгляд на Капеца. Он уже отпустил мордоворота, с которым боролся, и они вместе заинтересованно пялятся на разворачивающийся перед ними конфликт. С земли столь же равнодушно зырит вырубленный ранее товарищ, который уже благополучно пришёл в себя, но решил, что ещё полежать будет разумнее.

Эма с залихватским видом засовывает ладони в карманы брюк. Никаких искр на них теперь нет и в помине. Великовозрастному обалдую явно не хочется выслушивать нотации от малолетки.

— Да разве это распри? — радражённо сплёвывает он на землю. — Так, смахнулись слегка. Да, Максин?

Я тебе что, ещё и поддакивать должен? Ага, бегу и падаю.

Неторопливо поднимаюсь с земли, отряхиваюсь и подхожу к рыжему поближе. Он как-то нервно отступает на пару шагов.

— Нет, — произношу веско. — Я на тебя не нападал. И не пользовался магией. А вот ты — очень даже.

— Да какая магия-то?! — отпирается Эммочка. — Остаточный фон на коже, бывает.

— Ты видел? — обращается Игор к троллю.

Тот с сожалением кивает на присмиривших противников:

— Нет, под клятвой не подтверждаю. Эти остолопы меня отвлекали.

Игор оборачивается к стайке детишек:

— А вы? Что видели?

Вперёд выступает рослый заводила:

— Ничего не видели. Правда, ребята?

Дети нестройно поддакивают. Кто бы сомневался.

Игор на мгновение задумывается, потирая костяшками пальцев безволосый подбородок.

Затем обращается ко мне:

— Подтвердить твои слова, Макс, не представляется возможным. Ты уж извини. Эма иногда бывает слишком резким.

— Как это не представляется? — от такой наглости я даже теряюсь. — Вон те щенки брехливые точно всё видели, от начала и до конца.

Игор морщится на мои слова, будто принцесса на дохлую мышь, но объясняет терпеливо:

— Они же дети. Их нельзя допрашивать с помощью клятвы.

Ну ясно, зачем тогда их сюда привели. Взрослые не видели, зато дети врать могут, что их душенькам угодно. Удобно.

— Так я тоже могу их разговорить, — зубасто ухмыляюсь. — Справлюсь без всяких клятв.

Довольные улыбочки на детских физиономиях сменяются растерянностью. В настроении остаётся только рыжий бедокур.

— Если только в самом крайнем случае, — степенно качает головой Игор. — Ни с кем ведь ничего особенного не случилось.

Ишь ты, защищает ровесников! Но малышня этого не понимает и смотрит на Иерархова наследника как на предателя.

— Не позволю! — выступает такой же недалёкий Эммочка, тоже не сумевший постичь смысла слов своего сюзерена. — По отношению к отпрыскам клана я не позволю НИКАКИХ ЗВЕРСТВ!

Необдуманные слова их собственного защитника действуют на пацанов куда лучше моих зловещих ухмылок. В смысле, хуже. Они переглядываются, явно прикидывая, как бы понезаметнее сбежать.

— Значит, нечего им тут делать, — невозмутимо кивает Игор.

— Брысь отсюда, — вовремя подсказывает догадливый Капец. И спустя пару секунд никаких детей на вытопанной лужайке не остаётся. Кроме Игор и Эммочки, к сожалению.

Они так неласково зыркают друг на друга, что мы с Капцем и мордоротами чувствуем себя лишними. Но желание полюбоваться на раскол в стане противника всё же сильнее.

— Напомни-ка, Эма, что я тебе сегодня утром говорил? — изо всех сил изображает интонации Иерарха мальчишка. — Разве ты не согласился с моими доводами?

Рыжий цинично хмыкает:

— С чем угодно согласишься, пока мамаша будущего Иерарха торчит рядом как привязанная и поддакивает на каждое его слово! Я тебя, конечно, не стал перед малышнёй

позорить, но с чего ты взял, что смеешь приказывать мне, недомерок?

Игор сжимает челюсти. Кажется даже, что я слышу скрип наследниковых зубов.

— А с чего ты взял, что смеешь говорить со мной в таком тоне? — вокруг Игора — и вокруг нас заодно! — сгущается холодный воздух. Кажется, сейчас мы тоже станем свидетелями магического поединка без всяких правил. Я бы полюбовался, конечно, но связываться ещё и в чужую грызню совсем не планирую. Особенно ради поганца Игора — слишком хорошо помню, как он ржал, когда считал Макса слабее себя! С другой стороны — мелкий, бестолковый, что с него взять?

Бросаю взгляд на тролля, но тот разводит ручищами: лезть, мол, не собираюсь, текущему наследнику виднее.

— А симпатичная эта Весения, — громко прерываю я обмен любезностями. — Скажи, Капец?

Слышу, как тролль рядом хлопает себя по лбу, но много он понимает! Спорщики взирают на меня с недоумением, и в глазах Игора разгорается ярость.

— Хороша, конечно, — вдруг подаёт голос один из недобитых мордovorотов. — Но уж больно сурова.

Второй с умным видом поддакивает.

— А ты знаешь толк! — радуюсь неожиданной поддержке.

— Если уж на то пошло, — несмотря на отбитый лоб, не остаётся в стороне и Капец, — то госпожа Орлина куда милее.

— О-о-о! — восторженно хлопаю Капеца по плечу. — А ты любишь дам погорячее, да?

Ещё бы! Видел бы кто-нибудь их страстные отношения с супругом...

Эма вдруг меняет гнев на милость и усмехается:

— Если уж судить о горячих дамах, то это, безусловно, Фати. А вам бы, дубины, поменьше об Иерарховых жёнах рассуждать. Целее будете.

— Так мы это... Чисто умозрительно... — бубнит пристыжённый мордovorот. — В ознакомительных, так сказать, целях...

Игор метает глазами молнии, и голос разговорчивого бугая сходит на нет.

— Все вон, — тихо, но грозно произносит сопляк.

Эминых подручных даже просить не надо — они сбегают сразу, как только Игор начинает говорить. Эма насмешливо фыркает и тоже убегает прочь, всем своим видом показывая, что это не его прогнали, а он сам ушёл.

Нам с Капцем тоже в общем-то делать здесь больше нечего. Так что мы переглядываемся и дружно отправляемся по своим делам. Но у младшего наследника другие планы.

— А ты, Макс, останься, — бросает он мне в спину.

Ну, если так хочется, можно и поговорить. Дать что ли ещё одно братское напутствие? Так мне не жалко.

Знаком приказываю троллю подождать в сторонке и возвращаюсь к Иерархову наследнику. Ух, ну у него и рожа злобная! Аж побелел бедняга!

— Как старший не по возрасту, а по званию, — чеканит он, как только я останавливаюсь рядом, — требую впредь не трогать имя супруги Иерарха своим грязным...

— А я смотрю, тебя устраивает, когда на твои приказы хрен забивают, — прерываю рыцарские потуги мальчишки. А то ещё перчатку мне в рожу швырнёт, с него станется...

Игор слегка теряется, его уши предательски розовеют. Что, правда не нравится?

Понимаю, сам не люблю критику. Но без неё никуда.

— Не лезь. Не в своё. Дело! — с расстановкой произносит быстро пришедший в себя наследник. — Со своими подчинёнными я сам разберусь.

Безжалостно усмехаюсь:

— А они точно твои? Выполняют всё, что скажешь, и стоят за тебя горой? То-то мне показалось, что они охотнее слушаются твою мамку на пару с Ангваром.

— Когда я приму наследство...

— Ну конечно же, всё изменится! — неприкрыто глумлюсь я. — Все, кто сейчас тобой управляет, сразу же отойдут в сторону. А те, кто был с ними заодно, сразу поклянутся тебе в верности. Да-да, всё именно так и будет, не сомневайся!

Физиономия наследника принимает свекольный оттенок. Игор открывает рот, чтобы что-то ответить, но не может вымолвить не слова. Ещё расплечется сейчас.

Наклоняюсь поближе и тихо произношу:

— Просто запомни, поймёшь потом. «Своих людей» невозможно взять взаймы. Их можно только найти самостоятельно. И убедить, что дружить с тобой куда выгоднее, чем не дружить. Тогда вероятность того, что тебе воткнут нож в спину, снизится хотя бы на пару процентов. А по нашей жизни — это очень и очень много.

Игор не отвечает, просто пялится на меня ошалевшими глазами, даже краснеть перестал. Я дружески хлопаю его по плечу и любезно улыбаюсь:

— Подумай об этом на досуге. А ещё о том, что не все хотят рвать задницу в ваших крысиных бегах за место Иерарха. У кого-то могут быть и другие планы.

Потом просто поворачиваюсь к ожидающему неподалёку троллю и оставляю мальчика в одиночестве. Ну а вдруг его гениальные извилины наконец зашевелиятся? И он поймёт, что не все хотят целыми днями сидеть в кабинете и разбирать родственные склоки. И это я ещё всего списка обязанностей Иерарха не знаю!

Тем более, не моё это наследство, а Максина. Я к этой семье никакого отношения не имею.

— Поучаешь младшего? — встречает меня одобрительно усмешкой Капец.

— Нехорошо подслушивать, — отмахиваюсь я.

Троль пожимает плечами:

— Ничего не могу с собой поделать. По сравнению с человеком мои чувства куда острее. Так что если захочешь от меня что-то скрыть — у тебя не получится.

Хмыкаю:

— Ещё скажи, что мысли читать умеешь.

— С вами, людьми, это не нужно, — усмехается тролль. — Вы слишком предсказуемые. За разговором мы углубляемся в сад, который постепенно превращается в средней дремучести лес. Не могу не съязвить:

— Надеешься по-тихому меня прикопать в чаще? Учти, я буду сопротивляться.

— Нет, — с серьёзным видом качает головой тролль. — Хочу показать тебе, в чём состоит главная задача Иерарха.

— Шляться по лесу в компании сомнительных личностей? — шутливо предполагаю я.

— Нет, — по-прежнему серьёзен Капец. — Удерживать Великую Россию от поглощения Бездной.

Мы выходим на утоптанную поляну, в дальнем краю которой вкопан в землю крупный кристалл. Каким-то не своим зрением я буквально вижу, что от него волнами расходится

энергия.

— Что это?

— Вершина магической мысли, сотворённая больше двух тысячелетий назад, — уважительно произносит Капец. — Наш меч и щит в извечной борьбе с распространением Бездны.

Подхожу к таинственному устройству поближе и с некоторой опаской касаюсь гладкой поверхности пальцами. Камень как камень.

— Что-то я не пойму, — обращаю внимание на явное несоответствие в словах тролля. — Мы с этой Бездной сотрудничаем или боремся?

— Ни то, ни другое, — удивляет меня Капец. — Мы её используем. А она только и мечтает нас поглотить.

— Тогда разве пользоваться вашей магией не опасно? — уже ничего не понимаю я. — Вы же подключаетесь к Источнику...

Троль охотно кивает:

— Ещё как опасно. Поэтому для мага так важен показатель резиста. Если он мал, то лучше к Бездне не соваться. И это не «ваша магия», а твоя, Макс Воскресенский. Ты выжил и теперь с нами в одной лодке. Даже если не считаешь родителей за своих.

Ну вот и меня ко всей этой петрушке припахали. Кто бы сомневался. Хорошо, что у меня своя голова на плечах имеется.

— Посмотрим, — отвечаю уклончиво. — Пока я в этом не разберусь, ничего не обещаю.

— Эолос Разрушитель пожертвовал собой, чтобы спасти мир, — произносит Капец так, будто это может меня в чём-то убедить. — Вместе с ним сгнули обе его супруги. А потомки членов Августейшего Пати с тех пор неуклонно поддерживают мировое равновесие.

Что-то мне ещё сильнее расхотелось Иерархом становиться! Пусть Игорёк мучается, раз оно ему надо. А я и так найду чем заняться. Но Капецу я, разумеется, об этом не сообщаю. Иначе он мне этой темой весь мозг просверлит — зуб даю.

Ещё какое-то время мы с троллем дружно пялимся на сакральную каменюку. Моё зрение при этом будто показывает две картинки — привычную и заполненную энергетическими потоками. В какой-то момент я соображаю, что их можно переключать. Так и развлекаюсь, пока Капец напряжённо сопит — то ли молится, то ли что-то усиленно соображает.

Наконец тролль отмирает и приглашающе машет ручищей:

— Пошли что ли. Надо ещё в пару мест заглянуть.

Возвращаемся той же дорогой. Проходим мимо знакомой резиденции матриарха и двигаем в сторону папашиных владений.

— Вы же понимаете, что у вас не получится меня запугать? — раздаётся из-за ближайших цветочных зарослей знакомый голос. Звучит непривычно — будто сталью звенит.

Так.

И что, спрашивается, здесь делает Вирра?

Глава 18

Центр бури

— Да ладно тебе, Вирра, — второй голос явно мужской. Неприятный, будто липкий. — Хватит ломаться. Или надеешься получить ещё больше? А морда не треснет?

— Дело не в деньгах, — упрямо отвечает девушка, никак не реагируя на оскорбление. — Не уверена, что вообще смогу что-то сделать.

— Да ладно тебе, милашка! — интонации мужика настолько масляные, что аж елей капает. — Ты — и не справишься? Ни за что не поверю!

— Нужно трезво оценивать свои возможности... — отпирается девушка. — Ай!.. Отвали, Жуч! Я же сказала «нет»!

Сам не замечаю, как ноги несут меня на звук. Среди цветущих кустов обнаруживается резная беседка, в которой я действительно вижу Вирру. А ещё — невысокого щуплого мужика, вцепившегося в её хрупкие плечи.

— Руки, — произношу как можно более угрожающим тоном. Мужик сразу же прячет конечности за спину. Смотрит он на меня при этом так, будто я бог, спустившийся с Олимпа. Но мне сейчас не до причин его удивления. — Что здесь происходит?

— Да так... — бубнит мужик. — Даю задание своей подчинённой... Я, если не помните, Жуч, помощник господина Ангвара.

На самом деле этот Жуч выглядит как пойманный с поличным воришка, а не подручный главы семьи. Что как бы намекает на методы ведения дел моего старшего родственника.

Но вообще — плевать на методы! Этот хрен столовый мне не нравится. Ишь ты, грабли свои распустил, начальник, чтоб его...

Вера... в смысле Вирра, смотрит на меня огромными испуганными глазами. Так, словно я поймал её на чём-то скверном. Хотя она-то в чём виновата?

— Чтобы давать задания, помощник Жуч, — медленно произношу я, — вовсе необязательно затаскивать своих подчинённых в кусты. Нормальные люди, — особо выделяю эти два слова, — для работы используют специально предназначенные помещения. И уж точно не хватают подчинённых за руки.

На хитрой роже Жуча отражается какая-то непонятная мне эмоция. Он бросает быстрый взгляд на потупившуюся Вирру и вдруг низко кланяется.

— Простите великодушно, барин! — он чуть поднимается и кланяется снова — ещё и ещё. — Бездна в голову ударила! Пойду что ли в молельню, покаюсь!

И действительно сбегает, не давая мне вставить ни слова. Да и пёс с ним. Обращаюсь к Вирре:

— Ты в порядке?

Она не отвечает, зато вмешивается Капец.

— О каких деньгах вы говорили? — с места в карьер напирает тролль на девушку. — Что он от тебя требовал? Отвечай!

Лицо Вирры вдруг плаксиво сморщивается. Она закрывается руками и бросается ко мне.

— Спасибо, господин! — лепечет девушка, дрожа всем телом и вжимаясь в меня. — Мне было так страшно!

— Да что ты брешешь, девка? — закатывает глаза Капец. — Ты ж с ним заодно сюда пришла...

— Хватит, — я осторожно поглаживаю трясущиеся плечи Вирры. — Ты можешь быть свободен, Капец.

Тролль будто ушам своим не верит!

— Да что ты творишь, Макс? — бессмысленно возмущается он. — Сторонники Ангвара сейчас что угодно сделают, лишь бы тебе нагадить! Не верь!

Верить? Ха! Вот уж вряд ли. Но и оставлять её без присмотра было с моей стороны неправильно. Ведь я собираюсь забрать эту женщину себе. И пусть это сочтётся капризом, я не отступлюсь. Слишком уж Вирра напоминает мне жену.

А ещё полезно будет узнать, что этот скользкий Жуч от неё требовал. И от чего она — прошу заметить! — наотрез отказалась. И на что непременно согласится, если оставить всё как есть. Заставить человека делать то, что тебе надо, — дело нехитрое. Лучше мне сразу взять ситуацию в свои руки.

Но разъяснять свои умозаключения каждому троллю я тоже не намерен.

— Сам разберись, что мне делать. Прогулка закончена. До завтра на глаза не показывайся.

Я слегка приобнимаю подуспокоившуюся Вирру за плечи и увожу её куда подальше. Тролль с ошалевшим видом остаётся в беседке среди цветочков.

Там ему самое место.

— Я не хочу причинять вам неудобство, господин, — тихо, на грани слышимости, произносит Вирра.

— Да какие неудобства! — усмехаюсь я. — Надо было ещё с утра тебя не отпускать. Тогда бы этой ситуации не было. Скажи лучше, почему одни называют меня господином, другие — барином? В чём разница?

Да, я мастер переводить темы. Но Вирру нужно отвлечь, и это первое, что приходит мне в голову. Девушка ненадолго задумывается, затем неуверенно произносит:

— Ну, барин — это вроде как по-старому, господин — по-учёному. Раньше спасы требовали больше почитания... Ой...

Она резко останавливается, боязливо поглядывая на меня и зажимая рот руками.

— Простите... — едва доносится через прижатые к лицу ладони.

— За что ты извиняешься? — недоумеваю. — Я же сам тебя спросил.

— А я уважаемых спасителей человечества и их потомков прям в глаза непочтительно называла... Прощения прошу, барин!

Вирра вдруг отстраняется, встаёт передо мной и отвешивает земной поклон — будто в сказке какой-нибудь. И замирает, то ли дожидаясь моего ответа, то ли вовсе не собираясь подниматься.

Быстро оглядываюсь — вроде бы нас никто не видит! — и поднимаю девушку.

— Не надо так больше делать, — прошу, заглядывая в её удивлённо распахнутые глаза. — Давай наедине обойдёмся без этих условностей.

Конечно, я понимаю, что для неё это будет непросто. Понимаю даже, что сейчас я не то чтобы прав. Всё-таки Вирра выросла в мире с жёстким социальным расслоением. Я тут всего ничего — и то мне уже прожужжали уши на тему неравенства магов и обычных людей.

Но мне всё равно. Потому что один раз я уже умер. И если судьба расщедрилась мне на второй шанс, я своего не упущу.

А Вирра — именно своё и есть. Не зря же она так напоминает мне Веру.

Только теперь понимаю, что пауза затянулась, а я поглаживаю большими пальцами

нежные щёчки стоящей передо мной девушки и не отрываю взгляд от её лица. И взгляд этот блуждает, предательски соскальзывая вниз, к слегка приоткрытому рту.

Вирра вздыхает, чуть заметно прикрывая глаза. Неуловимое движение навстречу друг другу — и её губы наконец встречаются с моими. Поначалу это лишь лёгкое касание, знакомство. Но первое стеснение быстро проходит. Наши движения становятся резче, решительнее. И уже как-то плевать, что мы находимся совсем рядом с домом матриарха...

С трудом отрываюсь от девушки, первым приходя в себя. Утыкаюсь лбом ей в плечо, чтобы хоть немного успокоиться. Кажется, я даже могу слышать её сердцебиение. Она моё, пожалуй, тоже.

— Пойдём, — шепчу еле слышно. В ответ Вирра кивает — я этого не вижу, но чувствую по её движениям.

Оставшийся путь до моих покоев мы проходим молча и очень быстро. Как ни странно, даже никого не встречаем. Или это я сейчас никого кроме неё не вижу? Без понятия.

Тщательно закрываю дверь, лишая Орлину — да и любого, кому такое взбредёт в голову! — возможности повторения сцены в лазарете. А после мы с Виррой, не сговариваясь, устремляемся в спальню. И только там снова принимаем друг к другу.

Спешить некуда, поэтому я не тороплюсь. Долго целую Вирру, стягивая с длинных шелковистых волос надоевшую косынку. Кончиками пальцев поглаживаю её плечи и спину, ощущая, как теплеет под тонким полотном нежная кожа.

Поначалу Вирра льнёт ко мне, цепляясь за одежду, словно я в любой момент могу исчезнуть. Но постепенно успокаивается — дышит глубже, обнимает смелее. Её тонкие пальчики зарываются мне в волосы, а твёрдые горошины сосков чувствуются даже через одежду.

Которая, кстати, очень даже мешает!

Синхронно, будто спохватившись, начинаем раздевать друг друга — торопливо, не глядя, путаясь в пуговицах. Пока наконец не оказываемся обнажёнными, кожей к коже.

Вирра почему-то теряет, поэтому беру инициативу на себя. Укладываю девушку на кровать, выцеловываю на смуглой коже влажные дорожки.

— Ма-а-акс... — просительно выдыхает Вирра.

Разве могу я заставить девушку ждать? Вначале двигаюсь медленно и осторожно, давая ей привыкнуть к себе. Но меня хватает ненадолго: слишком нетерпеливо Вирра устремляется навстречу, слишком жадно впитывает каждое моё прикосновение.

А я впитываю её образ — каждую чёрточку. Сейчас она совсем не похожа на Веру. Наверное, это даже хорошо.

Волна удовольствия накрывает нас одновременно, но мне уже этого мало. Желание перецеловать каждую родинку на её теле такое острое, что напоминает жажду.

Мало, слишком мало! И всё-таки сегодня я не хочу быть чересчур настойчивым. Поэтому просто прижимаю разомлевшую девушку к себе и старательно выравниваю дыхание.

— Я не думала, что ты такой... — подаёт Вирра голос.

— Какой? — сам не замечаю, как на губах расцветает улыбка.

— Хороший, — отвечает девушка и вжимается носом мне подмышку, шумно вдыхая и запуская по коже мурашки.

По всему видно, что родинки мы с ней всё-таки пересчитаем...

На следующий день с Капцем я не встречаюсь — не до него. Три раза в день приносят

еду, которую я прошу оставить за дверью. Но вспоминаем мы с Виррой только об ужине.

За которым я наконец как следует её расспрашиваю. Как я и думал, конкретных приказов девушка пока не получала. Пока что от неё требовалось только подобраться ко мне поближе. Но свою первую попытку Вирра посчитала провалом, поэтому поспешила отказаться.

Не очень похоже, что она врёт. Возможно — чего-то не договаривает. Но вряд ли теперь станет напрямую действовать против меня.

Поэтому поздним вечером, когда в покои пытается прорваться Орлина, я не позволяю ей этого сделать. У меня будет ещё несколько дней, чтобы обо всём с ней договориться.

А сейчас я просто хочу побыть наедине с понравившейся женщиной. Потому что только сейчас я чувствую себя не иномирным пришельцем. И даже не одержимым мстью безумцем, которым закончил жизнь в родной реальности. Я впервые за долгое время ощущаю себя человеком, у которого есть будущее.

На следующий день просыпаюсь рано. Утомлённая Вирра посапывает рядом. Задумчив перебираю пряди её длинных волос и в который раз удивляюсь, насколько велика их внешняя схожесть с Верой. И поразительно, как при этом они различны по характеру. Вера точно не позволила бы нам так долго прохлаждаться в постели.

Осторожно провожу кончиками пальцев по волосам Вирры. Она что-то сонно бормочет и неосознанно тянется вслед за лаской.

Нет, дорогая, не стану тебя пока будить. Иначе раньше полудня мы отсюда не выберемся. А у меня ещё куча дел.

Потому что теперь я собираюсь стать чёртовым наследником!

Простая логика: в покое меня в любом случае никто не оставит. И, если уж бури не избежать, правильнее держаться в самом её эпицентре. Ведь мне теперь надо заботиться не только о себе. От этой мысли давно забытое тепло расплзается по всему телу. Приятно.

Перед самым выходом вновь заглядываю в спальню. Вирра по-прежнему спит, трогательно свернувшись клубочком.

Волевым усилием заставляю себя выйти из комнаты и прикрыть дверь. Ничего, у нас двоих будет ещё много времени.

Уже подхожу к выходу, когда громовые удары в дверь заставляют подпрыгнуть.

— Учти, сопляк! — раздаётся с той стороны громкий возглас Капеца. — Если ты сейчас же не откроешь, будешь своё логовище по кускам собирать!

Да ладно! Меня день всего не было, а они там уже вон как переполошились. Капец ещё и Вирру разбудит, с него станется.

— Можно было и по-нормальному сказать... — открываю дверь, намереваясь выйти и поговорить снаружи.

Не тут-то было! В гостиную врывается Орлина и нервно оглядывается по сторонам. Выглядит она взъерошенной и очень бледной.

— Ты что творишь, Макс? — шипит она, едва убедившись, что в обозримом пространстве никого нет. — Забыл, о чём мы договаривались?!

Тролль следом за возмущённой женщиной в комнату не входит. Видно, ждёт снаружи.

Отвечаю спокойно:

— Конечно, нет. Но разве у нас не было двух-трёх дней? Мне тоже вообще-то надо отдыхать.

— Знаю я твой отдых, гуляка! — чуть не взвизгивает нервная женщина. Но тут же

сбавляет тон. — Ладно. Сейчас важнее решить текущую проблему.

— А у нас есть проблемы? — удивлённо поднимаю брови.

— К нам недавно прибыл кайзеров посланник, — доносится из-за приоткрытой двери голос тролля. — И требует завершить совет клана в течение сегодняшнего дня.

Что-то не нравится мне подобная спешка. А внимание местного правителя, у которого счёты с прошлым Иерархом, нравится ещё меньше.

— А что, он имеет на это право? — осторожно интересуюсь. — Разве это не наше внутреннее дело? Мне казалось, что на своей территории мы можем делать что угодно.

— В северной части периметра прорыв, — раздражённо выплёвывает Орлина. — Столица в опасности. Иерарх ещё перед рассветом отправился туда.

— Это значит, что председательствовать на совете будет Ангвар, — сообщает главное Капец.

— Совпадение? — задумчиво тру подбородок. — Не думаю...

Орлина вышагивает туда-сюда, благо размеры гостиной позволяют. Эта беготня порядком раздражает, но останавливать женщину я не собираюсь: пусть лучше ходит, чем вопит.

— А хуже всего то, что эти старые уроды ни за что меня в зал заседаний не пропустят! — заламывает руки Орлина. — Я ж для этих перечников как была чужачкой, так и осталась. За тебя там совсем некому будет постоять!

— Да я вроде и сам с усам, — говорю с уверенностью, которой совсем не чувствую. Шутка ли — вот так лезть в какой-то там совет, не зная ни правил, ни законов. Я даже в лицо мало кого из Максиновых родственников запомнил — не до того было.

— Да что ты говоришь! — отмахивается любящая матушка. — Там такие хрычи, которых вовек не переспоришь.

— И что же, всё уже предрешено? — сержусь я. Что-то надоело мне это пораженчество. — Может, тогда вообще лучше не ходить?

— Ни в коем случае! — сверкает Орлина глазами. — Мой сын от этих сморчков бегать не станет!

Ну понятно. Киваю.

— А чего-нибудь конструктивного не посоветуешь? — спрашиваю чуть громче, чтобы Капец тоже услышал.

И он слышит.

— Ещё ничего не решено, — сообщает сдержанно. — Да, многие сейчас за Ангвара. Но в конце концов каждый из присутствующих соблюдает только свои интересы. На тебя будут смотреть. Будут проверять. И, возможно, придут к выводу, что ты станешь для них лучшим вариантом, чем Игор.

Да уж. Совет так совет. Чтобы хоть как-то ему последовать, нужно понимать расстановку сил. А я вместо того, чтобы сразу во всём разобраться, ударился в... романтику.

Нет, не жалею. Но и разумным моё поведение не назовёшь. И сейчас оно вполне может выйти мне боком. Что ж, за удовольствие надо платить. Иногда — кровью.

Тяжело вздыхаю:

— Ладно. Сколько у нас есть времени до начала заседания?

— Оно уже началось, — огорошивает Орлина. — Хорошо, что у меня повсюду есть уши, иначе только к полудню узнали бы.

— Тогда идём, — направляюсь к выходу, но мать останавливает, положив руку мне на

плечо.

— Она всё ещё там? — неодобрительно кивает в сторону спальни. — Не стоило тебе связываться с изолом. Особенно не из наших.

Убираю с плеча её ладонь и поворачиваюсь к женщине. Вот уж точно — с мамой я в таких делах советоваться не намерен, тем более, с чужой.

— Это не твоё дело, — сообщаю, глядя ей прямо в глаза. — И, если хочешь, чтобы я был с тобой вежлив, больше её так не называй. Вирра. Девушку зовут Вирра. И на Ангвара она теперь не работает. Запомни.

Женщина раздражённо фыркает и уносится вперёд. Характер у неё, конечно... Впрочем, магия на него тоже может влиять. По себе вижу: с тех пор, как сюда попал, постоянно делаю нехарактерные для себя вещи. Хотя и новое молодое тело наверняка влияет — играй гормон, мозги набекрень.

Ладно, не о том думать надо.

Выхожу к ожидающему меня Капецу и захлопываю дверь. Без моего разрешения внутрь точно никто не войдёт, а Вирра сможет впустить только служанку с завтраком. Ну и обедом, если сильно задержусь. Удобная всё-таки штука — эта магия. Никаких запоров не надо, всё настраивается чуть ли не по щучьему велению.

Следом за Орлиной выходим с троллем из здания и останавливаемся возле светящейся точки входа в пространственный туннель.

— Сейчас ты отправишься один, — произносит слегка успокоившаяся Орлина. — Мы с тобой не пойдём — всё равно завернут обратно. А ты ничего не бойся. Даже если сейчас чего-нибудь нарешают, Иерарх им потом всё равно х... восты пообрывает, понял?

— По-хорошему и тебя не пустят. Так что прямо с порога покажи, что ты сильнее, — напутствует Капец. — Помнишь, как называется наш учебник по этикету? «Благочиние слабости»! А это значит, что сильные им не пользуются.

Ясно-понятно. Значит, набъём местным старейшинам морды. Делов-то!

В некотором замешательстве ступаю в любезно настроенный троллем телепортационный круг. И сразу же оказываюсь перед двумя недобрыми товарищами в одинаковой форме. Судя по виду — то ли охранники, то ли военные. И вокруг Иерархова особняка таких парней довольно много — вон как деловито расхаживают туда-сюда! Кажется, они-то меня сейчас и завернут.

Ну уж нет! Беру переговоры в свои руки.

— Максин Воскресенский по приказанию Иерарха прибыл! — рапортую бодро, даром что чужим именем приходится называться. Расчёт простой: вряд ли эти ребята побегут разыскивать Сердия, чтобы уточнить, чего он там наразрешал. А оспаривать его решение вряд ли будут — не того полёта птицы.

Товарищи переглядываются в некотором замешательстве. Потом один из них всё же отступает в сторону и указывает на дальнюю беседку:

— Обождите, господин. Вам сообщат, когда вы сможете войти.

Степенно киваю и направляюсь к обычной скамейке, рядом со входом в здание. Я сюда не мужиков в форме слушаться пришёл. Пара минут на оценку обстановки — и приступим.

Но почти сразу со стороны устройства для телепортации раздаётся шум. Шастающие вокруг без дела охранники заметно оживляются и стягиваются поближе.

— Да я с тебя шкуру спущу, недоносок! Ты хоть знаешь, с кем разговариваешь?!

Странный голос — то ли женский, то ли детский.

Кого, спрашивается, ещё там принесло?

Глава 19

Второе счастье

— Вы не можете пройти дальше, — раздражённо выговаривает один из охранников. По голосу слышно, что сдерживается он из последних сил. Вряд ли он стал бы так разговаривать с кем-то важным. — До окончания совета доступ в эту часть поместья разрешён только для ближайших родств...

— Ну а я кто по-твоему, дубина?! — пискляво рыкает новоприбывший. — Понабрали придурков...

Подгребаю поближе, аккуратно расталкивая плечистых охранников. Неужто этот тип настолько опасен, что приходится его всей толпой удерживать?

Ожидаю увидеть кого угодно, но не ребёнка лет двенадцати. В щегольском костюмчике — даже бутоньерка в наличии! Кудри старательно причёсаны и уложены, а в глазах — знакомое огненное свечение. Я такое у себя каждый день в зеркале вижу. Ещё один родственник пожаловал?

Мальчик замечает меня и, видимо, признаёт за своего.

— Ты! — неприлично тыкает пальцем в мою сторону. — Немедля призови сюда Иерарха! Я и так уже гневаться изволю.

Экие наглые тут детишки. И чем младше, тем хуже. Но из чистого противоречия по отношению к пришлым охранникам с пацаном не спорю.

— А! — тыкаю пальцем в ответ. — Так это тебя Иерарх просил встретить?! Ребята, дайте пройти. Он свой.

— Не положено... — начинает один из охранников.

— С Иерархом спорить будешь?! — подхватывает мальчишка, верно ухватив нужную линию поведения. — И как тебя зовут, бессмертный?

Охраннику перспектива перейти дорогу самому важному здесь человеку не улыбается. Отлично понимаю: в родственные разборки влезать никому не с руки, даже при исполнении. Родня-то родней при любом раскладе останется, а вот излишне ретивому работнику может потом и по шапке прилететь.

Несправедливо, конечно, но мне на руку.

— Проходите, — мрачно бросает приунывший стражник и отходит в сторону. Остальные, глядя на такое дело, не спеша рассредотачиваются по площадке, будто ничего не произошло.

Вместе с ребёнком проходим к облюбованной мной скамейке. Запоздало переживаю, что надо было вламываться в зал заседаний, пока внимание охраны было сосредоточено на мальчишке. Теперь придётся подождать подходящего момента.

— И откуда Иерарх знал, что я сегодня прибуду? — хмуро, совсем не по-детски, интересуется ребёнок.

— Ты что, так и не понял? — ухмыляюсь в ответ. — Я всех обманул. Иерарха тут с самого утра нету.

— И зачем же ты это сделал? — прищуривается шкет. — Рассчитываешь на бенефиции?

Хороший вопрос. Вообще-то я уже пожалел, что вмешался. Но не стану же я рассказывать об этом ребёнку.

— Да чего уж, — отмахиваюсь я. — Не обращай внимание. И вообще иди по своим

делам. Меня тоже скоро тут не будет.

Вместо того, чтобы последовать доброму совету, ребёнок усаживается поудобнее.

— И куда же ты собираешься? — интересуется, степенно складывая руки на животе. Будто он в несколько раз старше и как минимум раза в три толще.

— Да так... — рассказывать подробности первому встречному совсем не хочется. Да и вряд ли такой малыш что-то поймёт. — Надо кое-кому по щам надавать.

— «По щам» — это как? — любопытствует ребёнок.

— Это больно, — вздыхаю я. — Ну или они мне надают, одно из двух.

Мальчик пытливо смотрит мне в лицо, но продолжения не дожидается и отворачивается.

— Бардак какой-то, — бормочет он. — Куда только Сердий смотрит...

И тут я с ним полностью согласен!

Оглядываюсь по сторонам. Кажется, интересоваться охрану мы перестали. Да и какая там охрана! По тому, как они себя ведут, видно, что они тут чисто для галочки. Прибыли, наверное, с посланцем кайзера. Вряд ли здесь есть от кого его охранять, зато можно повыделываться — перед теми, кто не может дать сдачи.

— Слышь, мелкий, — прерываю тихое брюзжание странного ребёнка, — Я сейчас пойду на совет, а ты давай, беги отсюда.

Мальчик чуть ли не подскакивает:

— Совет?! Какой совет?

— Клановый, — бросаю в ответ. — Будут решать, что со мной делать. Ну, бывай.

Резко поднимаюсь и топаю к дверям, благо, они совсем рядом. Если меня кто-то и собирается задержать, то не успевает, потому что я рывком распахиваю сразу обе створки входа. Оказываюсь в широком светлом коридоре, наполненным неясным гулом голосов.

Безошибочно определяю источник шума — оформленный аркой бездверный проём впереди. Эх, теперь сцена моего появления станет куда менее эффектной.

— А что ты такого совершил? — раздаётся позади негромкое. Вот же, сопляк! За мной пробрался! И на что ему только уши!

— Старших не слушался, — криво усмехаюсь и чешу, куда шёл. Я за чужими детьми приглядывать не нанимался. Ничего, отхватит леща — умнее будет.

Больше не задерживаясь, подхожу к арке и остаиваюсь на пороге. Родственники, человек пятнадцать, сидят вокруг длинного стола и внимают какому-то длинноволосому хмырю, заменяющему во главе стола Ангвара. Надо же, никто даже не глянул в мою сторону! Непорядок. Дружелюбно улыбаюсь — и грохаю кулаком по деревянной арочной стойке.

Вещающий что-то хмырь затыкается и сверкает в мою сторону кроваво-красными радужками. На мгновение забываю, зачем пришёл — до того ярко вспыхивает воспоминание о Гайле. Вообще-то он на неё действительно похож, и не только необычным цветом глаз. Родственник? Или просто одного с ней вида? В этом мире всего можно ожидать.

Пауза не затягивается, потому что с места вскакивает возмущённый Ангвар. Оказывается, это чучело сидит рядом с красноглазым, безоговорочно уступив ему хозяйское место. Сердий там, наверное, от такого удара по клановой гордости исчезался весь.

— Поди прочь, Максин! — злорадно выдаёт Ангвар. — Мы тут и без тебя всё порешаем.

Оглядываю присутствующих — кроме престарелого сына прошлого Иерарха знать никого не знаю. Даже Весению сюда не пригласили, а уж Игоря — давно.

— Да ты меня никак боишься? — всё так же улыбаюсь я. — Или есть что скрывать? То-

то вы так торопитесь.

Вхожу в просторную комнату и нахально усаживаюсь точно напротив хозяйского места, с которого на меня с прежним любопытством взирает красноглазый.

— Поимей совесть! — шипит Ангвар. — Как ты ведёшь себя перед советником кайзера?

— Я-то поимею, — обвожу присутствующих тяжёлым взглядом. — А вот вы мне другое лучше расскажите. Советник кайзера с вами заодно, или его вы тоже надурили?

Пожилых вершителей судеб такое предположение возмущает. Красноглазый удивлённо вскидывает брови.

— Разве при обсуждении настолько важных вопросов не должны равно присутствовать все заинтересованные стороны? — повышаю голос, перекрывая ропот присутствующих. — Разве вопрос наследования настолько ничтожный, что вы занимаетесь им впопыхах? Отвечай, Ангвар!

Тот, слегка позеленев физиономией, подобострастно кланяется советнику:

— Простите его, чистейший, ибо не ведает, что творит, — затем оборачивается ко мне, и его голос звучит куда суше. — Это стандартная процедура, никакого обмана. Если Иерарх не успевает принять решение по какому-либо вопросу, то кайзер...

— Тайком присылает своего подручного, чтобы утвердить нужное вам решение, пока Иерарх занят защитой столицы?! — театрально изумляюсь я. — Ты уверен, что хочешь заявить об этом перед советником? А у тебя кишка не тонка...

С такой стороны Ангвар, видимо, на происходящее не смотрел. Поэтому немного подвисает, силясь выдать нестыдный ответ. Зато от советника приходит сухой смешок.

— Протест принят, — бесцветным тоном произносит красноглазый. Голос у него негромкий и шелестящий, будто песок в пластиковой банке пересыпается. — Так уж и быть. Рассмотрим претензии к Максину Воскресенскому более детально.

С нахальным видом откидываюсь на спинку стула:

— Я Макс. И вам бы тоже не помешало представиться.

Красноглазый пялится на меня, поджимая тонкие губы. Кажется, решает, сразу меня прибить, или пока в живых оставить. А вот хрен тебе, советник! Я помню, что внутри поместий бои без правил запрещены.

Но на помощь красноглазому приходит Ангвар.

— Запомни, невежа, — назидательно выговаривает он. — Тебе посчастливилось лицезреть одного из чистейших — советника Рах Шана.

— Ага, Равшана, так и запишем... — не сдерживаюсь я. Взгляд красноглазого становится острым, будто он понимает, о чём именно напомнило мне его прозвище. А мне хочется пройтись ещё и по «чистейшему», но, думаю, будет перебор. В конце концов я ж не для того пришёл, чтобы его в край выбесить. Мне всего лишь надо дать им всем понять, что бояться я их не собираюсь. Пусть лучше они меня опасаются.

Так уж устроена человеческая психика: реагирует на всё странное либо агрессией, либо уклонением. Вторым, кстати, чаще: на это тупо нужно меньше усилий. И чем старше человек, тем актуальнее для него экономия энергии — по себе знаю. И дело даже не в здоровье или в чём-то подобном. Просто — зачем суетиться, если можно этого не делать?

Поэтому хорошо, что никакой боевитой молодёжи клановые старожилы сегодня не позвали. Можно развлекаться и наглеть по полной. Главное — не переходить черту, за которой эти деды зашевелятся.

Но самое забавное даже не в этом. А в том, что человек постепенно привыкает

действовать определённым образом. Практически сам приучает себя избегать конфликта с таким вот наглецом. И позволяет ему всё больше и больше. Или и вовсе привыкает слушаться — тут уж зависит от целей и грамотности исполнения.

Вряд ли местные жители существенно отличаются в этом плане от людей из моего мира. По крайней мере, если судить по тем, с кем я уже успел познакомиться.

Так что держитесь, стариканы, дядя Макс сейчас всем вам даст прикурить.

Как и ожидалось, коверканье имени уважаемого на словах советника Ангвар предпочитает не замечать. Вместо этого он церемонно кланяется красноглазому и спрашивает, преданно заглядывая в лицо:

— Разрешите начинать, советник?

— Да начинай, начинай уже, — насмешливо бросаю я. — Ты ж тут вроде как целого Иерарха замещаешь. Может, ещё к нему сходишь разрешения спросить?

Родственники перешёптываются. Кажется, до них тоже начинает доходить комичность ситуации. Ангвар злится, но ответить ему нечего — что ни скажешь, будешь выглядеть глупо. Советник сидит с каменной рожей, совсем не желая облегчать сообщнику жизнь.

— Веди себя прилично, Макс, — наконец беззубо грозит мне пальчиком сородич.

— Ага, — согласно киваю — и разворачиваю стул спинкой вперёд. Усаживаюсь поудобнее и машу рукой, будто только замечаю повисшее молчание. — Продолжай-продолжай, я весь внимание.

Ангвар играет под бородой желваками, тяжело вздыхает и всё-таки переходит к делу:

— Я обвиняю Максина Воскресенского в неподобающем наследнику нашего клана поведении. Вместо того, чтобы занимать своё время обучением, он всю жизнь посвятил распутству...

— Прям всю жизнь?! — отвисает у меня челюсть. — С самого рождения?

Ничего себе! Ай да Максин!

— Разумеется, нет, — оскорбляется Ангвар. — Это небольшое преувеличение.

Советник Равшан изволит хмурится.

— Больше конкретики, — командует он.

Ангвар торопливо кивает и выдаёт:

— Первые... кхм... поползновения зафиксированы уже в двенадцатилетнем возрасте. Служанка, пожелавшая остаться неизвестной, рассказывает, как однажды видела...

Дальнейшие пикантные детали тонут в моём громогласном хохоте.

— А у тебя, Ангвар, — выговариваю, вытирая слёзы, — когда «поползновения» начались? Или до сих пор всё спокойно?.. Сдаётся мне, зря я сюда спешил — такой бред, честное слово! Аж перед советником неудобно.

— А прямо сейчас ты спутался с изолом! — обвиняюще припечатывает слегка порозовевший Ангвар. — Так был занят, что обо всём позабыл. Даже чистейшего Рах Шане не поприветствовал!

— Чистейший Равшан, — вроде как уважительно склоняю голову в сторону красноглазого типа, — мог бы предупредить о своём появлении заблаговременно. Тогда бы его точно поприветствовали как полагается. А что касается Вирры... Не ты ли сам её ко мне отправил?

— Наглая ложь, — решительно отменяет моё предположение Ангвар. — Наоборот. Это ты её похитил и удерживаешь у себя, не давая выполнять обязанности.

— Уверен, что она это подтвердит? — моя улыбка больше напоминает оскал. — Может,

пригласим сюда и спросим?

Ангвар хмурится, явно просчитывая, насколько может быть опасен допрос бывшей служанки. Я тоже могу только предполагать, что скажет Вирра советнику, поэтому не настаиваю.

— Одного я не пойму, — решительно перевожу тему. — Как то, в чём ты меня обвиняешь, мешает мне выполнять обязанности наследника? Выполняешь же ты свои как-то!

— Есть ли у вас возражения по существу, господин Ангвар? — в безэмоциональном голосе советника мне чудится насмешка.

— Простите, чистейший Рах Шан, — кланяется упорный родственник. — Всё вышесказанное было призвано выявить гнилую суть этого так называемого претендента. Перейдём к самому главному.

— Ну наконец-то! — радуюсь я. — С твоей скоростью мы тут зазимуем.

Ангвар бросает на меня неласковый взгляд, но вместо ответа произносит явно заготовленную заранее речь:

— Никто из присутствующих на совете попросту не склонится перед слабым Иерархом. Способностей Максина до сих пор никто не видел. Говорят, к Источнику он прикоснулся — но толку? Ведь ему уже восемнадцать, он безнадёжно отстал от Игоря.

— То-то я вашему Игорю в прошлый раз навалял, — усмехаюсь. — И ничего он мне не противопоставил.

Ангвар кивает, улыбаясь чуть ли не отечески. Радует, что наконец-то есть что ответить.

— В том-то и дело! — торжественно объявляет он. — К Источнику-то ты подключился, а магии как не было, так нет! В тот раз ты её не использовал — это подтвердит даже твоя собственная мать. Более того... Можно пригласить свидетеля, господин советник?

Красноглазый согласно моргает. Так вот кто тут эксперт в экономии движений!

— Если поединок с Игорем ещё можно списать на случайность — только подключился, не смог совладать с Источником — с такими ущербными всякое бывает, — продолжает воодушевлённый Ангвар, — То недавнее происшествие можно трактовать только единственно возможным образом. Заходи, Эма.

Всё дружно поворачиваются ко входу в зал совещаний. Я тоже — ведь он прямо у меня за спиной. И вместе с послушно входящим рыжим вижу увязавшегося за мной пацана. Стоит себе у стенки, руки на груди сложил и хмурится, будто правда соображает, что тут творится. Когда ловит мой взгляд, широко улыбается и показывает большой палец.

Остальные пацана вроде как не замечают. По крайней мере, никто против его присутствия и слова не говорит.

Я тоже делаю вид, что никого не вижу. Тем более, Эма уже остановился неподалёку и отвесил советнику небрежный поклон.

— Давай, Эма, — подбадривает Ангвар. — Расскажи всё, что тебе известно.

— Позавчера это было, — начинает рыжий, уставившись в потолок, будто ученик у доски. — Я Максу поединок предложил, а он отказался.

Ого! Что-то я этого предложения совсем не помню. Такой молодой, и уже такое брехло... Молодец, Эммочка, далеко пойдёт.

— Мне было интересно, — продолжает заливать рыжий, — насколько сильным он стал. Ну, я его и приложил пару раз...

— Это кто там кого приложил? — хмуро прерываю поток беззастенчивого вранья. — Если б не Игор, ты бы точно там половину зубов оставил.

— Суть не в том! — радостно прерывает Ангвар готового ответить мне Эму. — А в том, что даже перед угрозой неминуемого поражения Максин не смог использовать свои магические силы!

— Суть в том, ребята, — насмешливо улыбаюсь я, — что уделать ваших так называемых наследников не составляет труда. Какая магия, о чём вы? Я ж их так прибью ненароком. И без разницы, сколько лет они учились. Я на другом уровне.

Ну да, главное самому в это верить. Глядишь — и никто не станет проверять. А станет — чего-нибудь придумаю. Вряд ли они выставят против меня кого-то серьёзнее Эмы. Младшего наследника наверняка поберегут: ну а вдруг я действительно осуществлю свои угрозы.

— В таком случае решение принято, — раздаётся со стороны советника равнодушное. — Я сам проверю способности нового претендента. Проведём поединок. Прямо сейчас.

Глава 20

Достать кхелота

Советник кайзера — это ведь необязательно сильный маг, правда? Он же, наверное, своим умом всего добился. Или вообще — его точно по знакомству взяли, вот!

Хотя радостная физиономия Ангвара говорит об обратном. Он уже будто смакует картины грядущей расправы.

Красноглазый между тем встаёт с Иерархова места и направляется к выходу. Останавливается на полпути и кивает мне с тщательно отмеренной издёвкой:

— Пожалуй, стоит выйти на улицу, МАКС. Покажите мне всё, на что способны. И конечно, сдерживаться необязательно. Всё равно вы не сможете меня... Как вы там сказали? Уделать? Хорошее слово, мне нравится.

И уходит, довольный, так и не дождавшись от меня ответа. За ним нестройными рядами тянутся родственники с Ангваром во главе. Мне тоже ничего не остаётся, кроме как встать с полюбившегося стула и последовать за ними.

— Отличное представление, — счастливо улыбается так и не изгнанный с совета ребёнок, устремляясь мне навстречу. — Похоже, тебе удалось разозлить кхелота.

— Кого? — переспрашиваю без особого интереса. Троллей я уже видел, фейри тоже. Подумаешь, очередная странная раса!

— Коренного жителя острова Кхь, — отвечает мальчик, приноравливаясь к моему шагу. — Ты что же, не знаешь?

Пожимаю плечами. Я и про остров такой сроду не слышал. За пять прожитых тут дней до местной географии дело так и не дошло.

— Странно, — хмурится дотошный ребёнок. — В клане всё так плохо с обучением молодёжи?

Отмахиваюсь, не вдаваясь в подробности:

— Без понятия. У меня с памятью проблемы.

— О-о-о, — сочувственно тянет мальчик. — Всё заново учить придётся? Не завидую.

Оставляю замечание словоохотливого пацана без внимания. Мне сейчас о предстоящем поединке думать надо, а не светские беседы вести. Но ребёнка моё молчание совершенно не смущает.

— Вообще-то про кхелотов как раз мало что известно, — продолжает мальчик. — Тридцать лет назад на бескрайнем безжизненном северном острове разом проснулись все вулканы. А потом его разом наводнили странные люди с красными глазами. Они помнили древние времена и рассказывали возмутительные вещи. Но в их лице кайзер и Великая Росия обрели надёжного союзника и партнёра...

— Ну и мастак ты байки травить, малыш, — усмехаюсь я и наконец выхожу на улицу.

Хорошо, что площадка перед Иерарховым домом весьма обширная, потому что народу тут собралось немало. Все присутствовавшие на совете, охранники, Эма. Кажется, ещё кое-кто подтянулся.

Толпа этих замечательных людей образовала широкий круг, в центре которого со скучающим видом замер Рах Шан. Он оборачивается на звук наших с пацаном шагов и едва заметно, но от этого не менее кровожадно, улыбается.

— Явился всё-таки.

— Сбегать не в моих правилах, — просто отвечаю я, входя в круг. И тут же по периметру и над нами, отсекая шум голосов, вспыхивает силовое поле.

Минуту мы с красноглазым пялимся друг на друга, оценивая. По физическим параметрам он явно мне проигрывает. Но как понять, что ждёт меня в магическом плане, — неясно. Да и недооценивать этого типа из-за тощей комплекции я бы тоже не торопился: такие ребята и безо всякого колдунства бывают весьма неприятными противниками.

— Ранее вы сказали, — вдруг прерывает советник молчание, — что на совете должны равно присутствовать все заинтересованные стороны. Что вы подразумевали под этим?

Неожиданный вопрос слегка выбивает меня из колеи. К чему это он ведёт? Осторожно отвечаю:

— Разве стороны конфликта не должны выяснять отношения друг с другом публично и в равных условиях?

Рах Шан медленно качает головой:

— Нет. То, о чём ты говоришь, противоречит вашей иерархической традиции. Другой вопрос. Как давно ты виделся с одним из моих сородичей?

Открываю рот, чтобы ответить. И закрываю его снова. Во-первых, раскрывать подробности своей личной жизни я не обязан. К тому же вокруг импровизированной спарринг-площадки греет уши толпа народу. Это нам с Равшаном тут ни шиша не слышно. А вот заинтересованной родне за пределами барьера — очень даже. Нет уж. Меньше знают — крепче спят.

— Не въезжаю, о чём вы толкуете, советник, — нахально усмехаюсь я. — Кроме вас есть ещё кто-то?

Ну и пусть моя ложь видна невооружённым взглядом. Не пойман — не вор, ясно тебе, чистейшество?

Рах Шан чуть прищуривается, будто прочитал мои мысли.

— Ладно, — зловеще произносит он. И продолжает, но уже громовым голосом — так, что, наверное, в доме матриарха слышно. — Да начнётся поединок! По законам Великой Росии и с благословения Церкви Второго пришествия!

Замолкает на несколько секунд. Судя по невнятным силуэтам, просвечивающимся через силовое поле, зрители радостно аплодируют и размахивают руками. Ещё бы! Каждый любит смотреть, как кому-то чистят морду. Главное, чтобы не ему самому.

— Поскольку целью поединка является всего лишь проверка способностей МАКСА Воскресенского, для победы ему достаточно будет меня коснуться, — чуть тише говорит красноглазый. — Его проигрыш будет засчитан, когда я пойму, что он не может этого сделать.

Не «если», а «когда»? Кажется, советник кайзера вовсе не сомневается в моём поражении. И не то чтобы я могу его в этом упрекнуть.

Зато у меня есть отвага. И слабоумие, очевидно, — раз вообще во всё это влез. Но идти на попятный уже поздно, потому что Рах Шан воздевает вверх руки и громогласно объявляет:

— Да начнётся поединок!

«После которого я как следует тебя допрошу,» — тут же раздаётся у меня в ушах чей-то мерзкий издевательский голос. А вокруг одновременно материализуются тонкие чёрные нити, напоминающие паутину. И я мгновенно оказываюсь укутан в них по самое не балуй!

Дёргаюсь раз, другой — держат крепко.

— А уже после, — Рах Шан движется среди этих нитей легко, словно настоящий паук. — Я как следует тебя расспрошу.

— Два раза обязательно повторять? — хмуро спрашиваю я, одновременно пытаюсь вызвать огонь, как получалось у меня раньше. Но полыхает пока что только пониже спины.

— Ты слышал? — притормаживает советник. — Не может быть!

Источник наконец отзывается — неохотно, будто просыпается. Давай, лентяй, работай! Спелёнутая нитями ладонь занимается пламенем. Стоит ей освободиться, резко взмахиваю рукой, выжигая всё, до чего дотягиваюсь. Заполняющие пространство нитки горят как шёлковые. В смысле, медленно скукоживаются и тут же осыпаются пеплом. Ну, хоть палёным не воняют, и то хорошо.

Поджигаю вторую руку — а это, оказывается, весело! — и прохожусь огненным колесом по окружающему пространству. Знай наших, красноглазый!

Со стороны советника доносится сдержанный смешок.

— Поймал! — радостно шелестит его голос.

А моё собственное сердце вдруг останавливается. Равно как и всё вокруг. Пространство осыпается красноватым песком. Нет больше ни силового поля, ни ухмыляющегося противника. Надо мной возвышается каменная пирамида, вершина которой упирается в небо. В центре обращённой ко мне грани напряжённо мечется гигантский зрачок — настолько чёрный, что, кажется, поглощает собой все краски мира.

«Покорись!» — набатом бьёт по моей черепушке. Кости гудят и вибрируют, будто медные колокола. Кажется, моя голова сейчас взорвётся.

Зрачок на пирамиде замедляется — и останавливается прямо на мне. Он ритмично пульсирует, одновременно будто бы сдирая с меня слой за слоем. Одежда, кожа, внутренности — всё втягивается внутрь ненасытной черноты. Боли нет, но ощущение распада выворачивает мозги наизнанку.

«Покорись!» — повелевает невидимое существо. А я чувствую себя таким крошечным и бессильным, каким, наверное, не бывал даже в колыбели. Да что там! В материнской утробе! От меня попросту не осталось ничего — я весь внутри непроглядного мрака...

Нет! Этого просто не может быть! Морок, галлюцинация — но точно не объективная реальность!

Остро хочется себя ущипнуть. Исчезнувшие было мышцы конвульсивно дёргаются. Правая рука сгибается в локте, и я вижу всё ещё работающими глазами по-прежнему объятую пламенем ладонь. Не голые костяные фаланги, как я ожидаю, а самые обычные пальцы. Вторая рука тоже в норме — тело всё ещё не слушается, но я буквально заставляю его двигаться, чтобы в этом убедиться.

«Покорись!» — ещё более требовательно звучит приказ. Но бессовестная тьма больше надо мной не властна.

Наоборот! Единственное, чего я сейчас желаю — разнести её к хренам!

Маги ведь не только в ближний бой умеют, правда?

Отступаю на полшага, через противодействующую силу поднимаю вверх обе руки, направляя их в сторону гигантского зрачка. По такому захочешь — не промажешь.

Что там надо кричать в таких случаях? «Файербол»?

Но прежде чем успеваю что-нибудь произнести, с объятых пламенем кулаков срывается целый огненный поток. Куда там жалкому файерболу! Жар разливается по всей грани, поглощая метающийся зрачок и дочерна вылизывая красноватые камни, из которых сложена

пирамида.

Довольно, — приходит мысль откуда-то извне. И тут же организованный мной фейерверк гаснет, а я вновь оказываюсь на огороженной силовым полем площадке. Светлые плиты, которыми она вымощена, растрескались и почернели. В противоположной стороне — полусогнутый, пытающийся отдышаться Рах Шан. Кажется, от его костюма даже поднимается струйка дыма.

Отличная возможность, я считаю!

Бросаюсь вперёд, чуть ли не балдея от вновь обретённой возможности двигаться. Подлетаю к красноглазому, замахиваюсь... и чуть не падаю, ударив пустоту.

А не такой уж он и дохлый оказался!

Шустро разворачиваюсь, потому что советник, не будь дурак, метнулся мне за спину. Вовремя повернулся! Резким движением отбрасываю летящие ко мне раскрытые вражеские ладони. Это считается за касание или как?

Ладно, плевать!

Не останавливаясь, подступаю вплотную... и шлёпаю собственной ладонью этого умника по лбу.

— Теперь ты водишь, — сообщаю ему и отворачиваюсь.

Поединок завершён. Силовое поле вокруг нас немедленно истаивает, а мои уши наполняет не только шум ещё больше увеличившейся зрительской толпы, но и истошный вороний грай. Ничего себе! До сих пор я тут птиц практически не слышал, даром что живём почти в лесу. А тут — целая воронья стая!

Оборачиваюсь к красноглазому. Он вслушивается в птичьи крики так внимательно, будто действительно их понимает.

— Я победил, — напрасно пытаюсь обратить на себя внимание высокопоставленной особы. — Надеюсь, сомнений в моих способностях больше ни у кого нет.

Обвожу приунывших присутствующих мрачным взглядом и замечаю тех, кого тут раньше не было — Игора с матерью. Сопляк, будто застигнутый за подглядыванием, стыдливо отводит взгляд. А после и вовсе отворачивается — к явно находящемуся не в своей тарелке Ангвару.

— В чём дело, дядюшка? — сердито выговаривает гениальный малыш. — Как вы объясните происходящее?

— Я ещё и объяснять тебе что-то должен? — раздражённо бубнит родственник. — Весения, уйми своего...

— Вы со мной разговариваете! — чуть ли не рычит младший наследник. — Не вмешивайте в наши дела ещё и матушку!

Ангвар выглядит так, будто с ним вдруг заговорил банковский счёт. Да не просто заговорил, а требует, поганец, личных привилегий и гражданских свобод! В общем, ведёт себя совсем нехарактерно.

— Успокойся, Игор, — морщится родственник. — Негоже такие дела перед советником Рах Шаном обсуждать.

Игор матерно вздыхает, старательно подавляя рвущиеся с языка слова. И направляется в нашу с советником сторону. Привлечь внимание Рах Шана у него получилось получше моего. Хотя, может, это оттого, что вороны наконец заткнулись.

— Приветствую, чистейший, — церемонно кланяется красноглазому Игор. Советничий титул выглядит сейчас издёвкой — бедняга весь в саже и подпалинах. И только волосы,

собранные в длинный хвост, почти не обгорели. — Надеюсь, с нашей последней встречи с вами произошло много хорошего.

— Ты что-то хотел, мальчик? — чуть раздражённо интересуется Рах Шан, не утруждая себя приветствиями. Как там Капец говорил? «Благочиние слабости»? Вот теперь и я вижу, как оно тут работает.

Не моргнув глазом, Игор продолжает:

— Боюсь, здесь произошло недопонимание. Мои соратники поспешили заранее решить все вопросы, связанные с наследованием. И вмешали в это дело вас. Им не следовало так делать...

У советника досадливо дёргается щека, но голос теперь звучит гораздо спокойнее:

— В каких делах мне участвовать, решают не твои соратники. И даже не я сам.

«А тот, кто мне приказывает,» — словно повисает в воздухе. Кайзер. По какой-то причине он хочет, чтобы место наследника занял именно Игор. А я, видимо, своим появлением вставляю ему палки в колёса. Отличное предупреждение, спасибо, господин советник. Без сарказма, если что.

А Рах Шан тем временем отодвигает Игору в сторону и объявляет всем присутствующим:

— В конце поединка я получил сообщение. Так что МАКСУ, — лёгкий кивок в мою сторону, — здорово повезло.

Ага. Это тебе повезло, что в конце я тебя не приложил как следует. Но при плохой игре всегда нужна хорошая мина, понимаю. Когда советника правителя удельывает в поединке вчерашний неумеха, это много на какие размышления может навести.

— Что случилось, советник? — заискивающе подхватывает вездесущий Ангвар. — Командуйте, мы готовы исполнить свой долг.

Ох, сколько пафоса. Жаль, в грудь себя пока ни разу не ударил. То-то ты сейчас не рядом с разлюбезным Иерархом, а всюю решаешь, кого бы посадить на его место, когда он скопытится.

С такой роднёй врагов не надо.

— Прорыв Бездны оказался слишком велик, — сухо отвечает советник. — Прибывших из столицы ратников пока хватает, но им необходима дополнительная магическая поддержка. Поэтому Макс Воскресенский пойдёт со мной.

Ну конечно! Кому ж ещё, как не мне! А родня и рада стараться — вон как ехидно ухмыляется. Интересно, что они пообещали кайзеру, раз он за них так усердно работает?

— Вы издеваетесь, да? — хмуро интересуюсь я. — Разве от зелёного новичка там будет толк? У меня и умений никаких особых нет. Ангвар куда опытнее.

Сын бывшего Иерарха всплёскивает всеми частями тела сразу:

— Да какой там опыт! Умею кой-чего, по мелочи.

— С Максом точно не сравнится! — поддакивает стоящий с ним рядом дядька.

— Наконец-то настоящий наследник, — начинает кто-то с задних рядов, но его оперативно затыкают.

Красные глаза Рах Шана смотрят насмешливо.

— Ваша проверка только началась. Я ведь уже сказал, что вам просто повезло в поединке.

— А по-моему, кто-то не умеет признавать поражения! — по-настоящему сержусь я. — Не стыдно, господин чистейший?

— Сможешь себя там проявить, — ровным тоном произносит Рах Шан, — и вопрос наследования больше никогда не встанет. По крайней мере, пока я остаюсь советником кайзера.

Присвистываю. Такое щедрое предложение! С чего бы? Дела на этом самом прорыве совсем плохи или так хочется меня туда впихнуть?

Пока я думаю, активизируется Ангвар.

— Господин советник! — старательно сдерживая рвущееся из глубины души возмущение, вопит он. — Как же так? Разве вы не обещали поддержку лучшему претенденту?

— Вот именно, — кивает Рах Шан. — Я обещал её лучшему.

Несмотря на столь высокую оценку, лезть не пойми куда совсем не хочется. Я и так победил — это видели все присутствующие. А уж повезло мне или нет — дело десятое. Сам виноват, что хлебалом щёлкал. Так что я, наверное, откажусь.

— Подождите! — вмешивается в беседу старших молодой наследник. Его голос буквально дрожит — то ли от волнения, то ли от негодования. — Я тоже пойду.

— Игор! — ахает Весения.

— Я тоже пойду! — упрямо повышает громкость мальчишка. — По какому праву вы взялись проверять только его?! Меня воспитывают как подобает наследнику с десяти лет. А Макса в этом качестве даже никогда не рассматривали. Так почему теперь задвигают в сторону меня, а не его?!

Красноглазый задумчиво кивает:

— В твоих словах есть резон. Сделаем так. Проявите себя при ликвидации прорыва, и сами поймёте, кому больше подходит роль Иерарха.

Ну вот, приехали. И как мне теперь от этой вылазки отказаться?!

Глава 21

Отчет и отставка

— Нет! — чуть ли не взвизгивает Весения. От её обычного самодовольного вида не осталось и следа. На бледном фарфоровом лице ни кровинки, обычно яркие голубые глаза потемнели. Так сильно испугалась за своего сыночка? — Вы не можете отправить туда Игора! Только не его!

— В таком случае, он может остаться дома, — щедро разрешает Рах Шан. — Всё равно дела наследования касаются только взрослых членов клана.

— Я взрослый! — ожидаемо психует сопляк. — И я отправлюсь на помощь Иерарху! Даже вы, матушка, не сможете меня остановить.

Вот же! Такими темпами мне тоже придётся туда тащиться. А глядя на реакцию Весении, которая явно знает о прорывах Бездны побольше моего, этого совсем не хочется.

— Думаю, это не лучшая идея, — старательно подбирая слова, произношу я. — У Иерарха там и так дел по горло, а вы хотите повесить ему на шею ещё и двоих профанов.

Весения, обрадованная неожиданной поддержке, энергично кивает:

— Правильно, правильно! Нужно завершить обучение наследника, и уже потом...

— Вы неправильно поняли, — сухо поясняет советник. — Когда я говорил о магической поддержке ратников, то имел в виду себя. Никто не ждёт от ваших детишек подвигов. Зато они смогут показать, на что способны, и трезво оценить свои силы. Возможно, — Рах Шан тонко улыбается, — стремления стать Иерархом у них поубавится.

— Да как можно! — Весения наступает на советника, будто собирается бросить ему вызов. — Вот так, без подготовки! Не позволю!

Ни на шутку разошедшуюся женщину перехватывает Ангвар.

— Простите её, чистейший, — покаянно произносит он, легко удерживая женщину одной рукой и прикрывая ей рот другой. — Бездна в голову стукнула. Могу ли я внести дополнительное предложение?

Рах Шан досадливо морщится, но всё же кивает.

Воодушевлённый Ангвар тут же продолжает:

— Пусть вместе с наследник... ами... отправится Эма. Однажды он уже участвовал в ликвидации, поэтому сможет взять часть обязанностей на себя.

Означенный Эма выходит вперёд. Он бесшабашно ухмыляется, будто весь шум вокруг каких-то жалких прорывов Бездны яйца выеденного не стоит. Может, и правда там ничего особенного?

Советник скептически смотрит на рыжего, но всё же согласно вздыхает:

— Что ж, позволяю. Однако гарантировать ему безопасность я не стану.

— Конечно-конечно! — кудахтает Ангвар. — Он и сам справится. Правда, Эма?

Рыжий согласно кланяется. Но мне кажется, на его физиономии мелькает досада.

— Значит, решено, — подводит итог советник. — Мне нужно кое-что подготовить, поэтому выдвигаемся на рассвете. Не опаздывайте.

С этими словами Рах Шан удаляется, уводя за собой большую часть охраны. А хмурый Ангвар наконец отпускает Весению.

— Что ты устроила? — сурово спрашивает он. — Нам представилась такая возможность...

— Да знаю я! — агрессивно восклицает женщина. — Но ведь Игор совсем юный...

Сопляк возмущённо фыркает.

— Я хорошо обучен и полностью готов принять на себя все обязанности хоть завтра, — чеканит он. — А вот вы, матушка, и впрямь ведёте себя нелепо.

И тоже уходит, оставляя будто бы разом постаревшую женщину в компании Ангвара. Тот похлопывает Весению по плечу:

— Он прав. Помоги ему собраться и не мотай нервы.

Толпящийся вокруг народ, будто разом сообразив, что представление окончено, начинает расходиться. Пора бы и мне честь знать.

— Макс! — слышу вдогонку голос Весени и резко останавливаюсь. — Надеюсь, ты понимаешь, что прорыв Бездны — не место для выяснения отношений.

Не представляю. Вообще не представляю, во что нас втягивает эта красноглазая морда.

— Тем, кто на меня не нападает, нечего опасаться, — тем не менее отвечаю я.

— Спасибо, — почему-то говорит женщина. Я оборачиваюсь, чтобы расспросить её получше, но вижу только удаляющуюся фигуру с идеально ровной осанкой.

Слова Весени вызывают у меня смутную тревогу. Что такого происходит на этих прорывах, что даже высокомерие этой женщины пасует перед её же страхом? Так или иначе, скоро я об этом узнаю.

К дому матриарха я возвращаюсь пешком. Можно было бы воспользоваться пространственным туннелем, но по площадке шляется ещё куча народу, осваивать перед которым премудрости местной телепортации мне не хочется. Я, конечно, видел, как настраивает точку входа Капец, но сам сделать что-то подобное ни разу не пробовал.

Проходя через сад, краем глаза замечаю смазанное движение — будто фея крылышком махнула. Приглядываюсь — никого. Показалось. Надеюсь, нахальная крылатая мелочь никому больше не попалась.

Первое, что я вижу, выходя к дому матриарха, это фигура Орлины, нервно вышагивающая вокруг телепорта. Женщина замечает меня почти сразу и бросается навстречу.

— Почему пешком?! Я уже извелась вся!

Усмехаюсь: мать Максина в своём репертуаре.

— Совет прошёл хорошо, — отвечаю миролюбиво. — Я всех победил.

— Это я уже знаю, — торопливо отмахивается женщина. — Что будем делать с ликвидацией?

Недоумённо прищуриваюсь:

— А что с ней делать?

Орлина озирается по сторонам и кивает в сторону здания — пойдём, мол, туда. Затем произносит, сбавив громкость до минимума:

— Это ведь отличная возможность! Надо придумать, как незаметно избавиться от младшего...

Резко останавливаюсь. Я, конечно многое могу понять. Но когда собственная мать предлагает одному малолетке замочить другого — это явно перебор.

— Даже не думай, — прерываю её на полуслове. — Ни от кого я избавляться не стану.

Орлина отчётливо скрипит зубами.

— Ишь ты, какой благородный! — язвит она. — Ты его ещё братом назови.

Качаю головой:

— Никак я его называть не стану. Но и вредить без надобности тоже не хочу. Я не убийца.

Убийца, убийца, — подсказывает услужливая память. Кое-кого лично, но ещё больше — с помощью своих изобретений. Но, как ни жалко звучит такое оправдание, ситуация в прошлом мире была совсем другая. Там у меня была цель, ради которой я был готов если не на всё, то на многое.

Ключевые слова — «у меня». Удовлетворять амбиции кровожадной тётки я не нанимался.

— Что, до сих пор рассчитываешь с ним договориться? — гневно бросает Орлина. — Не надейся! У них наверняка уже готов план по твоему устранению!

Пожимаю плечами:

— Значит, буду иметь это в виду. Действовать без причин и доказательств в любом случае не собираюсь.

Люди в принципе такие существа. Живут себе рядом, улыбаются, секретами делятся, лучшим другом называют. А в один прекрасный день — раз! — и у тебя нож в печени. Просто приятель вдруг посчитал, что ты представляешь для него опасность. Или вовсе — накатило что-то, бес попутал.

Когда с тобой впервые происходит что-то подобное, рядом быстро никого не остаётся. Только проблема никуда не исчезает — ведь так или иначе с людьми тебе приходится сталкиваться всё равно.

И однажды ты понимаешь: способность человека нагадить зависит не от степени его к тебе близости, а от личных качеств этого человека. А ещё от ситуации, в которой он оказался. И от тысячи прочих факторов.

Поэтому если тебе хочется свести на нет любой риск по получению ножа в какое-нибудь нежное место, придётся убрать от себя вообще всех. Возможно даже — со всей планеты.

Ну, или не запариваться и жить в своё удовольствие. Внимательно приглядывая за каждым, кто находится рядом с тобой. Попахивает паранойей, да? Ну а что поделать, жизнь — она такая, способствует.

В ответ на мой отказ Орлина сердито сопит. Потом тяжело вздыхает:

— Ладно, как знаешь. Ты, главное, не давай никому себя в обиду.

— Обижаешь, — ухмыляюсь я. — Лучше расскажи, чего мне ждать от прорыва Бездны. Весения, кажется, не на шутку испугалась.

Орлина недовольно морщится, услышав имя соперницы.

— От прорыва можно ждать чего угодно, они всегда разные. Однажды, лет... пятьдесят назад, прорыв случился во владениях её семьи, — неохотно объясняет женщина. — Весению тогда и двадцати ещё не было. Место оказалось неудачное — прямо в центре города. К тому же Иерарх был в отъезде. Пока он туда добрался, всё было кончено. Из семьи одна Весения и осталась.

— И что, даже магия не помогла? — скептически хмурюсь я.

— Не думай, что каждый, кто относится к клану Воскресенских, хорошо обращается с Источником. И в любом клане так. Чтобы по-настоящему совладать со своим даром, нужно обладать недюжинным упорством. То, что ты потомок одного из спасителей человечества, имеет значение только для бестолковых изолов.

Если с началом её рассуждений я был согласен, то его окончание меня здорово корбит.

— Ты так говоришь, будто они не люди.

Орлина степенно кивает:

— Относительно нас с тобой — так и есть. Только и мы для них — не люди тоже.

— А кто?

— Сверхъестественные существа. Боги. Объекты поклонения и зависти. Источники власти, денег и удовольствия. Защитники, которые обязаны решать их проблемы.

Взгляд женщины устремляется вдаль и затуманивается, будто она вспоминает что-то из далёкого прошлого. Но рассказывать об этом, она, разумеется, не собирается.

— Если боготворившие тебя существа поймут, что ты слаб, — жёстко произносит Орлина после небольшой паузы, — они заберут у тебя всё, что есть. И даже больше. Именно поэтому я против твоих шашней с этой девкой.

— А я против, чтобы ты указывала мне, что делать, — не менее жёстко отвечаю я. — Пока что у нас с тобой общая цель, но если я решу, что продолжать сотрудничать мне невыгодно, я просто уйду.

Лицо Орлины кривится, словно она вот-вот заплачет.

— Ты никогда таким не был, Максин, — обвиняюще выговаривает женщина. — Всегда делал то, что я тебе говорила!

Киваю:

— Ты права. Максин — делал. Но я Макс. И теперь всё будет по-моему. Лучше помоги мне подготовиться к завтрашнему дню. С чем тут у вас на ликвидацию прорывов ходят?

Орлина наконец переключается на деловую волну, и следующие полчаса мы посвящаем сборам. Оказывается, для боевых вылазок местные маги используют специальные защитные костюмы — гиры. Их создают из особой ткани, способной поглощать и преобразовывать «сырую» энергию Бездны, которую здесь именуют эфиром.

Это довольно вредная для здешнего мира штука, из-за которой часто возникают значительные очаги магического загрязнения. Гиры помогают часть этого загрязнения поглотить и пустить на что-нибудь полезное. Например, на защиту организма владельца, его очищение, обогрев и прочий комфорт.

Поэтому отправившись на зачистку магам нет нужды беспокоиться о бытовых мелочах. В своих чудо-костюмах они и на голой земле выспятся, как на удобной постели.

Орлина выдала мне свёрток, предупредив, что гир примет мой размер, как только я его налену.

Что касается еды, то здесь тоже работает магия: в походном лагере с помощью артефактов создают портал, через который поставляют продовольствие, целебные эликсиры и другие нужные вещи.

Несмотря на такую благостную информацию, я по старой привычке собрал себе некоторое количество припасов. А ещё взял длинный нож, больше похожий то ли на пиратскую саблю, то ли на мачете. Совершенно не боевая штука — местные садовники с его помощью иногда вырубали древесную поросль.

Здесь вообще нет никаких фамильных мечей — сплошная магия. Даже немаги используют в основном устройства с эфирными кристаллами — для охоты, для военных надобностей или преступных целей.

Наконец, нагруженный всем этим добром, поднимаюсь по лестнице к своим покоям. Само собой — предвкушаю скорую встречу с Виррой и увлекательную ночь. Хотя поспать, наверное, тоже не помешает.

Но прямо перед дверью дорогу мне заступает тень.

— А вы не очень-то торопились, — с упрёком произносит знакомый голос. — Я, если что, отчитаться пришла.

— Разве не может это подождать, Сана?

— Вот ещё! — набычивается девушка. — Вы с зачистки, может, и вовсе не вернётесь. И что тогда? Плакали мои денежки?

Вот это я понимаю — честность! Зато не строит из себя бессеребренницу и сказки про вечную верность любимому работодателю не рассказывает.

— Ладно, — вздыхаю. — Выкладывай, что там у тебя.

— Не так уж много, — морщится девушка. — Скучная эта Вирра. Так что я согласна и на половину оговорённого.

— Сначала расскажи, потом посмотрим.

Сана начинает рассказывать — про место, где Вирра родилась, про её родителей, про тётку, которая помогла устроиться к Ангвару. Действительно, ничего интересного.

— А! — внезапно вспоминает Сана, будто что-то совсем незначительное. — Она замуж собиралась выйти. Работать как раз пошла, чтобы денег подсобрать.

— Замуж? — новость будто ударяет меня пыльной подушкой. — За кого?

Сана отмахивается:

— А, за односельчанина какого-то. Вам-то что за дело? Скажите лучше, сколько денег дадите.

Нашариваю в кармане сложенную купюру и вручаю её девушке.

— Да ладно! — удивляется она. — Это всё мне?

Торопливо киваю и жестом отсылаю девушку прочь. К счастью, повторять дважды ей не приходится. А я останавливаюсь перед собственной дверью, не решаясь туда войти.

Меня смущает не сам факт того, что Вирра собиралась выйти замуж. А то, что она даже не подумала мне об этом рассказать. Почему? Скорее всего, ответ на этот вопрос мне очень не понравится.

Но делать нечего. Вхожу в знакомую гостиную. Девушка, напряжённо сидящая на диване, подсакивает и бросается ко мне.

— Ты пришёл! — радостно улыбается она. Но в её глазах мне отчего-то чудится холод. Ну а чего я ждал, любви? Я ведь сам вцепился в неё только из-за внешнего сходства с Верой.

Так хотел хоть ненадолго вернуться в прошлое, старый дурак.

Будто забыл, что чудес не бывает. Даже в волшебном мире их нет.

— Вирра, — тихо зову я. — Почему ты мне не сказала?

Девушка вздрагивает, но не теряет:

— Так я не успела! Сейчас расскажу. Недавно приходил Жуч, очень просил вернуться, перед дверью лаской стелился. Но я не согласилась...

— Нет, — качаю головой. — Почему ты не сказала, что собиралась замуж?

Девушка приоткрывает рот и удивлённо хлопает ресницами.

— Зачем? — спрашивает она. — Какая тебе разница?

— Разве для тебя такое не странно?

Вирра хмурится, будто силясь постичь смысл моих слов.

— Не то чтобы я этого хотела, — осторожно начинает она. — Но с приказом господина Ангвара не поспоришь. Тем более, что ты... вы оказались совсем не таким, как про вас болтали. Лучше уж тогда вам послужу пару лет, Ивес меня подождёт.

Складываю всё, что держу в руках, на диван, усаживаюсь рядом и обхватываю руками голову. Вирра мнётся, стоя передо мной и не решаясь присесть. Явно не понимает, чего это я от неё хочу.

— То есть у вас нормально, что жених ждёт дома, а невеста в это время спит со своим работодателем?

— Ивес не ждёт дома, — терпеливо объясняет девушка. — Он тоже работает, хоть и в семье попроще. А насчёт постели... Не очень принято, конечно. Но если спас тебя захочет, кто же ему сможет отказать?

Вирра ненадолго замолкает, потом спрашивает с жадным интересом:

— Так вы правда память потеряли, как сплетничают?

Что я там собирался? Быть с Виррой настороже? А как, спрашивается, если я совсем её не понимаю? Если для неё приемлемо то, на что я ни за что в жизни не соглашусь?

Хотя, если подумать, её отношение ко мне как раз логично. Нелогично моё. Чего я от неё хочу? И что я могу дать? Мне следовало подумать об этом с самого начала. А сейчас я могу сделать для неё только одно.

Поднимаю взгляд:

— Сколько тебе нужно, чтобы выйти замуж?

Вирра слегка теряется, но всё же неуверенно произносит:

— Ну... тысячу или полторы...

— Жди здесь.

Поднимаюсь с дивана и направляюсь в спальню. Открываю сейф и отсчитываю три тысячи. Возвращаюсь, вручаю деньги поражённой Вирре.

— Забирай, — сухо командую, ощущая себя максимально не в своей тарелке. — Считай, что твоя работа здесь окончена.

В таких похожих на Верины глазах вспыхивает радость пополам с облегчением.

— Спасибо, господин! — счастливо кланяется девушка. — Вовек не забуду!

Отмахиваюсь от её благодарностей и терпеливо жду, пока она уйдёт.

А после сразу отправляюсь в душ. Хочется смыть с себя этот день. И то, что было до него.

Расслабился ты, Макс. Ведёшь себя так, будто оказался в новой песочнице. Но это не твой мир. Здесь всё по-другому. Совсем всё. Даже если похоже внешне, начинка не та.

И кажется, я наконец-то осознаю это в полной мере.

Утром я прихожу к месту сбора первым. Бессонная ночь странным образом привела мысли в порядок. Сейчас я готов встретиться с местной реальностью лицом к лицу.

Рах Шан, Игор и Эма являются почти одновременно. Все трое в таких же костюмах — гирах, как и у меня. Эма заметно нервничает, Игор изображает идеального солдата, Рах Шан недовольно хмурится. Жалеет, небось, что потащил нас в это пекло.

Главное, чтобы мы тоже потом не пожалели.

Красноглазый устанавливает на землю небольшой голубой кристалл. Вокруг него мгновенно вспыхивает контур, напоминающий тот, что настраивал Капец для перемещения по Иерарховым владениям. Только куда ярче.

— Заходите по одному, — неприветливо инструктирует Рах Шан. — И сразу пару шагов вперёд, чтобы следующий не врезался.

Ступаю в круг первым. В нос сразу ударяет запах гари. Делаю пару шагов вперёд и оглядываюсь по сторонам.

Я точно в том же самом мире?

Глава 22

Нулевой уровень

Я оказываюсь в лесу. Высоченные деревья неизвестной породы обступают меня и теряются вершинами в молочно-белом тумане. Точно знаю, что из поместья Иерарха мы отправлялись на рассвете — над верхушками деревьев как раз занималась заря. Но здесь утро даже не угадывается — всё утонуло в густой дымке.

Кроме одного.

Метрах в пятиста прямо передо мной торчит непонятное сооружение, подозрительно напоминающее растущее корнями вверх дерево. И всё бы ничего, но размерами оно примерно с двух или даже трёхэтажный дом. Разве что «вход» расположен слишком высоко — там где массивный «ствол» переходит в «корневую систему» чётко виден широкий разлом, подсвеченный изнутри красным.

А вокруг этого безобразия из тумана проступают слегка фосфоресцирующие скопления кристаллов — я вижу всего два, но почему-то кажется, что их больше.

Место выглядит странно. А назойливый аромат гари, обугленная трава и изломанная неведомой силой древесная поросль говорят о том, что держаться отсюда лучше подальше.

В мыслях мелькает запоздалое опасение: а что, если неугодного наследника втихую телепортировали в какую-нибудь мировую клоаку? Предупреждала ведь Орлина, что вездесущие родственники мне что-то готовят. Не слишком ли доверчиво я поступил, войдя в круг перемещения первым?..

Но изумлённый взглас, раздавшийся позади, тут же эти опасения развеивает. Шелест шагов — и рядом останавливается Игор. Физиономия у него до того восторженная, что хочется треснуть. Чему, спрашивается, радуется? Один вид этого пейзажа сулит неприятности. А уж когда знаешь, что с ними не справился даже хвалёный Иерарх Сердий...

— Как-то слишком тут спокойно, — скептически произносит только что прибывший Эма. Надо сказать, что мне тоже это кажется подозрительным. И вообще. Я рассчитывал, что мы прибудем в лагерь, к людям, а не в непонятную чащу леса.

— Это и есть донжон? — спрашивает младший наследник своего рыжего товарища. — Странно выглядит.

Тот кивает:

— Наверное. Они всегда разные. Только что-то оттуда никто не лезет.

— Наелись и спят? — усмехаюсь я. Эма бросает в мою сторону косой взгляд.

— Это вряд ли, — неохотно отвечает он. — Батя болтал, что оттуда всё время что-то лезет.

— По всякому бывает, — неслышно подкрадывается сзади советник. — Иной раз лезет, а иной — внутрь затаскивает.

Голос Рах Шана шелестит спокойно, вокруг тихо, но по хребту всё равно бегут мурашки. Так и кажется, что из этого донжона на нас кто-то пялится. И прикидывает, как бы половчее сожрать.

— Вы мне лучше вот что скажите, — продолжает советник, сверкая в тумане красными глазами. — Чего вы тут встали, как на торжище?

— А куда нам... — пока произношу, поворачиваюсь назад. И замолкаю, наткнувшись взглядом на пару человек в костюмах, похожих на наши гиры. Эти ребята в паре-тройке

метров от нас терпеливо дожидаются, пока мы наконец налюбujemy окружающими видами. И лица у них такие озабоченные, словно они тут всю ночь только нас и ждали.

— Приветствуем, советник, — хрипло произносит один из мужиков. В его тоне слышится вежливое осуждение. — Иерарх вас со вчерашнего дня ожидает.

Рах Шан кивает, будто именно этого он и добивался.

— Ведите, — приказывает он.

И направляется к ожидающим, предоставляя нам самим решать, следовать ли за ним. Можно подумать, есть ещё варианты.

Проходим мы всего ничего — почти сразу упираемся в земляной вал. Выглядит он неряшливо, то здесь, то там торчат кривые корни или обломанные стволы. Будто бы пробежавший тут великан торопливо зачерпнул землю ладонью-ковшом, на скорую руку слепил из неё стену и побежал дальше.

— Ворон в замке, — негромко сообщает один из сопровождающих.

И тут же с вала слетает верёвочная лестница — совершенно обычная, с деревянными перекладинами. Вообще-то я ожидал какого-нибудь пространственного туннеля, а не вот это вот всё. Советник, видно, того же мнения. Он брезгливо смотрит на лестницу, а затем жестом приказывает Эме по ней взобраться.

Подъём проходит успешно, поэтому следом взбирается Игорь, а затем я.

Оказавшись на вершине земляной насыпи, с интересом осматриваюсь. Вал, на котором я стою, кольцом окружает лагерь, в котором уже царит суэта. Несмотря на рассказ Орлины о волшебных свойствах костюмов-гиров, палатками местные ратники не брезгуют. В центре особо выделяются две из них — небольшая, помеченная красным флажком, и обычная, без опознавательных знаков, но вдвое длиннее остальных.

Лестницы вниз не предусмотрено. Видимо, Эма с Игором спрыгивали по-простому. Тут не очень высоко, примерно в человеческий рост. Сами парни стоят чуть поодаль и выглядят как нашкодившие школьники. А рядом с ними возвышается жутко недовольный Иерарх, который в гире выглядит слишком непривычно. Завидев меня, он ещё больше хмурится. Развожу руками — а что поделать, мол. Я и сам не рад тут находиться.

Прыжок с вала даётся на удивление легко, хоть я не тренировался буквально с детства. Неохотно подхожу к Максинову папаше, но тот уже смотрит поверх моей головы.

— А ты не слишком торопился, нелюдь, — неласково гудит Иерарх. — Ещё и малышню за собой притащил. Кайзер получит подробный отчёт о твоём самоуправстве, не сомневайся.

Показавшийся на вершине насыпи Рах Шан согласно кланяется — и ныряет оттуда, будто пловец в воду. Удивительным образом оказывается на ногах и неторопливо подходит к нам.

— Я планировал взять сюда одного, — кивает в мою сторону. — Эти двое сами напросились. Бардак у тебя в клане, Воскресенский.

Сердий пренебрежительно фыркает:

— За своим гадюшником смотри, красноглазый. Как бы его завтра эфиром не смыло.

— От этого пострадают не только кхелоты, — холодно отвечает советник. — Зато теперь я точно вижу, что зря так спешил. Можно было ещё день на сборы потратить.

Сердий неожиданно кивает:

— Можно. Если бы нынешним вечером прибыли, хуже не стало бы. Наступающий день мы уже потеряли. Надо было отправляться сюда сразу, как получил сообщение.

— Всё так плохо? — язвительность Рах Шана как ветром сдувает.

Сердий приглашающе машет в сторону палаток и направляется туда первым. Красноглазый следует за ним. Нам по-прежнему никаких распоряжений не поступает, но лично я предпочитаю узнать, что происходит, а не шарится впустую по незнакомому лагерю. Игор с Эмой также тянутся за нами.

Мы проходим между палаточными рядами. Вокруг деловито снуют хмурые ратники. Выглядят они потрёпанными и замотанными, хотя значительных ранений ни у кого не видно. Последнее, впрочем, вряд ли показатель успешности сражений. Не знаю точно, на что способна местная медицина, но, судя по фокусам Фати, на многое. Может, местный доктор-умелец этих ребят всю ночь по кускам собирал, кто знает.

Иерарх приводит нас к той самой большой палатке в центре лагеря. Внутри находится грубо сколоченный из брёвен стол и десяток матерчатых походных стульев. На столе разложена карта с непонятными обозначениями и какие-то бумаги. Сердий привычно усаживается во главе стола и терпеливо ждёт, пока мы рассядемся вокруг.

— Так что же тут произошло? — требовательно спрашивает Рах Шан. — Мне сообщали, что уровень донжона не слишком высокий.

— Нулевой, — Сердий чуть прикрывает глаза. — Но закрыть его у нас не получилось. Более того, вчера нам пришлось отступить в лагерь и уйти в глухую оборону. А заражение распространилось до самого вала. Сегодня будет ещё сложнее.

Рах Шан кивает и жестом приглашает Иерарха продолжать.

— В этот раз они не приводят свои войска сюда, — зловеще произносит тот. — Они создают их из подручных материалов.

— Сколько же эфира для этого нужно перекачать из Бездны? — чуть ли не присвистывает красноглазый. — Ты уверен, что такое возможно?

Иерарх недовольно хмурится:

— В прорывах Бездны возможно всё, сам знаешь. Просто раньше тамошние порождения не вели себя настолько разумно. А здесь явно имела место серьёзная подготовка.

— Думаешь, в этом замешаны волховцы? — настораживается советник. — Так-то они давно мутят воду... Правда, ни в чём подобном пока замечены не были.

— Это ваши дела, — отмахивается Сердий. — Расследуешь потом, если захочешь. Моя задача — закрыть прорыв до тех пор, пока о нём не прознали хроникёры. Столица рядом, паника обеспечена.

Красноглазый охотно поддакивает и разговор уходит куда-то в сторону. Кажется, его отношения с Сердием куда лучше, чем показалось изначально. Сейчас эти двое живо напоминают двух стариканов, обсуждающих на завалинке местные сплетни.

— Так каков наш план? — решительно прерываю поток непонятных для меня имён и фактов. — Или мы тут просто поболтать собрались?

— Сразу к делу, да? — одобрительно хмыкает Сердий. — Нам и правда некогда болтать. Дело в том, что донжон активен только днём. Всё начинается где-то через час после рассвета и заканчивается чуть позже заката. Я считаю, что это связано с солнечной активностью. Вы заметили растущие вокруг донжона кристаллы?

Мы вразнобой киваем, а Иерарх продолжает:

— Всего их четыре, и днём они ярко светятся, а ночью гаснут. Атаки происходят только в этот промежуток времени.

— Уверен? — чуть хмурится Рах Шан.

— Нет, — вздыхает Сердий. — У меня был только день для наблюдений, сегодня ещё

вместе посмотрим. Но мне показалось, что эти кристаллы накапливают солнечную энергию. Магическую, к слову, они тоже впитывают.

— Так почему бы не попытаться их разбить? — указываю на очевидное решение. — И посмотреть, что будет?

Иерарх переплетает пальцы и опирается на них подбородком, серьёзно поглядывая на всех нас по очереди:

— Мы пытались. Но магия их не берёт, а нанести достаточно физического урона не получается. Ещё, ко всему прочему, их слишком хорошо охраняют. Но если не получается уничтожить этот донжон извне, значит, нужно разрушить его изнутри. Именно для этого мне был нужен такой напарник, как ты, Рах Шан.

Красноглазый ожидаемого прилива энтузиазма не испытывает:

— Хочешь запихнуть меня в это мерзкое место? Даже не знаю, что тебе на это ответить.

Сердий шумно хлопает по неровной поверхности стола и встаёт с места.

— Не говори пока что ничего. Нам ещё день нужно продержаться. Раньше вечера прорваться к донжону вряд ли получится, — Иерарх обводит нас тяжёлым взглядом. — Поэтому смотрите в течение дня в оба. А вечером... Я жду ценные соображения и предложения от каждого. Раз уж вы здесь, будем это использовать.

Резкий звук трубы врывается в наш тесный междусобойчик.

— Началось, — Сердий отталкивается от стола и направляется к выходу. — Синхронизируем навыки по старой схеме.

— Так и знал, что всё этим закончится, — недовольно шипит красноглазый, тоже поднимаясь с места.

Затем обращается к нам:

— На выход, детишки. В бою пока без вас обойдутся, так что будете меня охранять.

Вместе с красноглазым советником выходим из палатки. За то время, пока нас не было, взошло солнце. Туман вверху рассеялся настолько, что видно голубое, без единого облачка, небо. Но у земли он, кажется, даже стал плотнее. Да и вообще — будто бы появилось какое-то странное давящее чувство. Будто на грудь взгромоздили такой тяжёлый камень, что дышать тяжело.

— Так действует эфир, — сообщает Игорю Эма. Ну и я заодно послушаю. — Твой гир поглощает большую часть воздействия, просто пока не напитался как следует. Потом станет полегче.

А мне становится легче, когда я вижу, что перед самым валом собралось довольно много народу. Получается, ратников тут действительно хватает.

— ...задача та же, — доносится зычный голос Сердия. — Отвлекаем внимание на себя и стараемся не сдохнуть. Всё понятно?

— Куда уж понятнее? — весело отзывается кто-то. — Портатор в зубы — и крошить деревья. Мы ж в лесорубы нанимались.

Другие ратники подхватывают только им очевидную шутку. Ожидаю, что Сердий скажет им пару ласковых, но он тоже усмехается.

— Ничего, — говорит Иерарх, указывая в нашу сторону. — Сегодня должно быть проще. Теперь с нами советник Рах Шан.

Красноглазого встречают радостные возгласы и приветственные улыбки. Он подходит к Сердию поближе и, морщась, произносит:

— Начнём.

И тут же они замирают на некоторое время, пристально глядя друг другу в глаза. Выглядит странно, если честно. Хотя мне кажется, я вижу, как вокруг них циркулируют энергетические потоки.

— Что они творят? — спрашиваю за неимением лучшего у Игоря.

— Синхронизируют навыки, — с восторженным благоговением отвечает сопляк. — Объединяют способности, что существенно их приумножить.

Киваю с умным видом, будто понял, о чём он говорит.

Как раз и гляделки этих двоих заканчиваются. Иерарх как ни в чём не бывало поворачивается к земляному ограждению и приступает к какому-то колдунству. Рах Шан же отступает на полшага и замирает, прижав пальцы к переносице.

Пока мы подходим к советнику, колдунство Сердия приносит плоды. Земля перед защитным валом вдруг поднимается, образуя что-то вроде пандуса, по которому теперь можно забраться наверх. Что ратники во главе с Иерархом и делают.

— Эй, детишки, — говорит Рах Шан напряжённым голосом. — Помогите мне тоже взобраться наверх.

Игор послушно подхватывает красноглазого под руку и тянет вверх по «пандусу». Рах Шан ползёт так, будто отчего-то разучился ходить.

— А ты умеешь привлечь внимание, — негромко бросает Эма, пока мы принаравливаемся к медленному шагу советника. — Никакого почтения к Иерарху.

Хмыкаю:

— Зато у тебя того почтения выше крыши. Удобно.

— Что — удобно? — Эма явно ожидает подвоха.

И я не разочаровываю:

— Тебя использовать.

— Да что ты понимаешь! — фыркает Эма. — Служить своему клану — большая честь!

— «Служить бы рад, прислуживаться тошно», — насмешливо цитирую классику.

Эма ожидаемо не понимает и спрашивает с подозрением:

— Это ты к чему?

— Сам думай, — отмахиваюсь я. Потому что мы наконец взобрались наверх и встали рядом с Рах Шаном. Он по-прежнему не отнимает пальцев от переносицы. Голова что ли заболела?

Что касается мини-войска во главе с Иерархом, оно в полном составе уже внизу. В глаза бросается странность — до сих пор одинаковые гиры ратников выглядят слегка по-разному. Или мне просто кажется?

— Смотрите! — взволнованный Игорь указывает прямо вперёд. — Что это?

Из тумана выступает высокая коренастая фигура, будто бы созданная из древесных стволов. Длинные руки с острыми когтями чуть ли не по земле волочатся. На уродливой физиономии с красными светящимися глазами застыла ярость. Существо останавливается и беззвучно кричит. Мощный порыв ветра врывается в ожидающее приказа воинство и на излёте пытается столкнуть нас со стены.

Но это ещё не всё!

Будто в ответ на зов, вокруг твари вздыбливается дёрн, оттуда лезут такие же существа. Несколько секунд — и перед воинами Иерарха возвышается целая толпа импровизированных деревянных «солдатиков», которые вот-вот ринутся в бой.

Не дожидаясь такого развития событий, Рах Шан вскидывает вперёд правую руку и

резко сжимает её в кулак. Пространство среди нападающих тут же заполняют знакомые мне чёрные нити. Ого, советник может запускать магию на такие расстояния?! Поразительно.

Древесные существа бросаются вперёд и замирают, запутавшись словно мухи в паутине.

И только в этот момент в руках Сердия вспыхивает огненная плеть, а ратники направляют в гущу врагов какое-то оружие, похожее то ли на пистолет, то ли на волшебную палочку.

Плеть Иерарха проходится по деревянным созданиям, не просто поджигая их, а будто перерубая. Палки в руках ратников ярко вспыхивают. Может, это всё-таки пистолеты? Потому что выстрелы явно попадают в цель и разносят нападающих в щепки.

Победа? Не тут-то было!

На месте каждой павшей твари поднимаются ещё две, куда злее и шустрее. Простая логика подсказывает, что к вечеру их таким образом получится тьма тьмущая. Сможем ли мы выстоять?..

— Осторожно! — ввинчивается в уши звонкий возглас Игора.

«Это он сейчас кому?» — единственное, что я успеваю подумать.

Глава 23

Живая бомба

Будто пинком гигантской невидимой ступни меня отбрасывает в сторону и вжимает в насыпь. Дыхание на мгновение перехватывает, темнеет в глазах, а голову будто оборачивает толстым слоем ваты. Что вообще случилось? Это взрыв? Тогда почему настолько слабый?

Мелькает мысль, что повреждения сильнее, чем мне кажется. Услужливая память подкидывает байки на тему, одну другой веселее. Торопливо приподнимаюсь на локтях и осматриваю себя. Вроде всё в порядке.

Что же тогда в меня прилетело?

И не только в меня! На некотором расстоянии от места моего приземления поднимается Эма, ещё дальше шевелится чудом не слетевший с вала младший наследник.

Зато советник Рах Шан стоит на месте, как вкопанный. Он невидяще смотрит прямо перед собой и медленно совершает руками одному ему понятные движения. А вокруг него мельтешат мелкие светящиеся точки.

Я так приложился головой, что меня глючит?

Прищуриваюсь, надеясь, что проблема со зрением исчезнет. Не тут-то было! Наоборот, мелькающие точки становятся чётче и напоминают то ли крупных мух, то ли мелких бабочек, которые почему-то ещё и светятся синим или голубым.

И что самое поганое — тварей этих тут целый рой. Они выются над Рах Шаном как над банкой с... пусть будет мёдом. Не просто выются, а пытаются добраться! На полной скорости подлетают — и отскакивают, будто ударяются в прозрачное стекло.

— Ну и какого беса вы тут тормозите? — недовольным тоном интересуется советник. — Эфирный взрыв был не таким уж сильным.

Пристыжённые Игор с Эмой бодро подскакивают и с видом побитых бобиков подгребают к Рах Шану.

— А что, нам есть, куда спешить? — нахально интересуюсь я, отряхивая гир сзади. Хотя это, кажется, ему без надобности: к магической ткани никакая грязь не пристаёт.

Но красноглазый не настроен на шуточки.

— Сейчас эта дрянь проколупает мой щит, — меланхолично объясняет он. — Потом меня. А затем ребята, которые благодаря мне сейчас безуспешно нападают на ратников кайзера, очухаются и открутят кому-нибудь из них головы. А следом придут сюда. Всё ясно?

— Да куда уж яснее, — ворчу, подбираясь к столбому стоящему советнику поближе. — Получается, эти шгуки всё-таки наносят урон?

— Конечно, — красноглазый резко дёргает рукой, и с поля боя доносится душераздирающий скрип и приветственные крики. — Они до краёв заполнены сырым эфиром, который при соприкосновении со щитом взрывается.

При ближайшем рассмотрении нападающие на мух или бабочек совсем не похожи. На самом деле это мелкие голубые цветы, которые будто вдруг ожили, снялись с насиженных веток и пошли войной на кайзера советника.

Ума у них при этом ещё меньше, чем у реальных насекомых. Внутри роя цветы двигаются хаотично и врезаются в щит скорее по случайности, чем целенаправленно. Больше всего их поведение похоже на мошкору, которая слетается к источнику света. И только если совсем приглядываться, можно углядеть вспышку при каждом столкновении.

Удивительно, что при этом заполненные взрывоопасным «сырым эфиром» твари не детонируют сами.

— Да это же цветы фисарзии! — удивлённо восклицает гениальный малыш Игор. — Почему они летают?

— Потому что, — язвит советник. — Разве прямо сейчас это самый важный вопрос? И правда — с момента первой атаки плотность роя значительно увеличилась, а щит Рах Шана крепче точно не стал. Только вот дезинсектор из меня так себе. Если только попробовать...

У дураков мысли сходятся — есть такая поговорка. Так что ничего удивительного, что прищучить наглых недонасекомых мы втроём решаем одновременно. Хорошо хоть, с разных сторон!

Недавно освоенным способом я выдаю по мелким тварям струю огня. Часть цветочков взрываются и осыпаются пеплом на щит красноглазого. Но большая часть умудряется отлететь в сторону, будто угадывают направление моей атаки по движению воздуха.

Зато атаку Игор они игнорируют, будто ледяные иголки, которыми он в них запускает, не представляют никакой опасности. Справедливости ради, так и есть: большая их часть пролетает мимо мельтешащих целей. А те, которые попадают, практически не наносят никакого урона.

— Да чтоб вас Бездна пожрала! — в сердцах выдаёт Эма.

Ему приходится труднее всех. Атаковать на расстоянии он, кажется, почти не умеет: выданный в воздух электрический разряд оборачивается пшиком. А отойти в сторону и не мешать людям с более подходящими для сражения с цветами способностями (то есть, мне) рыжий не догадывается.

Наоборот: заряжает ладони электричеством — и давай скакать, пытаюсь распугать рой цветочных врагов!

— Эма! — рычу я, чуть не подпалив пустую голову дурня. А он, как назло, продолжает мешать именно мне. А ведь нужно ещё и в Рах Шана умудриться не попасть!

— Смотри, куда палишь, безглазый! — дерзко усмехается он и подпрыгивает особенно высоко. На манер волейболиста шлёпает раскрытой ладонью по скоплению светящихся насекомых.

И исчезает в ослепительной вспышке.

Меня ударной волной в этот раз не отбрасывает — то ли она слабее прежней, то ли я лучше к ней готов, то ли и то, и другое. Игор тоже остаётся на ногах, хоть и отшатывается, закрывая лицо руками.

А вот Эма безвольным мешком слетает с вала, на котором мы находимся. Повезло, что приземляется он быстро, на поднятый Иерархом «пандус».

Падает — и лежит без движения. Левая рука неестественно вывернута, с правой кисти будто содрали кожу. Содрали — и прижгли, аж дым курится. Или не дым: чернота не просто поднимается вверх, она будто присасывается к открытой ране, напоминая призрак жирной откормленной пиявки.

Видя такое дело, Игор испуганно вскрикивает, а я с трудом удерживаюсь от ёмкой характеристики поведения рыжего идиота.

Хоть бы не помер что ли...

Но бежать к нему на помощь резко становится некогда. Будто почуяв слабинку, волшебные цветочки ускорятся и колотят в щит советника с утроенной силой. Подставлять

под удар целую толпу народу совсем не хочется, а значит, нужно срочно что-то придумать. И моих магических способностей явно будет недостаточно.

— Игор! — мой окрик останавливает готового броситься Эме на помощь мальчишку. — Возьми себя в руки! Какая у тебя боевая задача?

Младший наследник поворачивает назад. На его бледных щеках блестят слёзы. Ну, хоть слушается, и то хорошо.

— Сможешь из своего льда сделать щит вокруг советника? — спрашиваю максимально спокойным тоном. Не знаю, какой от этого будет толк, но мы должны хотя бы попытаться.

Мальчишка не отвечает, даже не кивает. Он закрывает глаза и взмахивает рукой в сторону Рах Шана.

И ничего не происходит.

Снова взмахивает.

Никакого эффекта!

— Не хочу вас торопить, — бесцветно произносит красноглазый. — Но моя защита сейчас...

Сферический щит советника становится видимым, потому что по всей поверхности его прорезает светящаяся трещина. И тут же исчезает под толстым слоем полупрозрачного льда.

Надо же, у мелкого гения всё-таки получилось!

Рой цветов, лишившись законной поживы, обиженно тычется в твёрдую поверхность. Только вот микровзрывов, как при контакте с магическим щитом, что-то не видно. Соцветия безвредно стучат по ледяной корке. Лишь бы внутрь проникнуть не сумели...

— Слушай, — спохватываюсь я. — А воздух-то у советника есть?

Игор сверкает в мою сторону чуть светящимися глазами и без слов делает несколько отверстий в средней части ледяной конструкции.

— Давай-ка их пониже сделаем, — скептически оцениваю я результат. — Цветы залетят.

Мальчишка досадливо фыркает, но делает, что сказано. Хоть не спорит, уже неплохо.

Одобрительно киваю:

— На первое время пойдёт.

— Теперь я могу помочь Эме? — с вызовом спрашивает ребёнок.

И, конечно же, я отвечаю:

— Нет. Наш бой ещё не завершён. Смотри, у нас есть не так уж много времени. Скоро они пробьют твой лёд. Или он сам растает.

— Я ещё сделаю! — в голосе Игоря звенит гнев. — Но Эме надо помочь! Как ты вообще можешь быть таким...

Вот только истерики мне не хватало!

— Заткнись, — веско произношу я. — Так хочешь поскорее стать наследником?

— При чём тут это? — возмущённо твякает сопляк. — Своим надо помогать...

— При том, что сейчас от тебя зависит жизнь не только этого оболтуса, но и целого Иерарха. И кучи других людей. Ты же не сможешь подновлять этот щит вечно, правда? Поэтому заткнись и выполняй команды.

Игор наконец замолкает, переваривая услышанное.

А я задумываюсь. Отвлечь цветочки на себя не получится — они реагируют только на советника. Будто кто-то их на него направил, а альтернативной команды не дал. Вот и бьются они об щит с упорством, достойным лучшего применения.

Огонь мой работает на них хорошо, но эффективность никакая: цветы разлетаются от него, будто чувствуют приближение. А как его ускорить — не знаю. Если только что-нибудь взорвать... Так ведь нет ничего поблизости. Может, и во всём лагере нет — маги всё-таки, а не простые солдаты.

Мой задумчивый взгляд шарит по округе и останавливается на Игоре, как раз поправляющем поплывший было лёд.

— Слышь, мелкий, — медленно, всё ещё додумывая свою безумную идею, произношу я. — А ты сможешь сделать такой же шар вокруг меня? Только я не на месте стоять буду, а двигаться.

— Смогу, — резко отвечает насупленный мальчишка. — Наверное.

Усмехаюсь:

— Ты уж постарайся. Если всё получится, спасёшь своего рыжего приятеля. При условии, конечно, что он ещё не сдох.

Наследник смотрит волком, но отвечать считает ниже своего достоинства. Указываю на сферу с невозмутимым Рах Шаном внутри:

— А ещё помоги мне наверх взобраться. Очень надо.

На круглом ледяном боку вырисовывается что-то вроде ступеней.

— А можешь сделать, чтоб несколько было? Что-то не хочется в самый ответственный момент навернуться.

Игор шумно выдыхает, явно желая мне всего плохого. Но вершина сферы заметно уплощается, а ступеньки из блестящих становятся матовыми. Не знаю, правда, насколько это поможет с них не сверзиться, придётся поверить на слово.

Вообще ни в чём не уверен, но действовать как-то надо. И ради валяющегося в отключке прикурка Эмы в том числе. Молодой ещё, рано ему туда.

— Готовься накинуть на меня лёд точно по команде, — даю Игору финальные наставления. — Иначе придётся всё переделывать.

— Да знаю я, — раздражённо отмахивается гениальный малыш.

Надеюсь, что он не врёт. А ещё надеюсь, что я сумею мгновенно выдать нужную температуру.

— На старт, — команду сам себе.

— Внимание... — будто в омут, бросаюсь вперёд. Нет, не в глупой надежде набрать хоть какую-нибудь скорость — на такой хлипкой лестнице это точно не получится.

А просто чтобы не успеть затормозить в нужный момент.

По лестнице буквально взлетаю. Не знаю, что Игор с ней сделал, но лёд под ногами и вправду не скользит.

— Давай! — ору я, отталкиваясь от поверхности ледяной сферы изо всех сил — точно в гущу светящихся лепестков. И сразу же заставляю себя вспыхнуть.

Не вижу, как нарастает лёд, зато чувствую мгновенно нарастающее вокруг давление. Поддаю жару, черпая из Источника полными горстями. Хорошо, что своя температура не страшна!

Хлопок — и свобода! Свободное падение, блин!

Как приземляться буду, я и не подумал!

Пушечным ядром врезаюсь в ледяную преграду, прошибаю её и втыкаюсь в землю.

Живой? Живой! Ещё и одетый — вот что значит подходящий костюм.

— В следующий раз предупреждать надо, — раздаётся рядом недовольное. Оказывается,

при падении я зацепил Рах Шана. Сейчас красноглазый сидит среди ледяных обломков на земле, потирая ушибленную голову и невидяще пялясь куда-то в пространство.

— Извини... те... — покаянно бормочу я. Мне и правда стыдно — самую малость. Но если всё получилось...

Поднимаю взгляд вверх — неужто победа?

— Это что так рвануло? — удивлённо спрашивает Игор. — Лёд?

— Вода, — ухмыляюсь я. — Вскипела.

— Эй! — напряжённо произносит советник. — Поднимите меня! Скорее!

Мы с младшим наследником дружно бросаемся к Рах Шану и подхватываем его под руки. Стоит ему утвердиться на поверхности, он сразу же отталкивает нас в стороны и начинает делать руками какие-то пассы.

— Он что, не видит? — спрашиваю у Игоря, невежливо кивая на советника.

— Вижу, — отвечает Рах Шан вместо мальчишки. — Но только то, что видит Иерарх. Так работает синхронизация навыков.

Ну не знаю. Может, это и эффективно. Но я бы на такое вряд ли подписался. Остаться полностью беззащитным, полагаясь на таких неучей, как мы... Жуть.

Внимательно оглядываю вверенное мне «поле битвы». Цветочный рой как взрывом сдуло. Значит, я могу посмотреть, как там побитый собственной глупостью Эма. А то суетящийся вокруг него Игорёк точно ему на голову наступит.

Подхожу поближе. Правая ладонь выглядит совсем плохо. Она окончательно почернела, только через остатки плоти просвечивают белые кости. И это ещё под рукавом не видно, что с этой рукой выше.

Выглядит рыжий откровенно плохо. Но вроде дышит, хоть на попытки Игоря привести его в чувство и не реагирует.

— Лучше убейте его, — равнодушно произносит Рах Шан. — Если сырой эфир попал в кровь, очистка может не помочь.

Игор вскидывает на меня умоляющий взгляд. Но я вообще-то тоже палачом работать не нанимался.

— То есть, помочь всё-таки может? — уточняю я.

— Шанс десять процентов, — отвечает красноглазый. — Слишком мало.

— Перед употреблением проконсультируйтесь со специалистом... — еле слышно бормочу я.

— Что? — переспрашивает младший наследник.

— Я говорю, на тебе защита советника. Чуть что — морозишь его и молишься, чтобы никто ему ничего не сделал.

— Очень надёжно, — язвит красноглазый. — Ещё немного, и я подумаю, что вы хотите меня убить.

Продолжаю, не обращая внимания на не представляющие ценности реплики:

— А я отволоку этого болезного в лазарет. Пусть спец решает, что с ним делать. Лекари ведь там, в палатке с флагом?

Игор кивает, затем церемонно кланяется. Шепчет:

— Спасибо.

С его помощью взваливаю бесчувственного Эму на спину. Почему-то он оказывается куда легче, чем можно подумать по его виду. А вдруг он там, под костюмом, сейчас превращается в мумию с торчащими костями?..

Запах разложения, правда, я от него не чувствую. Наоборот — вокруг витает что-то цветочное. Надеюсь, это добрый знак. Но шагу всё равно прибавляю.

Когда я вваливаюсь в палатку к медикам, в меня тут же впиваются три пары глаз. Раньше всех отмирает откровенно немолодая тётка с ежиком седых волос.

— Сгружай сюда, — деловито командует она, указывая на стол. Делаю, что сказано, пока двое других медиков, оба мужчины, подгребают поближе.

— Его эфиром заразило, — на всякий случай предупреждаю я. — Это можно вылечить? Тётка пожимает плечами:

— Попробуем. Хорошо, сегодня раненых не так много.

— Тогда оставляю его на вас, — согласно киваю.

— Беги, мальчик, — машет рукой женщина, явно мысленно уже занимаясь пациентом.

Ухожу, не оборачиваясь. Что возможно, я для Эмы сделал.

С этой мыслью возвращаюсь на свой пост. А дальше тянутся долгие томительные часы. Больше на Рах Шана никто не нападает. Оно и к лучшему: не уверен, что снова решусь на подобные эксперименты. По крайней мере, не сегодня.

Вообще использовать себя как детонатор — не самая умная идея. Было бы гораздо лучше, умей я вызывать взрывной рост температуры на расстоянии. Игор ведь умеет создавать ледяные сферы, даже не дотрагиваясь до них пальцем. Может, и я смогу делать что-то подобное?

Вот только как этого добиться, я так и не придумал.

Ещё от нечего делать разглядываю происходящее на поле боя. Благодаря контролю Рах Шана, у ратников во главе с Иерархом дела идут неплохо. Они крошат нападающих в труху. Но... На месте каждого уничтоженного тут же встаёт новый. И он не приходит из донжона. Он буквально создаётся из подручных материалов. Ожившие брёвна, деревья, щёлкающие зубастыми челюстями, созданные из камней фигуры монстров...

Это похоже на бесконечный кошмар под яркими лучами солнца. Которые, к слову, туман в лесу так и не развеяли.

Наконец на поле боя опускается мгла. Кристаллы, которые целый день светились вокруг донжона, меркнут. Внизу, под оградой, слышится рёв трубы и радостные крики.

Мы с Игором переглядываемся. Неужто этот муторный день всё-таки закончился?

И будто нам в укор, Рах Шан издаёт странный звук и оседает на землю, словно из него разом вынули все кости.

Глава 24

Пока все спят

Только этого нам не хватало! Пока младший наследник сломя голову бросается Рах Шану на помощь, я внимательно осматриваюсь по сторонам. Не подобралась ли к нам под шумок ещё какая-нибудь дрянь?

Как ни странно, вроде никого.

Красноглазый меж тем кое-как усаживается ровно. Выглядит он откровенно плохо: физиономия стала не то что ещё бледнее, она совсем посерела. Красные глаза ввалились, будто у столетнего вампира, и зыркают так, словно Рах Шан прямо сейчас выбирает, кто из нас с Игорем повкуснее.

Надеюсь, решение будет не в мою пользу!

И кажется, так и есть. Советник судорожно цапает младшего наследника за ворот и с нечеловеческой силой притягивает к себе.

— Мяса... — сипит он ему на ухо. — И вина... Скорее...

И так же судорожно отшвыривает мальчишку от себя. Тот еле-еле удерживается на ногах. Но не возмущается, а молча разворачивается и несётся в лагерь — видимо, в поисках запрошенного.

Рах Шан тяжело вздыхает и возится на своём месте, чтобы устроиться поудобнее.

— Уникальные способности, говорили они, — негромко бубнит он. — Идеальная поддержка, ага... Всё время в тылу, как же... Ненавижу синхронизацию...

Наконец он усаживается, как ему надо, и обращается ко мне:

— Ну что, МАКС, есть мысли по поводу всего этого?

Чего «этого» он не уточняет. Подозреваю, речь не о его плачевном состоянии. Подхожу к краю и смотрю, как ратники во главе с Иерархом расчищают проход к донжону, заваленный древесными обломками и прочим мусором, который остался от нападающих. Весь этот хлам не просто убирают в сторону, а ещё и дробят на более мелкие куски — видимо, чтобы вражеским силам было сложнее соорудить из них что-то путное.

— Мне кажется, — осторожно произношу я, — что мы как-то неправильно с ними сражаемся. Толку ноль.

Советник согласно поднимает вверх указательный палец:

— Вот и я об этом. Кажется, создания Бездны всё-таки придумали, как с нами разобраться.

Он хрипло смеётся, будто сказал что-то забавное.

— Смотри, — продолжает он, кивая в сторону темнеющего леса. — Сколько там сырья. Если они накопят достаточно подходящей энергии... Как скоро они нас сметут? И направятся к столице...

Пожимаю плечами:

— Ключевое слово — «если». Сначала стоит разобраться, что в этом донжоне вообще происходит. А уж потом будем рассуждать, сметут нас или не сметут.

Советник устало прикрывает глаза.

— Пожалуй, ты прав. Будущее не предопределено. А просчитывать вероятности — не нашего ума дело.

Издали слышится приближающийся топот, а через несколько секунд рядом с Рах

Шаном бухается на колени Игор.

— Простите, советник! — частит он, даже не пытаясь отдышаться. — Мясо нашлось только вяленое, а вместо вина — вот...

Наследник суёт в руки красноглазому фляжку. Кажется, в моём рюкзаке даже лежит похожая. Советник отхлёбывает с явным предвкушением — и тут же брезгливо кривится.

— Вода!

А судя по тону, там моча должна быть, не меньше.

— Простите, — мямлит Игор. — Больше ничего не нашёл...

Рах Шан досадливо отмахивается:

— Забудь. Лучше мясо давай.

Пока Игор почтительно откармливает оголодавшего кхелота, я смотрю, как закончившие уборку ратники возвращаются к валу. Интересно, как они собираются сюда подниматься?

Впрочем, ответ на невысказанное я получаю тут же. Иерарх с видом «смотрите и учитесь, щеглы!» повторяет своё утреннее колдунство. Земля послушно приподнимается, и усталые воины наконец устремляются в лагерь. Сам Иерарх идёт последним, а позади него пафосно возвращаются на место пласты поднятой земли.

Отхожу в сторону, чтобы не мешать утомлённым бойцам проходить.

— А вы молодцом, советник, — белозубо усмехается один из ратников. — Без вас вчера трудновато было.

— Заткнись, балабол, — насмешливо отзывается ещё кто-то. — Иерарх Сердий за такие речи башку откручивает.

— С чего бы? — гудит тоже уже поднявшийся Иерарх. — Он прав. Хотя не слишком чистейший Рах Шан перетрутился, как я погляжу.

И правда: помиравший недавно советник смотрится теперь вполне достойно. Стоит себе спокойно — руки на груди сложил, смотрит насмешливо. Вот что с людьми... в смысле, кхелотами, еда и отдых делают!

— У нас говорят, что существо, выполняющее своё предназначение, не ведает усталости, — патетически произносит он.

— У нас тоже есть такая пословица, — согласно кивает Иерарх. И с некоторым осуждением бросает взгляд на Игоря, которому, видимо, Рах Шан отдал еду и воду. Мальчишка краснеет и торопливо прячет руки с припасами за спину.

— Спускаемся, — командует Сердий. — Ночью наверху нельзя находиться.

Да и не хочется, — поддакиваю мысленно. За целый день сидения на валу окружающие пейзажи уже набили оскомину. Предвкушающие скорый отдых ратники шумно топают первыми, мы идём следом — только молча. Если Сердий будет воплощать в действие свой план, ни о какой передышке не может быть и речи. Повезло же, что доставшееся мне тело подпитывается напрямую из Источника!

— Поговорим за ужином, — отрывисто бросает Иерарх, когда мы наконец подходим с штабной палатке. И взмахивает рукой в сторону входа, как бы приглашая войти. Кроме нас с советником входят ещё двое мужиков, видимо, офицеры. Что интересно — опознавательных знаков на их одежде нет. Или я просто их не вижу.

Плоские деревянные коробки, которые ждут нас на столе, как раз оказываются этим самым ужином. Внутри находится поднос с углублениями, в которых разложены порции еды: какое-то мясо, неизвестный салат и гарнир, по виду напоминающий пшённую кашу.

Сбоку приложены приборы — обычная вилка и — непонятно зачем! — нож с зубчатым лезвием. Поднос по виду напоминает какую-то лёгкую керамику, вилка и нож привычные, металлические.

А ещё рядом стоят доверху налитые чем-то красным стаканы. Судя по запаху — это внезапно чай или что-то похожее. Советник, явно ожидавший другого напитка, брезгливо нюхает предложенную жидкость. Никак не комментирует, только едва заметно, но от этого не менее страдальчески, вздыхает.

Иерарх во главе стола берёт приборы в руки. Обводит нас всех тяжёлым взглядом и наконец произносит:

— Сегодняшний день ясно показал, что долго так продолжаться не может.

По виду присутствующих понятно, что в целом они согласны с такой оценкой ситуации. Однако один из офицеров, помоложе, всё-таки возражает:

— Сегодня мы существенно купировали область заражения и вернули то, что потеряли ранее.

Иерарх аккуратно пилит ножом кусочек мяса — непонятно зачем, они и так мелкие. Затем, так и не попробовав, откладывает приборы в сторону. Задумчиво трёт бородатый подбородок.

— Так и есть, — наконец кивает он. — Однако вчера наши противники были значительно слабее нынешних. А значит, они адаптируются. Сегодня мы отбросили их благодаря помощи Рах Шана. Но что будет завтра?

Вопрос повисает в воздухе. Справедливости ради, если бы не мы с Игором, навалили бы и советнику. Это не про то, что мы охренеть какие молодцы, а к тому, что сегодняшняя победа — чистое стечение обстоятельств. И это очень, очень плохо.

— Людей тоже не хватает, — тяжело вздыхает второй офицер, пожилой дядька с пушистыми усами. — Мы прибыли донжон нулевого уровня зачищать, а тут...

Молодой офицер со скорбным видом кивает. Кажется, Иерарху он возражал, только лишь бы что-нибудь сказать.

— Таким образом, у нас есть два пути, — резюмирует Сердий. — И оба мне не нравятся. Первый — запросить поддержку вооружённых сил...

— Протестую, — быстро отзывается советник. — На Эхаре что-то намечается, на Буйном и не прекращалось. Мы не можем ослаблять армию.

Сердий смиренно кивает, будто Рах Шан говорит именно то, что он ожидал.

— Второй путь — объявить общий сбор. Созвать всех Иерархов и придумать...

— Нет, — сердито хмурится советник. — Этот вариант нравится мне куда больше, но кайзер на такое точно не пойдёт. Это может вызвать ненужные вопросы.

Ну да, понимаю. Вопросы из серии «на кой чёрт нам такой кайзер, если твари из Бездные на его территории творят, что им хочется?» Опасно, опасно.

— Значит, объявляем в Ланинграде чрезвычайное положение и эвакуируем людей, — улыбается Сердий в бороду. Издевается, не иначе.

— Совершенно исключено! — обычно спокойный советник вскакивает на ноги и грохает ладонью по столу, чуть не опрокинув многострадальный стакан. Лёгкому походному стулу повезло куда меньше — он вообще отлетел к матерчатой стенке палатки. — Столицу это не должно затронуть ни в коем случае! Делай что хочешь, но будь добр!..

— Отлично, — Иерарх невозмутимо кивает и возвращается к еде. — Значит, ты не будешь против отправиться со мной в разведку.

— Буду, — ворчливо отвечает Рах Шан. Оглядывается в поисках стула и лично отправляется за ним. Эх, был бы тут Ангвар — точно сбегал бы. — Тебе туда точно нельзя. Как быть, если не вернёшься?

— Ночью донжон не представляет опасности, — резонно возражает Сердий. — Он даже эфир почти не излучает. Ребята-изола недавно к нему вплотную подбирались, и ничего. Даже их резиста хватило.

— Если там так безопасно, — ехидно фыркает кхелот, вновь усаживаясь на возвращённый стул, — отправь туда своих наследников. Судя по их навыкам, простую разведку они вполне осият. Может, и донжон разнесут — вот будет прекрасно...

— А если оба не вернуться? — равнодушно предполагает Сердий. — Где новых прикажешь искать?

Советник насмешливо улыбается:

— Ещё скажи, тебя учить надо.

— И что нам надо сделать? — хмуро прерываю обмен колкостями. На сто процентов уверен, что стариканы просто разыгрывают перед нами представление. По итогам которого нас всё равно туда отправят. Так чего время зря терять?

— И как мы туда попадём? — подаёт вдруг голос молчавший до этих пор Игор. Вопрос, кстати, интересный, потому что ползать по отвесным стенам местные маги не умеют.

Удивление Сердия выдают только слегка приподнятые брови. Кажется, он уже привык, что младший наследник в присутствии названного папаши только отмалчивается. Моё дурное влияние, не иначе.

— Как попадёте — это наша забота, — отвечает Иерарх наследнику. — А что делать — осмотреть там всё по мере возможности.

— Я подключусь, — встречает Рах Шан. — И выведу картинку сюда. Всё равно нужно собрать о новом типе донжонов как можно больше информации.

На том мы и сходимся. Заканчиваем ужин, обсуждая детали. Нас с Игором отправляют на отдых, а Иерарх с советником остаются изыскивать способ запрыгнуть на верхотуру без использования лифта.

До палатки, в которую нас определили, идти недалеко. Лагерь уже спит, лишь кое-где слышатся негромкие разговоры. Неудивительно: люди второй день так воют. Магия — не магия, а у любого организма есть предел.

Поглядываю на младшего наследника. Выглядит он спокойным, только слишком уж задумчивый. Впрочем, не моё это дело.

Как ни странно, в нашей палатке даже спальные места предусмотрены — целых четыре. Хотя укладываться туда всё равно предлагается прямо в гирах. По крайней мере, Игор делает именно так, а местные обычаи он явно знает лучше меня.

Ложусь, закрываю глаза. И правда — удобно. Не как в роскошной постели, но не так уж плохо.

Игор тяжело вздыхает и шумно поворачивается на другой бок. Молчу. Через пару минут — повторяет.

— Волнуешься? — спрашиваю шёпотом. Мальчишка, разумеется, не отвечает. — Но какой в этом смысл? Как тебе это поможет лучше соображать или управляться со своим Источником? А вот сон — поможет. Мы их там всех, — зеваю, — порвём как тузик грелку. Так что спи.

Всегда считал, что простая логика убеждает круче любых уговоров. Вот и сейчас —

проходит буквально пять минут, как Игор начинает сопеть. А вот у меня, несмотря на все разговоры, сна ни в одном глазу.

Не волнуюсь, кстати, но пережитые за день впечатления водят в голове хороводы и мешают сосредоточиться. Не знаю, сколько проходит времени перед тем, как я забываюсь тревожным сном.

И будто бы через минуту подскакиваю. Сердце выстукивает бешеный ритм.

Неудивительно: надо мной тенью Немезиды нависает Эма. Замечает, что я проснулся, — и отшатывается.

— Нравится смотреть, как я сплю? — вопрошаю неприветливо. Но что-то мне подсказывает, что этот крендель подходил ко мне совсем не за этим.

— Хотел уточнить, не сдох ли ты, — фыркает рыжий. — К сожалению, нет.

Совсем не понимаю, чего он на меня так злится. Ну навалял слегка, с кем не бывает? Вряд ли он так же кровно заинтересован в моём исчезновении, как тот же Ангвар. Или даже Игор с Весенией. Последние, кстати, и то меньше эмоций выдают.

— Не дождёшься, — глумливо возражаю я.

— Посмотрим, — не сдаётся Эма.

И, помолчав, добавляет:

— Учти: никакой благодарности я по отношению к тебе не ощущаю. Ты просто странный чужак, который по недоразумению занял чьё-то место. И вдруг решил, что имеет право это делать.

— А почему нет? — хмыкаю всё так же насмешливо. — Если ты мне его уступаешь, почему бы не занять? Ждёшь от меня благотворительности? Напрасно. Ущербным не уступаю.

— Болтай, пока можешь, — бормочет наглец. И укладывается на боковую. Видно, его хитрая стратегия заключалась в том, чтобы не дать мне выспаться. Умно.

Заснуть больше действительно не получается. Уверен, что у вышедшего на тропу войны Эмы тоже. Ждёт, наверное, что я его прямо сейчас захочу прибить, наивный. Идиот — он и в другом мире идиот.

Операция начинается за три часа до рассвета. Когда мы подходим к знакомому валу, там нас уже ждут. До омерзения бодрый, будто и не было бессонной ночи, Иерарх, и недовольный взъерошенный советник, прижимающий к лицу ладонь так, словно его тошнит.

— У нас всё-таки получилось настроить точку выхода внутри донжона, — радостно гудит Сердий, потирая руки. — И всё благодаря советнику.

Рах Шан с гримасой отвращения кривится, будто его не похвалили, а обругали последними словами.

— Я бы не хотел об этом распространяться, — непреклонно отрезает он.

— Да? — Сердий смотрит непонимающе. — А жаль — такой анекдот получился бы.

— Вот про свои деяния и рассказывай, — бросает Рах Шан, отворачиваясь.

— Ладно, — покладисто соглашается Сердий. И вручает нам с Игором круглые чёрные бусины размером с крупную горошину. — Возьмите экстренные портаторы. Оттуда добираться будете с их помощью.

Разглядываю выданный мне предмет. Ничего необычного — шарик как шарик, на пластиковый похож.

— А как им пользоваться? — вырывается у меня.

Вопрос, однако, никого не удивляет. Мне отвечает Игор.

— Чтобы он сработал, его нужно раздавить, — тоном отличника произносит он. — Можно попробовать пальцами, а можно просто бросить на пол и наступить со всей силы.

— Именно так, — подтверждает Сердий. — Готовы отправляться? Время не ждёт.

— Подожди, — спохватывается советник. — Мне ещё и к ним надо подключиться. Мы наблюдать собирались.

Сердий скептически хмыкает:

— Не слишком ли это? Был бы у тебя хоть Источник...

— Кайзер всё равно потребует отчёта, — отмахивается красноглазый. — Умри, но сделай, иначе никак.

Иерарх согласно кивает, будто не понаслышке знает о нравах правителя Великой России. Впрочем, скорее всего как раз знает.

— Ма-а-акс, — приторно-дружелюбно тянет красноглазый. — Иди сюда, синхронизироваться будем.

— А можно не нужно? — отступаю я в сторону. Что он там в прошлый раз делал — глазами Иерарха смотрел? Ещё и в голову, не приведи Ньютон влезет. И кто его разберёт, что он там нашарит!

— Я готов, — спасает меня «пионер» Игор. — Я немного учился синхронизации, а Макс — нет.

Красноглазый печально вздыхает:

— Сегодня мне поразительно не везёт на веселье. Ладно, чего уж. Вставай тут, мальчик.

По сравнению с утренней синхронизацией с Сердием, всё проходит даже слишком быстро: Рах Шан просто смотрит полминуты в лицо Игору, а когда отворачивается, выглядит как обычно.

— Это минимальный уровень, — поясняет он, будто прочитав мои мысли. — Мы не сможем обмениваться мыслями или проводить магию. Я просто буду считывать ваше окружение.

— Смотрите в оба, — напутствует Иерарх. — Не стоит при малейшей опасности использовать портатор. Подумайте о том, насколько хуже может быть завтра. И попытайтесь обнаружить что-нибудь полезное.

На этой оптимистической ноте мы по очереди входим в уже настроенный круг телепорта. И в первый момент мне кажется, что я ослеп.

Глава 25

Вечный двигатель

Место, в котором мы оказываемся, совершенно тёмное. И тихо здесь настолько, что собственное дыхание кажется громовым. Пахнет древесной гнилью и — совсем немного! — какими-то цветами.

— Здесь правда темно, или мне при перемещении глаза выкололо? — шепчу в пространство, искренне надеясь, что услышит меня Игор, а не какая-нибудь оголодавшая тварь.

К счастью, наследник тут же отзывается:

— Правда темно. Кажется, нас перенесло глубже, чем надо. Портатор что ли куда-то закатился...

— А что было бы, если бы он закатился в мышиную нору? — живо интересуюсь я. — В смысле, в узкую щель?

— При перемещении вокруг тела формируется энергетический пузырь, — как по писанному отвечает мальчишка. — Он отталкивает предметы и живых существ, которые могут оказаться на пути перемещаемого. Если же оттолкнуть не получается, то энергетический импульс направляется вовнутрь.

Ишь ты, как изящно они сообщили, что тебя внутри этого самого пузыря размажет! И как они вообще такой дрянью пользуются, да ещё и повсеместно?

— Процент несчастных случаев крайне мал, — как-то неубедительно отвечает Игор на моё скептическое фырканье. — Этот способ перемещения считают одним из самых безопасных.

— Конечно, — киваю, хоть он меня и не видит. — Вряд ли пострадавшие приходят жаловаться... Погоди-ка! Что это?

— Что? — судя по звукам, Игор вертится по сторонам. — Где?

— Замри и помалкивай, — команду я, направляясь вперёд. Туда, где из тонкой щели снизу пробивается тусклое красное свечение. Вытянутые вперёд руки быстро натываются на шероховатую стену. Получается, что-то за ней есть?

Осторожно простукиваю преграду. Конечно, нас могут услышать, но ничего не попишешь. Вечно тут сидеть у нас точно не получится. Судя по звуку, между нами и таинственным источником света — не слишком толстая деревянная панель.

Получится ли её разбить? А вот сейчас посмотрим!

— Игор, отойди-ка подальше, — говорю я. И, не дожидаясь ответа, пинаю преграду ногой. Чувствую, как она сотрясается — стена, а не нога, ясное дело! — а щель внизу становится чуть шире. Измученным темнотой глазам даже это кажется королевским подарком.

Воодушевлённый некоторым успехом, упираюсь в преграду между светом и мной правым плечом и как следует её толкаю. Ещё раз! Ещё...

Душераздирающий скрежет — и потеря опоры. Пытаюсь сохранить хотя бы равновесие и, глотая пыль, вваливаюсь в образовавшийся пролом.

И оказываюсь на свободе. Вокруг меня — обширное пространство, здорово напоминающее пещеру. Или, скорее, дупло, ведь кажется, что эта полость выдолблена в невероятных размеров дереве.

В центре всего этого пространства установлен большой шар, подсвеченный изнутри красным. Вокруг находятся шары поменьше, а позади антенной возвышается причудливая конструкция, напоминающая дерево. По полу вьются то ли корни, то ли кабели, каждый из которых стремится к главному шару. Или от него отходит, кто знает.

Никаких врагов тут не наблюдается. Уже неплохо.

— Это и есть нужное место? — выглядывает из пролома Игор. — Нужно разбить тот шар?

Пожимаю плечами. Разбить — дело нехитрое. Только хорошо бы сперва прикинуть, как эта штука работает. А то вдруг её уничтожение спровоцирует какой-нибудь мировой апокалипсис? Вряд ли, конечно, но кто их, эти технологии Бездны разберёт...

— В любом случае нужно подобраться к нему поближе, — будто бы соглашаюсь я. — Идём вперёд и смотрим в оба.

Хороший план был. Только трудновыполнимый. Потому что позади нас тут же раздаётся низкое рычание. Да, прямо из недавно пробитого мной пролома! Игор испуганно отскакивает от него подальше, а на моих кулаках тут же разгораются языки пламени.

Хлипкие остатки перегородки сносит могучим ударом. А из темноты на свет божий показывается гигантская морда.

Ладно, не такая уж гигантская — всего лишь в мой рост. А зубки у неё размером чуть ли не с моё предплечье. Больше всего это чудо эволюции напоминает крокодила: массивная зубастая башка на полтуши и сравнительно небольшое тело с длинным хвостом.

Тварь недовольно крутит мордой, пытаюсь сообразить, что её потревожило. А потом взгляд её злого зелёного глаза с тремя зрачками останавливается на нас.

Зубастая пасть широко раскрывается — и меня будто прикладывает молотом, причём ко всем частям тела одновременно! Я шмякаюсь на пол, больно прикладываясь задом об какую-то коренюгу.

— Боевой рёв! — взволнованно поясняет Игор, в отличие от меня оставшийся на ногах. Просто он, в отличие от меня, догадался соорудить себе ледяной защитный экран. — Он создаёт плотную звуковую волну, которая оглушает противника.

Приятно знать, что пакость, которой тебе прилетело, имеет какое-никакое научное обоснование!

Но тварь решает, что мы уже достаточно приготовлены, и шустро подгребает к нам. Ног у неё, к слову, целых шесть, правда, две центральные — только для вида. Ну или про запас, кто их знает. Мне бы тоже запасные части тела не помешали, а то очень уж больно...

Кое-как встаю на ноги. Вовремя! Зубастик совсем рядом.

Игор превращает ненужный теперь щит в ледяное облако. И запускает твари прямо в морду. Спустя мгновение, добавляю жару и я. Гигантская пасть захлопывается, прощально щёлкнув челюстями. А гадина вдруг исчезает прямо из-под атаки! Телепорт?

Искать, куда враг подевался, не приходится: тварь шмякается об пол, переместившись от нас подальше. То ли не рассчитала точку выхода, то ли по какой другой причине. И тут же его глаза вспыхивают в полутьме двумя яркими точками.

— Он подключается к моему Источнику! — тревожно сообщает Игор. — Тянет энергию! У тебя тоже?

Я вообще ничего не чувствую, но верю на слово. Вряд ли мальчишка станет придумывать в такой ситуации.

— Прикрой меня щитом, — то ли прошу, то ли ставлю перед фактом. — Сейчас мы его

прищучим.

Игор согласно угукает, а я уже несусь вперёд. Чем быстрее разберёмся с тварью, тем скорей доберёмся до таинственного шара и покончим наконец с этим прорывом.

И вот я на расстоянии удара! Существо не обращает на меня внимание, явно не принимая всерьёз. За что и платит, принимая огненный душ всей поверхностью тела! Как тебе такое?..

Но вместо того, чтобы спастись в ужасе, зверюга подставляет другой бок и кажется, даже немного подрастает! Прекращаю огонь. Тварь сердито лязгает зубами и взмахивает в мою сторону средней «бесполезной» лапой. Нет, очень даже полезной! Потому что она оказывается раза в два длиннее ходовых, а когти острые, словно лезвия.

Не успеваю отпрыгнуть, но Игор не дремлет, и перед разящей конечностью возникает ледяная стена. Слишком тонко! Когти врубаются в лёд и разбивают его, будто стеклянный. Острые осколки разлетаются в стороны — не только в меня, но и в неугомонную тварь. Один из них вонзается ей под глазом. И тут же существо, будто испугавшись, исчезает снова.

Боишься лезвий, значит? Очень интересно.

— Можешь его чем-нибудь приголубить? — кричу Игору, поворачиваясь к телепортнувшейся за спину гадине. — Только как следует, чтоб наверняка! Я отвлеку!

Кажется, мальчишка согласен. Но я уже бегу к зубастой морде, планируя отвлечь её на себя. Какая разница, может или не может? Пусть пробует, а там посмотрим!

Подлетаю к животному, которое явно ожидает от меня ещё одну порцию живительного тепла. И прописываю — не менее живительный, но гораздо более неприятный пинок по лапе! Обиженная тварь поджимает пострадавшую конечность, изворачивается и делает выпад в мою сторону. Но я наготове: уйду в сторону и легонько — уж как получается! — тюкаю кулаком по боковой части верхней челюсти. Слишком слабо, но разозлившейся гадине хватает и этого. Бешено щёлкает челюстями, она бросается на меня — и замирает, пришипленная сверху толстенным ледяным шипом, словно бабочка — булавкой.

Вот так наверняка!

Поворачиваюсь к мальчишке, чтобы похвалить — а он, оказывается, согнулся пополам, судорожно прижимая ладони к животу. Зацепило что ли?

В два шага подскакиваю поближе. Крови вроде не видно, уже неплохо. Но как быть — непонятно: то ли дать отдышаться, то ли портатор активировать.

— Ты как? — спрашиваю. — Говорить можешь?

— Источник... — сипит пацан. — Слишком... много...

— И что? — тороплю я. — Взорвёшься сейчас? Мне уже сваливать, или тебя ещё можно спасти?

Игор надрывно вдыхает и наконец поднимает голову:

— Силы... не рассчитал, — с трудом проговаривает он. — Само... пройдёт.

Неожиданно для себя чувствую облегчение. Всё-таки мёртвые дети, хоть и из конкурирующей группировки, меня не радуют. Ободряюще хлопаю парня по плечу и отхожу в сторону, чтобы не смущать. Мало ли что там ему прихватило.

Возвращаюсь к поверженной вражине и обнаруживаю сразу две вещи. Во-первых, ледяной снаряд, созданный Игором, действительно огромный. Пожалуй, даже одним только весом прибить можно. Во-вторых, поверженное существо попросту исчезло. Не переместилось, как в прошлые разы, а будто испарилось из этого мира. Так, если бы активировало экстренный портатор...

А может, этому есть другое объяснение, которое я не знаю, просто из-за своего иномирного происхождения.

Пока я думаю, младший наследник наконец приходит в себя и подходит поближе.

— Он ушёл? — спрашивает серьёзно. Ну, значит исчезать в момент смерти тут точно не норма!

Пожимаю плечами:

— Кто знает... Меня больше смущает то, что он был в том закутке вместе с нами.

Оказывается, не совсем. Место, в котором мы очутились сразу после перемещения, — всего лишь вход в глубокую нору. Исследовать её мы, естественно, не собираемся, но вопросы возникают. Кто и зачем замаскировал его деревянной панелью? А ещё интересно, сколько таких ходов тут вообще насчитывается и кто в них может скрываться.

Переглядываемся с Игорем и дружно двигаем в сторону центра. Сейчас разберёмся с магической сферой — и ходу. Знакомиться со всеми здешними обитателями никому из нас не хочется.

— Эти корни похожи на провода, — замечаю, в очередной раз спотыкаясь о названные предметы. — Будто эта сфера к чему-то подключена.

И что, спрашивается, через них может передаваться? Вода и питательные вещества, как в настоящем дереве? Что-то типа электричества или какой-то особой магической энергии?

— Может, стоит тогда их перерезать? — подаёт идею гениальный ребёнок.

Качаю головой:

— Слишком долго придётся ковыряться. Мы тут с этой кракозяброй чёрти что творили — повредили хоть что-нибудь? Да и основные каналы могут быть подведены так, что мы их не видим. В толще дерева, например.

— Значит, надо сферу сбивать, — воинственно произносит Игор. Ишь ты, разбушевался.

— Силёнок-то хватит? Что там у тебя с твоим Источником было?

Щёки наследника предательски краснеют:

— Я уже в порядке. На тренировках и не такое бывало.

— Одно дело тренировки. Другое — реальная ситуация, — возражаю я. — Тут и скопытиться недолго...

Игор не отвечает, потому что мы наконец подходим к таинственной сфере. Вблизи она ещё больше впечатляет. Сейчас видно, как внутри, в самом центре, медленно закручивается воронка. Так и кажется, что там вот-вот откроется какой-нибудь портал. В какую-нибудь бездну, ага.

Чисто для любопытства пуляю в круглый прозрачный бок сгусток пламени. И сразу один из маленьких шаров, находящихся рядом, вспыхивает белым.

И что это значит?

Направляю в сферу поток пламени — загораются ещё два шара. Больше никакого эффекта не наблюдаю. Разве что воронка внутри теперь закручивается чуть быстрее. Оно что, поглощает огненную энергию?

— Игор, попробуй ты, — отступаю в сторону. Загоревшиеся было шары медленно гаснут.

Гениальный наследник, недолго думая, формирует в воздухе что-то типа дротика. И попростому метает в цель. Ледяной дрын втыкается в бок сферы — и рассыпается пылью. Мда. Ну, хоть предательские лампочки цвет не поменяли!

Оглядываюсь туда, где медленно тает созданная мальчишкой глыба.

— А можешь приложить эту штуку, — указываю на сферу, — вон той? Раз уж ты в полном порядке.

— Конечно, — слегка неуверенно кивает Игор. Но признаваться в чрезмерной браваре не торопится. — Отойди подальше.

Делаю, что сказано, а наследник усилием воли поднимает подтаявшую глыбу в воздух. Он полностью сосредоточен, по виску стекает струйка пота. Хорошо, хоть тащить не так уж далеко. Тем более, что транспортировав лёд поближе, Игор запускает его в упрямую сферу. Треск! Все источники света вокруг неё вспыхивают, а огромная глыба рассыпается снежной трухой.

Такого ведь не может быть, правда?

Подхожу поближе, а цвет шаров вокруг главной сферы снова меняется с белого на красный. Получается, силу моего огня эта штука всосала. А после — поглотила энергию, с которой Игор запустил в неё свою сосульку. Вот эти светящиеся шары — это ведь индикация заряда, правильно?

— Рассвет, — сообщает Игор. — Пора уходить.

— Иди, — отмахиваюсь. — Я пока тут останусь. Мне нужно кое-что увидеть.

— Тогда и я остаюсь, — безапелляционно заявляет наследник. — Раз вместе пришли, уйдём тоже вместе.

— Как знаешь, — легко соглашаюсь я. Чай, своя голова на плечах имеется. — Смотри-ка! Начинается!

За пределами донжона, видимо, наконец взошло солнце. И по многочисленным корням, старательно разложенным по полу, побежали светлые искорки. От периферии — к центру, как и положено.

Шары вокруг главной сферы разгораются белым светом, а воронка внутри неё раскручивается всё активнее. А ещё — всё тот же запах цветов, который я ощущал ранее.

— Чем пахнет? — спрашиваю Игор, старательно зажимающего нос.

— Эфиром, — гундосо отвечает он. — Гадость, правда?

Пожалуй, нет. Пахнет разве что слишком сильно и приторно. Впрочем, спорить некогда, да и не о чем.

Игор издаёт удивлённый возглас. И правда, есть, чему удивляться, — внутри сферы будто открывается круглое окно. Толком через него ничего не видно, но аромат эфира тут же становится нестерпимым. Он словно проникает в каждую клетку организма, пробуя её на прочность.

Я уже собираюсь скомандовать наследнику отступление, как один из светящихся шаров вдруг меняет цвет на красный. И тут же огоньки в целом секторе корней-проводников замирают, будто их застопорили. Предохранители? Очень интересно.

Вот теперь информации достаточно. Можно уходить.

Достаю бусину портатора и показываю её Игору. Мальчишка, на котором уже лица нет, понятливо кивает. Он перемещается первым, я — несколькими секундами позже.

И тут же оказываюсь под перекрёстным огнём четырёх пар глаз. Если они действительно видели то, что там произошло, нет смысла объяснять. Поэтому начинаю с главного:

— Я знаю, как уничтожить донжон. Но это не точно.

К счастью, никаких гарантий с меня не требуют. Сердий прекрасно понимает: риск велик, но действовать надо срочно. И раз уж других идей, кроме перегрузки системы нет,

значит, она будет рабочей.

Рах Шан обещает призвать нам на помощь отряд вечных, которые как раз освободились с недавнего задания. Без понятия, кто они такие, но помощь — это ведь хорошо.

В целом наш план прост, как три копейки. Пока ратники совместно с обещанными советником вечными (кто бы они ни были) шинкуют созданных из палок и мусора тварей, мы вчетвером — я, Иерарх, Рах Шан и Игор — перемещаемся к кристаллам, которые, судя по всему, выполняют в системе донжона роль коллекторов. То есть, собирают из окружающей среды солнечную и магическую энергию.

Но что будет, если этой энергии поступит не просто много, а очень много?

Вот сегодня мы это и проверим!

Операция назначена на полдень, — время наибольшей солнечной активности. За несколько часов нам с Игором удаётся отдохнуть. Так что когда мы собираемся в условленном месте, я чувствую лёгкое предвкушение экспериментатора.

— Чтобы не привлекать лишнее внимание, отправляемся поодиночке, — отрывисто произносит Иерарх. — Придётся смотреть в оба и защищать себя, если что. Экстренные портаторы постарайтесь использовать только в крайнем случае. Помните: ответственность за благополучие всей Великой России лежит на нас.

Вот уж не хотелось бы такой ответственности! Но делать нечего: ступаю в заранее настроенный телепортационный круг.

Игра начинается.

Глава 26

Бада Бум

С того момента, как я впервые сюда переместился, окружающий лес изменился не слишком. Всё те же толстенные деревья, тот же туман и чёрным бельмом маячащий впереди донжон. Единственная разница — пылающие, будто лампы накаливания, кристаллы. Здоровенные — в человеческий рост, и толстые, словно колонны.

А ещё запах — знакомый запах разлитого в воздухе эфира.

Тревожно озираюсь по сторонам, но врагов не видно. Со стороны лагеря доносится шум битвы, видно, внимание контролирующих донжон сил сейчас находится там.

Начнём, пожалуй.

Мои ладони тут же окутывает пламя. Удивительно — теперь это стало получаться у меня само собой. Вот так проживу здесь хотя бы полгода — и вообще забуду того Воскресенского Максима, которым когда-то был.

Поток пламени срывается с ладоней и разливается по сияющей поверхности кристаллов. Но интересно и весело от этого только первые пять минут. Магия вливается внутрь предполагаемых коллекторов словно в бездонный колодец.

И сам собой в голову приходит закономерный вопрос. А получится ли у нас четверых вообще его наполнить? Но раз уж взялись — будем стоять до победного.

В районе солнечного сплетения резко скручивает. Ещё не больно, но остановиться, чтобы отдышаться, приходится.

И тут же сбоку слышатся осторожные шаги. Поворачиваюсь, сразу же позабыв о неприятных ощущениях под ложечкой. Получить от порождённого Бездной монстра по шее будет всяко неприятнее!

Но ко мне подбирается не монстр. Эма.

Его глаза лихорадочно блестят, а на физиономии застыла неестественная улыбка. Он похож на психа, и помимо воли поднимает в душе волну опасений.

— Ты что тут забыл, Эммочка? — почти ласково интересуюсь я. — Разве ты уже выздоровел?

Вообще-то обе руки у него выглядят как обычно, будто и не было тех ранений. Но кто её знает, эту магическую медицину. Может, они иллюзию наложили, чтобы людей не пугать.

— Разве я мог остаться в стороне? — возвращает вопрос рыжий. — Великий Макс смотался в разведку, а теперь героически спасает Великую же Росию. Знаешь, сколько платят очевидцам таких событий?

Отрицательно качаю головой:

— Вообще-то я тут не один спасаю. И обнародовать происходящее никто вроде бы не собирался.

Но Эма меня не слышит. Он проходит вперёд и останавливается рядом с кристаллами, задумчиво глядя на донжон. А я, пока он на глазах и не делает ничего опасного, снова начинаю потихоньку вливать энергию в систему. Она сама себя не перегрузит вообще-то. Но теперь я старательно контролирую поток пламени. Не хватает ещё перед рыжим родственником скрючиться.

— Та лекарша болтала, что мне сюда нельзя, — будто сам с собой говорит Эма. — Новое отравление эфиром спровоцировать можно. Но знаешь что?

Рыжий бросает на меня косой взгляд — острый, будто осколок бутылки.

— Срать я хотел на её тухлый трёп. Эти неудачники вообще ничего не понимают.

— А ты, получается, понимаешь? — миролюбиво вопрошаю я. Ну а вдруг заболтаю?

Драться мне сейчас ну совсем не с руки. А вот после того, как бахнет...

— Слушай, Макс, — переводит тему Эма. — На что ты готов ради своей цели?

Вспоминаю годы, потраченные на то, чтобы прищучить Николаича, и отвечаю:

— На всё.

Эма довольно кивает:

— Как и я. А какая, Макс, у тебя сейчас цель?

— Стать наследником Иерарха? — усмехаюсь я. Ну да, по сравнению с моей прошлой жизнью как-то мелко. И рыжий улавливает мои сомнения.

— И на что ты готов ради этого пойти, Макс? — обличающе тыкает он в меня пальцем. Не успеваю ответить, а он уже продолжает. — Ни на что, правда? Все наши старания — для тебя просто грязь под ногтями. Я прав, Макс?

— Да с чего ты так решил-то? — возмущаюсь я. И какая разница, что я там вообще об их заморочках думаю? Не до них мне вообще, тут в собственной жизни разобраться бы. Но Эме этого не объяснишь, он уже всё для себя понял.

— Лучше б ты и дальше не высывался, — в сердцах бросает он. — Игорю я ещё готов уступить. Но не тебе.

Внимательно слежу за неуравновешенным придурком. Кажется, что именно сейчас он может напасть. Но злость Эмы мгновенно сходит на нет, словно её не было. Он вообще от меня отворачивается. И продолжает:

— Я всегда считал, что мы похожи. Ни на что не способные неудачники с рождения. Выбраковка. Только тебе повезло стать сыном Иерарха, а моя семья еле сводила концы с концами. Тебе не надо было шевелить даже пальцем, а я стирал свои в кровь на бесконечных тренировках.

Некоторое время он молчит, а я поддаю жару. Источник может, конечно, не выдержать... Плевать! Ведь чем раньше завершится операция, тем лучше.

— И мои старания заметили! Господин Ангвар предложил мне работать на него. Ты хоть представляешь, какая это удача?

— Думаю, странно называть господином своего родственника, — бормочу я. Эма, разумеется, этого не слышит, потому что слушает исключительно себя.

— Он обещал принять меня в свою семью, — неожиданно признаётся Эма. — Говорил, что хочет отправиться на покой, только дела оставить некому.

Ну, понятно. Товарищ Ангвар ездил идиоту по ушам, кто бы мог подумать. Только я-то тут причём?

— А потом ты сумел прикоснуться к Источнику, — меланхолично продолжает Эма, даже не подозревая, что отвечает на не заданный мной вопрос. — И всем сразу появилось до тебя дело. В один день из полного ничтожества ты стал тем, о ком господин Ангвар вынужден думать днём и ночью.

Фух, вот уж не было печали. Похоже, я недооценил степень отбитости некоторых родственников Максина. А она прямо удивительна.

Рыжий снова оглядывается на меня и усмехается:

— А о моём усыновлении он больше не заговаривал, представляешь? И всё из-за тебя.

— Логика у тебя — моё почтение, — насмешливо возражаю я. — Это ж ваши дела,

каким боком я к ним? Да и вообще. Неужто считаешь, что такие обещания что-то значат? Какой-то совсем наивный ты, Эммочка.

Вместо того, чтобы рассердиться, Эма задумчиво кивает:

— Может, ты и прав. Только моё слово — что-то да значит. И если я поклялся защищать интересы господина Ангвара, я буду это делать.

— Ну и ладно, флаг тебе в руки, — отмахиваюсь я. И тут же вижу, как самый толстый кристалл медленно, но верно, пропиливает вертикальная трещина. Значит, недолго осталось! Добавляю мощности — теперь это важнее, чем сохранить ресурс организма. Вот победим — тогда и отдыхать будем!

Краем глаза вижу, что Эма отходит ещё ближе к донжону. Идиот как он есть. Самоубиться решил что ли? То-то он мне тут про жизнь свою скорбную заливал. Ну конечно, дядя Макс виноват, что ты такой неудачник. Ангвар лапши на уши навешал, а ты и рад стараться.

Останавливать, впрочем не смею. Всегда считал, что любой человек волен делать со своей жизнью всё, что ему заблагорассудится. Пока не получит в табло от тех, кто будет с ним не согласен.

Что касается меня, то у меня и своих дел по горло. Заниматься истерикой избалованного мальчишки совершенно некогда. Лучше поддать ещё мощности...

Главный кристалл с громким противным звуком разваливается на куски. А затем — взрывается облаком блестящей пыли. И тут же начинают лопаться остальные. Впереди, по стенам донжона змеятся трещины, из которых рвутся во все стороны огненные языки.

Неужто сработало?!

— За всё в жизни нужно платить, — произносит вдруг позабытый мной Эма. И швыряет что-то в донжон. И это «что-то» очень похоже на бусину портатора...

Яркая вспышка — и на фоне разгорающегося пожара появляется женская фигурка. Очень, очень знакомая! Вирра с удивлением разглядывает открывающуюся перед ней картину.

А я понимаю, что девушка слишком близко.

— Сюда! — кричу я, бросаясь к ней. — Вирра! Скорее!

Она изумлённо оборачивается на мой голос. Слегка улыбается и делает шаг навстречу.

А после — исчезает в столбе пламени, будто её не было.

Вспышка выжигает сетчатку, но я этого не замечаю. Земля под ногами вздрагивает и замирает, словно свежий мертвец. Волна жара проходится по обнажённым участкам кожи, но я её скорее ожидаю, чем реально чувствую.

А что я сейчас чувствую — я и сам не знаю. Пожалуй, пустоту.

Которая стремительно наполняется слепящей яростью. Новый мир, новый я. Всё по-новому. Вот только твари, считающие себя вправе распоряжаться человеческой жизнью, здесь точно такие же, как и раньше! Даже хуже: ведь в их руках почти неограниченные возможности волшебного Источника.

И нет никого, кто мог бы сказать хоть слово против!

Мои мысли приобретают кристальную чёткость. Как это нет, если я здесь? Вторые шансы так просто не даются. Теперь, когда в моих руках ресурсы, положение и магические силы, я сумею перевернуть с ног на голову этот прогнивший мир!

Но сейчас я просто хочу крови.

И я её получу.

Медленно поворачиваюсь, ожидая, что рыжий подонок уже сбежал. Но нет. Вот он, стоит, голубчик. Рожа аж зелёная, глаза выпучил, весь трясётся.

— Что? — тихо спрашиваю, чуть не срываясь на рычание. — Весело тебе? Выполнил заказ своего господина?

Эма не отвечает. Он будто вообще меня не слышит. И не видит — пялится в бенующуюся за моей спиной огненную бездну.

— За всё в жизни надо платить, — произношу ещё тише, с каждым шагом сокращая расстояние между нами. — Особенно за глупость. Я за свою только что расплатился. Теперь твоя очередь.

До рыжего остаётся всего пара шагов, когда он отмирает и бросается прочь. Я несусь следом, почти нагоняю. И тут вижу, как Эма давит что-то в руке. Экстренный портатор!

Одним прыжком преодолеваю расстояние между нами и врезаюсь поганцу в спину. Летим кубарем куда-то вперёд, и я совсем не сразу замечаю, что окружающая обстановка изменилась. Только когда спотыкаюсь о кофейный столик и падаю на него с закономерным итогом.

— Я же просил, — слышится из другой комнаты страдальчески-возмущённый голос Ангвара. — Использовать только в самом крайнем случае...

И он замолкает, застыв на пороге и глядя, как я поднимаюсь на ноги среди бесформенных обломков.

Откуда-то из-за дивана выпрыгивает Эма. И бросается навстречу своему хозяину.

— Я сделал, как вы сказали! — горячно сообщает он. — Только там, кажется, какая-то ошибка.

— Я — и сказал? — брезгливо морщится Ангвар. — Что ты такое несёшь, Эма?

Рыжий изумлённо замирает, будто своим ушам не верит. Что, нравится, идиот? Вот уж нашёл себе господина, так нашёл.

— Но как же? — всё ещё не понимает глубины своего падения он. — Вы мне сами сказали зашвырнуть портатор в опасное место так, чтобы Макс это видел. Разве не помните?

Рожа Ангвара становится ещё более брезгливой. И в то же время — ехидной.

— Ты что-то путаешь, Эма, — с притворным терпением объясняет он. — Разве я имею что-то против потенциального наследника Иерарха? Да, я считаю Игора куда лучшим вариантом, чем Макс. Но разве могу я умышленно причинить вред одному из своих дорогих родственников? Видно, ты что-то неправильно понял, Эма.

Последние его слова тонут в моих бурных аплодисментах. Ангвар смотрит укоризненно, как на малыша, по недомыслию нарушающего правила этикета. Эма хмурится, привычно переводя своё недовольство на меня.

— Прекрасное представление! — хвалю совершенно искренне. — Только не пойму, как называется: «Бестолковые ублюдки» или «Дурной, ещё дурнее». Как думаешь, Ангвар, что вам двоим больше подходит?

Недородственник открывает рот, но ответить не успевает: огненный стусток уже летит ему в рожу. Плевать мне, что он там скажет. Всё, что надо, я уже узнал.

Уклончивый здоровяк чудом избегает столкновения, швыряя под удар подвернувшегося под руку рыжего. Тот шустро ставит то ли щит, то ли блок, и пламя перелетает на украшающие окна гардины. Те магичить не умеют, поэтому послушно тлеют, нещадно чадя.

— Ты не можешь вот так на меня нападать! — кричит Ангвар. Что, сволочь, чуешь, как припекает? — Магический поединок должен проходить по правилам!

— Кому должен — всем прощаю, — улыбаюсь я, запуская файербол в дверь, на которую нацелился Ангвар. — Лучше расскажи, как посмел вмешивать посторонних людей в свои разборки?

Ангвар отшатывается от жадно полыхнувшего дверного проёма. Магический огонь — это тебе не шутки, шваль. Он наконец понимает, что бежать некуда, и оборачивается ко мне.

— Давай поговорим, Макс, — задушевым тоном произносит он. — У нас было много разногласий, но решать всё таким способом...

— У тебя что, магии нету? — догадываюсь я. — А сколько было пафоса! Неудивительно, что старый Иерарх решил найти тебе замену.

Ангвар заметно злится:

— Всё у меня есть! Просто не собираюсь принимать твой вызов. Ты не вынудишь меня применить силу.

— Ну, значит, я тебя просто убью, — скалюсь я. И, вспомнив первое и последнее сражение с Иерархом, запускаю огненную волну. Она разносит всё, что стоит сейчас между нами с Ангваром. И обрушивается на щит, который внезапно вспыхивает вокруг противника.

— Да не причём я! — нервно вопит родственник. — Если так хочешь отплатить за Вирру, то почему бы не разобраться с Эмой, который всё это устроил?

— А разве кто-то из нас говорил про Вирру? — вкрадчиво интересуюсь я. Ангвар прикусывает язык, но уже слишком поздно. — К тому же этот придурок и так наказан.

Оборачиваюсь к Эме и глумливо интересуюсь:

— Слышишь, рыжий? Ты надеялся на преференции, а твою шкуру уже продали и заделывают ею дыры. Ишь, в семью получше он захотел. Так выбирал бы получше. Смешной ты.

Эма не отзывается, будто воды в рот набрал. Так и стоит, потупившись, на фоне полыхающей шторы, даже не пытаясь отойти подальше. Правильно. Пусть поразмыслит над своим поведением, пока я разбираюсь с зачинщиком. До исполнителя дело тоже дойдёт, будьте спокойны.

— Я ничего ему не обещал! — ожидаемо отпирается Ангвар. — Тем более — в семью. Не с такими способностями! Так, помогал по доброте душевной бедному родственнику. А он вон как отплатил!

Со стороны Эмы сквозь треск пламени доносится хриплый смешок.

— Бедному родственнику, значит, — угрожающе произносит он, будто бы себе под нос. — Ничего не обещал, значит...

Вскидывает голову, ненавидяще глядя на бывшего господина, и тут же взрывается криком:

— Вот как ты заговорил! Повесить всё на меня хочешь?! Не выйдет!

Прямо с места Эма взвивается в воздух — благо тут потолки высокие. По всему его телу змеятся молнии. Уверен, что если б не дым, все бы почувствовали запах озона.

Искрящийся кулак проносится в считанных сантиметрах от бородатой физиономии Ангвара. В ответ сын бывшего Иерарха просто толкает Эму раскрытыми ладонями в грудь. Нет! Не «просто» и не толкает вовсе! Его руки не долетают до тела соперника буквально пару сантиметров. Но Эму отбрасывает назад, прямо на тлеющие остатки штор.

Получается, Ангвар — мастер бесконтактного боя?

Как бы то ни было, близко к себе его лучше не подпускать.

Вид побоища двух бывших подельников, конечно, греет душу. Но со всей этой

катавасией пора заканчивать. А то ещё поубивают друг друга ненароком, и мне ничего не достанется.

— Я только одного не могу понять, Ангвар, — перетягиваю внимание враждебного родственника на себя. — Зачем понадобилось её убивать? Хотел меня зацепить? Ну, зацепил, радуйся. Только как бы тебе от этого хуже не стало.

Ангвар дышит тяжело, от его прежнего благодушного вида не осталось и следа. Борода всклокочена, прежде роскошный банный халат изгваздан сажей и похож на грязную тряпку. Поэтому, видно, он решает, что пора завязывать строить из себя благородного.

— Эта дрянь посмела меня предать, — желчно гавкает он. — Сбежала, не выполнив приказа. Никто не смеет так поступать с Ангваром Воскресенским!

— Слышь, Эма, — зло ухмыляюсь я. — Ты следующий. Зря ты его высочеству пытался по морде вдарить, раз не умеешь. Смотри, как надо.

Не знаю, слышит ли меня рыжий, но Ангвар готов к атаке. Бросаюсь к нему поближе, чтобы прижечь покрепче. Нельзя ведь заставлять стариканов ждать!

И тут прямо перед моим носом об пол грохает длинная корявая ветка, а со стороны Эмы слышится тихий рык.

Да что опять не так с этим идиотом?!

Глава 27

Что посеешь

Эма выглядит плохо — краше в гроб кладут. Примерно так можно представить себе оголодавшего упыря, внезапно восставшего от тысячелетнего забвения. Его бледное лицо изборождено чёрными отметинами, а в горящих яростью глазах нет ни единого проблеска мысли.

Вокруг него вздымаются те самые чёрные корявые ветки, которые нас атаковали. Причём кажется, что растут они прямо из заметно покрупневшего тела рыжего.

— Что ты с ним сделал? — обвиняюще вопрошает меня Ангвар. Будто это я, а не он, всю дорогу был с этим Эмой заодно!

Но возразить не получается, потому что ветки, торчащие за спиной поехавшего Эммочки, приходят в движение. А в следующий миг обрушиваются на нас градом колющих ударов!

Спешно урываюсь за потерявшим всякий приличный облик диваном. Одна из веток прошибает драную спинку прямо перед моим носом и тут же втягивается обратно. При ближайшем рассмотрении именно на ветку она не похожа. Скорее — на неизвестную мне часть тела какого-то насекомого.

— Хватит, Эма! — орёт в стороне Ангвар. Ему укрыться от озверевшего поделника не повезло, так что он развлекается тем, что отбивает поочерёдные удары свежешоппенных Эминых частей тела. Довольно успешно: его бесконтактный бой и правда работает. Но надолго ли его хватит?

— Слышь, придурок, — неожиданно даже для себя поднимаюсь из-за ненадёжного укрытия. — Ангвар мой! Я сам его прикончу.

И запускаю в слетевшего с катушек рыжего пламенный сгусток. Эма рассекает мой «привет» быстрым ударом одной из веток и фокусируется на новой цели. В смысле, на мне.

Бесконтактно воевать я не умею, поэтому сперва пытаюсь прижечь атакующие конечности. Но пламя безвредно стекает по их гладкой, будто бы хитиновой, поверхности, а мне приходится скакать по всей комнате, уходя от нескончаемых атак.

Плохая тактика! Потому что силы не бесконечные, а рыжему уроду от моего фейерверка ни тепло, ни холодно. Вон он — стоит, даже не шевелится, ржёт только. А всю работу за него неубиваемые ветки выполняют.

Но сама-то его туша не может быть неуязвимой, правда? По крайней мере, вероятность такая есть!

И как проверить? Ближе к нему не подберёшься — ветки хлещут вокруг как самые настоящие розги. Поток не поджаришь, потому что для этого надо хоть на секунду остановиться. А единичные атаки он попросту сбивает...

Перед глазами вспыхивает картина того, как Игор запускал в противников ледяные стрелы. Может, я тоже так сумею?

Сосредоточиться на бегу не получается, поэтому первый огненный «блин» выходит комом. И стрелы не стрелы, и вообще мимо — в притаившийся у стеночки, ещё даже не попорченный нашим сражением, шкаф. Тот радостно вспыхивает, добавляя и так вонючему воздуху новую порцию дыма.

Эма инстинктивно делает шаг в сторону. Пользуюсь мгновенной заминкой — и метаю в

него что-то, действительно похожее на рой стрел.

По крайней мере, мне хочется думать о своём поделии именно так.

Окружающие Эму хитиновые ветки настоroje, но разобраться со всеми целями не успевают. Огненная капля шлѐпает рыжему на гир. От такой подлости он взывает, так, будто ему не костюм, а шкуру прижгло!

Работает?!

Метаю новую порцию огненных дротиков, чтобы развить успех. И тут противник исчезает. В точности, как то чудище из донжона! За спиной грохает приземлившееся тело, и меня тут же сносит сокрушительным ударом. И сразу жмякает о стену! Хорошо, хоть успел сгруппироваться и защитить голову. Да и Максину на выносливость грех жаловаться.

Пытаюсь встать, буквально ощущая, как со спины подкрадывается обезумевший Эма с разящей конечностью наготове.

Внезапный вопль, почти визг, ввинчивается в уши. Взбадриваюсь так, что сразу забываю об травмах. Поворачиваюсь навстречу врагу — и замираю.

Картина маслом: Эма стоит рядом с обгоревшей дверью и держит на весу своими «ветками» трепыхающегося Ангвара. Который явно решил свинтить под шумок, пока рыжий меня колошматит. Не получилось.

Физиономию любимого родственника заливают кровь, под которой угадывается рваная рана. Других ран не видно, но медленно расплывающиеся пятна на бывшем когда-то светлым халате говорят сами за себя.

Ещё не хватало, чтобы Эма его прибил!

Ангвар должен сдохнуть, глядя мне в лицо. Как Николаич. Или хотя бы от моей руки. И дело не только в Вирре — ей-то уже всё равно, где бы она ни находилась. Дело в моём личном чувстве справедливости.

С моего места ясно видно, что новые конечности рыжего действительно растут прямо из его тела. Точнее — из спины.

Которой он — вот же придурок! — неосмотрительно повёрнут ко мне.

Пока Эма кошмарит Ангвара, подбираюсь поближе. И выдаю максимум: запускаю огненный шторм. От души! Ну а чего мелочиться-то? Надеюсь, я их обоих сейчас поджарю.

Пыхает так, что, наверное, по всему поместью посветлело. Вся комната тонет в адском пекле, даже меня самого пронимает. Хорошо, что гир хоть немного поглощает жар и в принципе не горит. Да и для меня собственная магия почти безвредна.

Мои глаза зажмурены и прикрыты предплечьем, но даже так их слепит. Слышно, как лопаются стѐкла оконных проѐмах, и освобождённая стихия рвѐтся наружу. Не представляю, как будет выглядеть комната, когда шторм утихнет...

Как ни странно, не так уж плохо, — понимаю, когда снова появляется возможность видеть. Огонь слизал всё, что могло гореть, но стены, пол и потолок пострадали не слишком. Видать, магия Иерарха их охраняет.

А вот чего не ожидаю, так это лицезреть стоящего на месте, как ни в чём не бывало, Эму. У него под ногами бесформенной кучей валяется целѐхонький Ангвар, разве что кровящи натекло больше, и халат обгорел чуть сильнее. Устойчивость к огню? Плохо.

Растущие из спины Эмы ветки с сухим треском отваливаются и сыпятся вниз, рассыпаясь по пути хлопьями пепла. Значит, всё-таки горят, голубчики! Главное, задать нужную температуру.

Рыжий медленно поворачивается ко мне, полыхает взглядом горящих глаз. И валится на

залапанный сажей пол рядом со своим подельником.

Отлично. Сейчас проверю — вдруг кто-то из них всё ещё жив.

Подступаю ближе. Чёрный дым, мирно курящийся над телом Эмы, вдруг извивается хлыстом и щёлкает в воздухе. От неожиданности делаю шаг назад. А ожившая дымка вдруг оскаливается знакомой зубастой мордой. Только не говорите, что монстр из донжона превратился в призрак и явился по мою душу!

Тело монстра всё больше уплотняется, хоть и остаётся полупрозрачным. Нет, это не та тварь, которую Игор пришили к полу ледяным копьём. Это существо, хоть и очень похоже, раза в два меньше и наверняка более шустрое.

Тварь встаёт на лапы перед бесчувственным телом Эмы и распахивает зубастый рот. Ласточкой бросаюсь в сторону, лишь бы уйти с линии поражения звуковой волной. Вовремя! Уши всё равно закладывает, но общее состояние остаётся прежним. За исключением отбитых локтей и коленей, разумеется!

Не успеваю подняться — тварь материализуется прямо надо мной. Радостно лязгает зубами. А огоньку не хочешь ли?!

Уже запустив в неё пламенным снарядом соображаю, что оказал себе медвежью услугу. Мы ж не просто так с Игорем её собрата льдом забивали...

Но, против ожидания, существо на огненный урон реагирует как надо: яростно мотает опалённой мордой и телепортируется куда подальше. Неудивительно, что захваченный этим монстром Эма так верещал, когда я его прижаривал.

Бодро подскакиваю с пола и поворачиваюсь к месту, куда переместилась тварь. Может, получится достать её снова? Метаю огненный сгусток — он безвредно растекается по полу, а существо тут же перемещается в пространстве. И снова мне за спину! Совпадение? Не думаю!

С полуоборота швыряю огонь в монстра. Он снова исчезает, а я тут же бросаю новый огненный «снежок» себе за спину. Наградой мне служит неистовый топот и последующий стук: подпалённый монстр врывается в стену, рассыпая вокруг пылающие искры.

Немедленно добавляю ещё жару. Тварь загорается. Юлой вертится на месте — и вдруг направляется ко мне. Будто понимает, что терять больше нечего. Плотный поток огня срывается с моих ладоней, встречая гадину на подходе и скрывая её от меня.

Не вижу противника всего мгновение — и тут же в бок вонзаются острые когти. Или зубы, кто их разберёт! Волшебная ткань гира трещит и рвётся, пострадавший участок будто обливает кипятком.

Сжимаю челюсти, чтоб не заорать, и, скорее рефлекторно, чем осознанно, взмахиваю рукой, отталкивая кусачую пакость. Бесполезно! Вцепилась намертво, хоть вместе с мясом отдирай!

Ладно. Держусь за её башку обеими руками и подключаюсь к Источнику. Пылай, зараза! Пламя наполняет каждую клетку монстрового организма, так, что его полупрозрачная плоть начинает светиться. Прибавляю жару, ощущая надсадную боль под ложечкой. Из ран в боку рвутся языки пламени. Они впитываются в тело противника и служат последней каплей.

Бах! Пепельный вихрь кружится вокруг меня, забивая глаза и нос. Тьфу, мерзость.

Торопливо прочихиваюсь и промаргиваюсь. Не хватало ещё схлопотать сейчас от какого-нибудь Эмы или Ангвара. Кто их знает, этих магов. У Максина вот отличная регенерация. Даже бок почти уже не болит.

Пытаюсь рассмотреть пострадавшее место получше, слегка наклоняюсь... И охаю от боли! Нет, пожалуй, моя регенерация не так хороша, как мне хотелось бы. Поэтому с оставшимися угрозами нужно разобраться как можно скорей.

Медленно, как столетний дед, доковыливаю до по-прежнему лежащего ничком Эмы. Кое-как склоняюсь и кладу руку на шею, чтобы проверить пульс. Я сейчас не в том состоянии, чтобы тратить энергию на мертвецов.

— Макс, нет! — в пустом помещении отзывается эхом женский вопль. В дверном проёме застыла Орлина, с ужасом взирающая на меня. Позади маячит хмурая и озабоченная Фати и куча незнакомых рож, подозреваю, что родственников.

Чёрт. Не успел. Их слишком много.

Под кожей на шее Эмы ощущается слабая пульсация. Всё-таки жив, сволочь. Брезгливо обтираю ладонь об свой замызганный кровью и копотью гир и, страдальчески морщась, разгибаюсь в полный рост.

Орлина вихрем врывается в комнату и бросается ко мне.

— Что произошло? — шёпотом спрашивает, с тревогой заглядывая в глаза. — Они пытались тебя убить?

Смотрю на суетящуюся женщину и не могу произнести ни слова. Безумная ночь, отвратительный день, смерть Вирры, сражение с Эмой и монстром из Бездны, ранение — ни на что больше сил уже не осталось. Меня сейчас даже трёхлетний ребёнок победит, не то что опытный маг.

— Сначала Макса лечи! — возмущённо шипит Орлина, завидев, что Фати направилась к поверженным. — Эти болваны, может, померли давно. А мальчик ранен!

Фати в ответ нахально улыбается:

— Ничего с твоим мальчиком не сделается. Он хотя бы на ногах стоит.

В этот момент я решаю, что правды в этих самых ногах нет, и по-простому плюхаюсь на задницу. Резкое движение будто вгоняет нож под рёбра. Шумно втягиваю в себя воздух.

— Макс! — Орлина падает рядом на колени, не заботясь о чистоте своей одежды. — Тебе очень плохо, да? Позвать Фати?

— Пусть сперва их посмотрит, — сиплю я. — Надеюсь, хоть один из них успел сдохнуть.

Орлина ничего не отвечает, только хмурится, пытливо вглядываясь в моё лицо. Наверняка потом не избежать расспросов. Ну и ладно, мне скрывать нечего.

— Эму — в лазарет, — деловито командует Фати. — Он сильно истощён, но опасности для жизни нет. Ангвара придётся латать здесь.

В комнате разом становится людно. Кто-то взваливает на добытые где-то носилки всё ещё бесчувственного Эму, кто-то укладывает поудобнее Ангвара. А про меня как будто забыли.

Но я не в обиде. Наблюдаю, как ладошки Фати точно выверенными движениями порхают над телом моего первого врага в этом мире и думаю. О том, что так даже лучше. Прикончить их беспамятными было бы слишком милосердно. Особенно Ангвара.

Так что пусть лечится. Пусть. А потом мы встретимся, и он на своей шкуре узнает, что зря со мной связался. Но будет поздно.

Уже слишком поздно.

— Ангвар, — зовёт Фати. — Вы меня слышите?

Несостоявшийся Иерарх что-то бурчит.

— Ангвар, — не сдаётся девушка. — Сколько пальцев видите?

— Два, — стонет мужик. Фати кивает: кажется, угадал.

— Вы помните, что тут произошло? — голос Фати становится мягким, задушевым, побуждающим выложить всю правду. Интересно, это её магия или просто врождённый талант? Как бы то ни было, Ангвар устоять не может.

— Конечно, помню, — невнято хрипит он. — Эма с Максином объединились, чтобы меня убить.

— Да что ты несёшь! — тут же возмущается Орлина. — Как ты смеешь говорить такое о будущем наследнике Иерарха?!

Ангвар возится, пытаясь усесться. На помощь ему бросаются двое из присутствующих. Они кое-как его поднимают. Лучше бы лежать оставили! Фати, конечно, убрала кровь и стянула какими-то светящимися стежками края раны. Но опалённые всклокоченные волосы и бороду убрать она не догадалась.

Насмешливо фыркая и тут же хватаюсь за раненый бок, в который раз напоминая себе, что аккуратнее надо. Снующие вокруг то ли родственники, то ли слуги смотрят на меня с осуждением. А что мне теперь, плакать что ли?

— Эти двое вероломно ворвались в мои покои, — неразборчиво жалуется Ангвар. — Я даже опомниться не успел. А потом Эма превратился в монстра. По всему видно, он порченный.

Окружающие ахают — кто сочувственно, кто злорадно, кто с жадным любопытством.

— Ты сам виноват, Ангвар, — морщась от боли, произношу я. Наконец-то до меня дошла очередь на лечебную магию Фати. — Не надо было нанимать его, чтобы со мной разобраться.

Здоровая щека Ангвара досадливо дёргается.

— Это ваши дела, — отпирается он. — Я стою и всегда стоял за нерушимые традиции и родственную взаимопомощь. Но это вам, молодым, я смотрю, наши ценности поперёк горла.

— Если твои нерушимые ценности заключаются в убийстве невинных, то да, — невозмутимо отвечаю я. — Охреневший от безнаказанности маразматик. Мой тебе совет: оглядывайся теперь по сторонам почаще. Мало ли что.

Глаза Ангвара чуть не выкатываются из орбит. Он тыкает в меня пальцем и возмущённо блажит, насколько позволяет покоцанная морда:

— Слышите? Все слышали? Этот сопляк и теперь мне угрожает! Даже не думай, что тебе сойдёт это с рук!

— Мы ещё не слышали версию Макса, — веско произносит Орлина, поднимаясь на ноги. — Даже если он действительно на тебя напал, в чём я лично сомневаюсь, у него должны были быть веские причины. И вообще, не стоит ли отложить все разбирательства до возвращения Иерарха?

— Ещё бы Воскресенские слушались мерзких пришлых баб, — с заметным отвращением произносит Ангвар. — Была б моя воля, пугало Темновых даже порог поместья не переступило бы... — Он резко замолкает, будто споткнувшись о мой взгляд. — Ладно, это не относится к делу. Важно то, что я, как заместитель Иерарха, могу и сам принять решение по этому вопросу.

Присутствующие, кроме нас с Орлиной и Фати, радостно гомонят. Поддерживают, значит. Эх, опять драться. Да что ж за день-то сегодня такой? Впрочем, Фати меня немного подлатала, значит, ещё повоюем. Да и матери Максина тоже палец в рот не клади вообще-то.

— И что же ты предлагаешь, заместитель Иерарха? — как можно более ехидно интересуюсь я.

— Только то, что полагается тебе по закону, — улыбается одной стороной рта Ангвар. — Незаконное проникновение — штраф, порча имущества — компенсация. Намеренное заражение мага эфиром — пятнадцать лет каторги. Покушение на Иерарха... и заместителя его! — смертная казнь. Мне достаточно компенсации морального вреда в размере тысячи рубов и твоей казни, разумеется. Негоже подавать остальным дурной пример. А то ещё кто-нибудь решит, что с Иерархом можно не считаться...

— Не с Иерархом, — указываю на логическую ошибку. — А с тобой. Это прям две большие разницы.

Поднимаюсь на ноги и демонстрирую обнаглевшему родственнику шиш.

— Видал? Я тебя скорее сам казню, чем позволю хоть пальцем к себе прикоснуться.

— Как скажешь, — отвечает родственник, печально прикрывая глаза. — Ребята, хватай его!

Мои кулаки вспыхивают пламенем, между ладоней Орлины клубится тьма. Немаги стремительно покидают помещение, любимые родственники подступают поближе и расчехляют свои умения.

Ух, что сейчас будет!..

— А ну, Ангвар, стервец! — вопит кто-то неожиданно знакомым голосом. — Я тебя чему учил, каналья?!

Конец первой книги

Больше книг на сайте — Knigoed.net